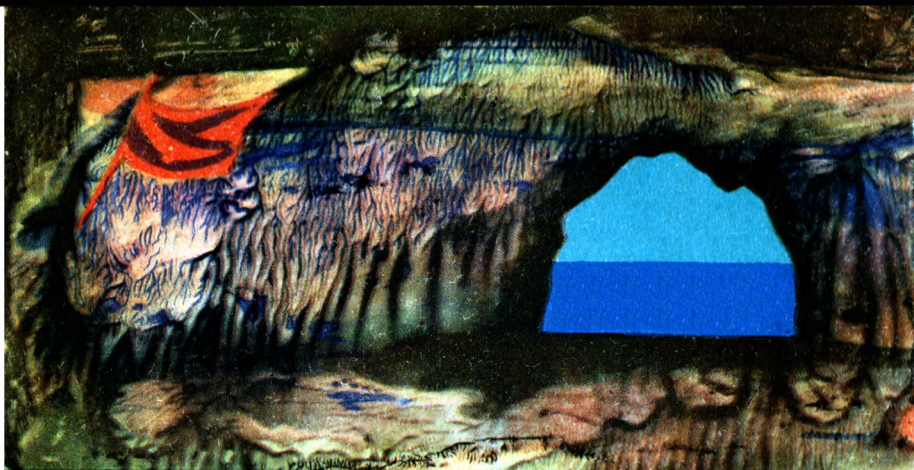

ЧЕСТЬ

ОТВАГА

Юр. Корольков

«Каждый гражданин, проживающий в городе, который знает о каких-либо входах в катакомбы или подземные каменоломни, обязан в течение 24 часов от момента опубликования настоящего приказа сообщить о них в письменной форме в соответствующий полицейский участок...

Караются смертной казнью жители тех домов, где по истечении указанного срока будут обнаружены входы и выходы катакомб, о которых не было сообщено властям. Несовершеннолетние нарушители сего

приказа караются наравне со взрослыми. Ввести в силу с 8 часов утра 5 ноября 1941 года...» (Из приказа командующего оккупационными войсками в г. Одессе.)

В катакомбах ОДЕССЫ

МУЖЕСТВО

8

честь, отвага, мужество

ЮР. КОРОЛЬКОВ

В катакомбах ОДЕССЫ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦКВЛКСМ
«МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ»
1 9 6 8**

P2
K68

Рис. на обложке А. БРУСИЛОВСКОГО

ХРАНИТЬ ВЕЧНО!

Города, как и люди, долго хранят память о прошлом...

Через много лет после войны я приехал в Одессу и вновь, как в далекие годы, сразу поддался обаянию этого южного приморского города. Одесса выглядела такой же, как и прежде,— оживленной, жизнерадостной, немного лиричной и очень зеленой. Платаны с фисташково-желтой корой, на которой будто застыли, окаменели зеленые солнечные блики, малахитовые акации с темной листвой и кривыми шипами-шпорами стали еще мощнее, тенистее, раскидистее. Еще бы, ведь прошло двадцать с лишним лет!

Я часами бродил по городу и уже не находил следов войны. Я ходил по улицам и пытался представить себе город таким, каким он был двадцать лет назад, в дни фашистской оккупации,— затаившимся и неприятным, с чужим говором и чужими порядками, с ночной стрельбой на улицах, с повешенными на балконах. Я пытался предста-

вить себе Одессу — сражающуюся в подполье, суровую, непокоренную и героическую...

Вот здесь, на улице Бебеля, в массивном сером доме, была румынская сигуранца, за углом, на Пушкинской, фашистское гестапо. На улице Ярославского, против чайной или трактира какого-то хозяйчика Георгию Несмеяну, застрелили двух арестованных подпольщиков «при попытке к бегству». Я знаю их фамилии... И в сердце поднимается глухая, тоскливая боль. Каково же было людям, пережившим все это?!

Вот улица Энгельса, бывшая Маразлиевская, громадное многоэтажное здание, утопающее в зелени соседнего парка. Широкий, красивый подъезд, сияющие на солнце просторные окна... Но я видел фотографию того же здания, взорванного советскими патриотами через несколько дней после того, как фашисты пришли в Одессу. Под развалинами здания погибло полтора гитлеровских солдат и офицеров, два генерала.

Воспоминания о минувшем, поиски участников событий привели меня на Пересыпь, в городской промышленный район, расположенный близ дамбы Хаджибейского лимана. Перед приходом врага патриоты взорвали дамбу, и воды лимана хлынули в низменную часть города, навстречу фашистам... А дальше — Одесские катакомбы, лабиринт подземных галерей, переходов, раскинувшихся на десятки, сотни километров под городом и его окрестностями. Здесь тоже шла героическая борьба. Перед тем как поехать в Одессу, я долго работал в архиве, читал, изучал до-

кументы, собранные в объемистые папки с надписью: «Операция «Форт». И на каждой из них, на каждом томе архивного дела стояли слова: «Хранить вечно!»

Страницу за страницей я перелистывал дело «Операция «Форт», посвященное подпольной борьбе в Одессе, — оно больше двадцати лет пролежало в архиве. Но как глубоко волновали минувшие события, изложенные в старых документах! По многу раз я перечитывал страницы, и передо мной возникали образы людей высокого долга, раскрывались их судьбы. Для меня эти люди становились живыми, я слышал их голоса, следил за их делами, был с ними рядом, жил с ними в сырых катакомбах, выходил с ними на боевые задания... И я задумался над символической надписью, призывающей потомков вечно хранить память о героях, которые, даже умирая, не должны были называть своих настоящих имен.

«Хранить вечно!»

Вот листок, вырванный из блокнота. Короткая, торпливая запись карандашом. Видно, у радиста, принимавшего шифрованную радиограмму, не было времени перепечатать ее на машинке. В записке всего несколько строк:

«Кир передал 20 июля 1941 года в 19 часов 45 минут: «Прибыли благополучно, если не считать бомбежки по дороге в Одессу. Ехали одиннадцать суток, немедленно приступили к работе... Подробное сообщение направляю фельдсвязью. Передайте жене, что здоров, пусть не тревожится. На радиосвязь будем выходить в условленное время на той же волне. Подтвердите получение. Кир».

Рядом с запиской — подробное донесение Кира.

Судя по штампу, оно прибыло только в августе. На отдельном лоскутке бумаги подколота справка: «Доставлено с опозданием. Фельдъегерь попал в авиационную катастрофу, был тяжело ранен. Самолет сбит истребителем противника. Пакет не поврежден, печати в сохранности. Почта в руках посторонних не находилась».

Значит, военная тайна была сохранена. О том, какой ценой удалось это сделать, скуповато говорил крохотный листок, подколотый к донесению. О сбереженной тайне напоминали и маслянистые, оранжевые пятна, тускло проступающие на листках бумаги, — следы сургучных печатей. И еще следы крови, засохшей на конверте.

Таинственный чекист-разведчик, руководитель одесского подполья, скрывавшийся под именем древнего властителя Кира, сообщал Центру о своих планах, о подборе людей, с которыми ему предстояло работать, указывал адреса явочных и конспиративных квартир, расположение тайников — почтовых ящиков. Несколько страниц занимала сложная система паролей, условных сигналов, знаков.

В первых донесениях Кира было много неясного и непонятного. Вот он пишет о каких-то будничных делах: на улице Тираспольской в парикмахерскую назначен новый заведующий, на окнах парикмахерской будут висеть тюлевые занавески розового цвета. На подоконнике — шляпа фетровая или соломенная, в зависимости от сезона. Окно — крайнее справа... Потом выясняется — новый заведующий парикмахерской, хозяин конспиративной квартиры, приступает к своим обязанностям.

Другую явку подготовили на бывшей Пежинской улице, в слесарной мастерской по ремонту примусов, керосинок, электрических утюгов. Потом химическая чистка, овощная палатка, харчевня на базаре, сапожная мастерская, их адреса, пароли, клички подпольщиков...

Через несколько страниц становится известной настоящая фамилия чекиста-разведчика, посланного из Москвы руководить подпольем в Одессе. Это бывший комсомолец Владимир Александрович Молодцов, тридцатилетний капитан государственной безопасности, коммунист, человек с обычной биографией: родился в Сасове Рязанской области, работал чернорабочим, был подручным слесаря, забойщиком на стройке метро в Москве, учился на рабфаке, окончил специальную школу чекистов...

Так вот кто этот таинственный разведчик с именем древнего полководца! В подполье у него была другая фамилия — Бадаев, Павел Бадаев, чекист из Москвы, прибывший по спецзаданию в Одессу.

Но тайны раскрываются постепенно. В одном из донесений внимание привлекла непонятная фраза. Кир писал: «Самсон работает параллельно и самостоятельно».

Кто такой Самсон? Кто этот человек с именем библейского героя? Ответ пришел позже — под этим именем работал Николай Гласов, тоже посланный из Москвы на подпольную работу в Одессу. Значит, кроме Кира, в Одессе действовали и другие разведывательные группы...

Были здесь и еще непонятные, короткие фразы, за которыми, вероятно, скрывалось что-то очень важ-

ное. Кир передавал в Москву, как обычно, шифрованной радиোগраммой:

«Параллельный центр и молчащая сеть разворачиваются по плану».

Долго, очень долго, эта фраза оставалась загадкой.

В октябре, перед самой оккупацией Одессы, московский радист записал: «Киру передано распоряжение Григория: на него возлагается общее руководство группой Самсона и параллельным центром».

А кто такой Григорий, кто скрывался под именем человека, руководившего разведчиками из Москвы?

За три дня до того, как фашистские войска заняли Одессу, Кир сообщал в Москву:

«Кир передал 13 октября 1941 года в 22 часа 20 минут. Партизанский отряд располагается в катакомбах близ села Нерубайское, в шести километрах от главного входа. Я с группой вхожу в отряд. Подземные лабиринты минирuem. Доставка оружия и продовольствия закончена. Телефонная связь с постами охраны и наблюдения установлена.

Самсон располагается со своими людьми в катакомбах района Дальник. Главный вход Дальницких катакомб в шлифовальном цехе зеркальной фабрики.

Для работы в городе сформирована молодежная группа. Во главе поставлен комсомолец Яков Гордиенко. Ему шестнадцать лет, смелый и энергичный парень».

На другой день Кир прислал новое донесение:

«Эвакуация города нашими войсками закончена. Уходят последние морские транспорты с войсками. Сеть зашифрована, все на своих местах. Просим по-

заботиться о наших семьях. Лично Григорию прошу передать следующее: его задание принято и подготовлено. Людьюми, техникой обеспечено. Примем все меры к выполнению. Будем действовать двумя самостоятельными группами. Об исполнении сообщу немедленно».

Центр поручал группе Владимира Молодцова осуществить первые диверсионные акты в оккупированной Одессе.

Фашистские войска вступили в покинутый город. В Одессу они вошли лишь во второй половине дня, не зная, что город уже два дня как оставлен его защитниками. И только в глубоком подполье остались нестигаемые, самоотверженные люди, вступившие в тяжелую и неравную борьбу с оккупантами.

Войска фашистов входили в город, когда через разрушенную взрывом дамбу Хаджибейского лимана в низменную часть Пересыпи хлынули потоки воды. Вода затопила улицы, дороги, преградила путь наступающим колоннам противника, и долгое время здесь нельзя было ни пройти, ни проехать. А через неделю ночную Одессу потряс взрыв страшной силы — на улице Энгельса взлетело на воздух здание, в котором разместилась фашистская военная комендатура.

Чекист Владимир Молодцов сообщил Григорию о выполнении задания, первого задания в оккупированной Одессе. Борьба началась...

МАСТЕРСКАЯ НА НЕЖИНСКОЙ УЛИЦЕ

По неровным каменным ступеням в слесарную мастерскую спустилась женщина с мальчиком. Она вошла неожиданно, и Яков едва успел сунуть за верстак газету, которую только что читал вслух. Брат зло посмотрел на него — такая неосторожность когда-нибудь доведет его до беды — и обернулся к вошедшим.

Женщина была высокая, молодая, низко повязанная платком, из-под которого смотрели большие глаза, в сумерках они казались совершенно черными. В резиновых высоких ботиках и стареньком пальто, она ничем не отличалась от обычных посетительниц слесарной мастерской Петра Бойко. После того как румыны оккупировали город, в клиентах не было недостатка. Местные жители несли сюда ремонтировать всякую хозяйственную рухлядь, годами лежавшую на полках и чердаках. Новых вещей купить было негде, разве только в комиссионных, где просили за них втридорога.

— Чем могу служить? — предупредительно спросил Алексей. Сейчас, когда хозяина не было в мастерской, Алексей Гордиенко оставался за старшего.

Женщина взяла из рук мальчика старый закопченный примус, завернутый в обрывок бумаги, и протянула его Алексею.

— Может быть, можно еще отремонтировать?

Алексей повертел в руках примус, покачал головой.

— Нет... Такой заказ не берем. Попробуйте зайти в другую мастерскую.

— Скажите, а у вас примус нельзя купить?

Алексей метнул быстрый взгляд на женщину. Яков, пиливший какой-то стержень, тоже насторожился: так начинался пароль.

— Да есть один, только с одесской горелкой, — ответил Алексей.

— Покажите.

— Пожалуйста... — Алексей подал женщине примус, стоявший на верстаке.

— А гарантию вы даете?

— На примус даем, на горелку нет.

Молодая женщина облегченно вздохнула.

— Ой, слава богу, наконец-то нашла вас! — воскликнула она, оглядываясь вокруг.

Братья Гордиенко и Саша Чиков, сидевший на низенькой скамейке в углу мастерской, тоже расплылись в улыбке. Все правильно — и пароль и отзывы. Значит, своя! К ним давно уже не приходили из каткомб, говорили даже, будто румыны замуровали все входы.

Это была Тамара Шестакова, связанная Бадаева.

— А Петра Ивановича я могу видеть? — совершенно другим, спокойным голосом спросила она.

— Нет, Петра Ивановича нет.

— А Якова?

— Яков здесь, — выступил вперед Гордиенко-младший.

Тамара удивленно смотрела на подростка в кубанке, в легком распахнутом бушлате, из-под которого выглядывала морская тельняшка. По виду он был чуть старше четырнадцатилетнего Коли, с которым Тамара пришла из катакомб.

— Где можно поговорить? — спросила Тамара.

— Идемте сюда! — Яков повел связную в каморку в глубине мастерской. Проходя мимо брата, он метнул на него торжествующий взгляд. Знай, мол, наших!

Яков радовался гордой мальчишеской радостью — его спрашивают, к нему приходят. Тамара посмотрела на него и засмеялась.

— Так вот ты какой... — она не сразу нашла подходящее слово, — какой чудной... подпольщик. А меня Тамарой зовут. Тамара Большая. Вот и познакомились!

Потом вдруг озорно обхватила его мальчишеские плечи и привлекла к себе. Яков вдруг задохнулся, смутился, вспыхнул. Ему стало неловко, почти совестно. Это продолжалось мгновение. Тамара отпустила его и пошла следом, продолжая счастливо смеяться — высокая, стройная, с сияющими глазами...

Для нее это была разрядка от того нервного напряжения, с которым она шла на незнакомую явку, по незнакомому, захваченному врагом городу. Все

обошлось хорошо. Евгения Михайловна Гуль — сначала Тамара зашла к ней переодеться — рассказала, как пройти с улицы Льва Толстого на Нежинскую, рассказала так подробно, что Тамара ни разу не спросила прохожих. А подпольщик Яков, к которому она шла, полагая встретить солидного, опытного конспиратора, оказался забавным мальчишкой. Она готова расцеловать его!..

Что касается Яши, то он воспринял все по-своему и не мог сразу прийти в себя. Хорошо, что ни брат, ни Сашка ничего не заметили.

— Идемте сюда,— повторил он, лишь бы только что-то сказать.

Тамара коротко бросила мальчику:

— Коля, подожди здесь,— и исчезла за покосившейся фанерной дверью.

Яков привел Тамару в кладовку, заваленную металлической рухлядью. Отсюда черный ход вел во двор.

— Что нового? — понизив голос, спросила Тамара.

— Нового?.. Румыны злющие ходят, после того как наши под откос их эшелон пустили. Опять заложников стали брать. Комендант приказал все выходы из катакомб на учет взять. Кто не допесет о входах — расстрел. Я этот приказ в первый же день достал, клей застыть не успел... Передайте его Блудаеву.

Яков порылся в углу, вытащил из старого кофейника листок, свернутый в трубочку, и отдал Тамаре.

— Я его уже сколько держу, мы думали всех нас румыны в катакомбах замуровали. А нет...

— Что еще? — перебила Тамара.

— Еще у еврейского кладбища зенитки поставили. Шесть штук, среднего калибра... Точно не знаю, нельзя подойти. Потом на Садовой в доме номер один штаб какой-то военный. Все время легковые машины стоят... Потом еще у спирто-водочного завода в начале сквера румыны большой склад горючего сделали. Не меньше тысячи тонн будет, и все возят в железных бочках... Запомнишь или записать?

— Запомню, запомню... Все? — Тамара снова улыбалась: подросток, стоявший перед ней, — он даже в кубанке был на голову ниже ее, — говорил какправский разведчик.

— Пока все. Главное насчет склада. Его знаешь как можно шархануть!

— Хорошо, все передам. Теперь слушай,— Тамара совсем понизила голос,— Бадаев приказал связаться с Крымовым, есть задание для вашей группы. Найдешь его через сапожника на Военном спуске, дом три. Запомни пароль...— И дважды заставила Якова повторить пароль, он даже немного обиделся — что он, беспамятливый?..

Простились они, как старые друзья. Тамара с Колей ушли из мастерской, а Яков, взволнованный встречей, сначала заговорил с друзьями о посторонних делах — надо бы до закрытия утюг починить, надо, наконец, дверь поправить... Но ему не терпелось поделиться своей радостью.

— Все передал,— радостно воскликнул он.— Товарищу Бадаеву в собственные руки велел отдать... Не забыла б чего!.. А Тамара, видно, опытная. Гляди, как придумала,— сперва свой примус принесла, потом про новый спросила.

В слесарной мастерской стало совсем темно — темнело рано, особенно в пасмурную погоду.

— Ладно, кончай базар,— сказал Алексей,— на сегодня хватит. Закрывай лавочку...

Саша Чиков запер наружную дверь, закрыл оконце фанерными щитами, включил электричество. Яков достал газету, которую второпях сунул за верстак.

— Так вот что,— наставительно сказал Алексей брату,— такие вещи сюда не таскай, завалишь и себя и других.

— А ты уже испугался! — задиристо возразил Яков.

— Испугался не испугался, делай как сказано. Я отвечаю за мастерскую. Иначе Петру Ивановичу расскажу.

— Ладно, уберу,— примирительно ответил Яков.— Но вы только послушайте, вот были ребята!..

Несколько дней назад Яков шел по Халтуринской улице мимо музея. Румынские солдаты очищали какое-то помещение и выбрасывали прямо на тротуар кипы старых газет, книг, журналов, какие-то папки, завязанные тесемками. Все это сваливали на грузовик и увозили. Яков постоял, поглядел, подтолкнул носком сапога раскрытую папку, из нее выпала газета, отпечатанная на серой оберточной бумаге. Яков поднял ее. «Коммунист», — прочитал он. — Орган подпольного Одесского губкома Российской Коммунистической партии большевиков. Сентябрь 1920 года».

Сначала Яков даже не сообразил,— первое, что пришло в голову: «Когда это наши успели выпустить подпольную газету?» Он торопливо сунул ее в карман и медленно пошел вниз к спуску. Потом догадался —

так ведь это ж газета того подполья, с гражданской войны...

В мастерскую ворвался бомбой.

— Ребята, подпольная газета, глядите!.. Орган подпольного обкома партии...

Алексей, Саша Чиков, Алеша Хорошенко обступили Якова, потянулись к газете, а он торжествующе глядел на ребят, довольный, что они попались на его розыгрыш.

— Слушай, Гордиенко,— сказал Алеша, когда обман раскрылся,— за это можно и по шее схлопотать... Чего врешь!

— Вот и не вру. Все равно газета подпольная — читай, что здесь написано. Про комсомольцев, которых судили. Семнадцать ребят, они, как и мы, в подполье работали.

Вспыхнувший спор оборвался. Заперев дверь в мастерскую, ребята ушли в кладовую и принялись читать газету двадцатилетней давности. Читали, пока кто-то не постучал в дверь. Газету спрятали. Пришел Бойко, «хозяин» мастерской, оставленный для подпольной работы в городе.

— Что, орлы, заперлись? Румын боитесь?

Он был немного под хмельком. Яков не утерпел и рассказал о своей находке. Бойко насупился.

— Вы мне такую литературу сюда не таскайте. По глупости и провалиться можно. Прочитайте и выбросьте.

Но Яков не выкинул газету, уж слишком полюбился ему комсомольцы, которые жили и умерли за пять лет до того, как родился он и его товарищи. И потом в свободные и спокойные минуты Яков не

раз доставал газету, вновь и вновь перечитывал ее, надеясь найти для себя между строк что-то важное и значимое. И в тот сумрачный вечер, когда ребята, заперев мастерскую, остались одни, Яков сел на верстак, зябко застегнул бушлат и начал читать сообщение, обведенное траурной рамкой:

«Светлой памяти замученных товарищей.

Процесс семнадцати.

Мы привыкли ко многому. В истории революционного движения было много чудовищных процессов, но такого кошмарного и нелепого суда еще не было. Все осужденные на смерть или каторгу относились к революционно настроенной или примыкавшей к ней молодежи.

Эти молодые люди, полные революционного энтузиазма, оставили нам свои письма, написанные в застенках после страшных мучений и пыток. Письма сами говорят за себя.

Они умерли, как молодые герои. Накануне казни охранявшая их стража принесла им вина. Они выпили за победу революции. Караул, который должен был вести их на расстрел, отказался стрелять в них, но и тюрьма отказалась принять их. Казнь в ту ночь не состоялась. Ночь они провели в полицейском участке, поддерживая и ободряя друг друга, твердо уверенные, что смерть их не останется неотмщенной.

Дорогие товарищи! Вы умерли с честью. Мы, оставшиеся в живых, знаем об этом. Дело, за которое вы погибли, не умрет. На смену вам идут многие, многие десятки и сотни неустрашимых революционных борцов.

Белые совершили свое злое дело. Мы встаем для отмщения. Мы покроем ваши могилы красным знаменем победившей социалистической революции!».

Вдруг Яков прервал чтение, насторожился. Прислушался...

Кто-то негромко постучал в дверь со двора: тук-тук... тук... Два коротких удара, потом еще один.

Алексей ответил также тихо: один короткий, два drobных удара в дверь. Прислушался: снова короткие удары.

Чиков пошел отворять дверь. Это были Любарский и Хорошенко — подпольщики из комсомольской группы. Первым шагнул через порожек Алеша Хорошенко: плотный, белобрысый, широколицый паренек с удивительно черными, широкими бровями. Алеша выглядел старше своих товарищей, но и ему не было полных семнадцати лет. Второй, Гриша Любарский, был худощав, из-под кепки выбивались смоляные кудри, а мягкие, девичьи очертания губ и задумчивые карие глаза придавали его лицу выражение застенчивой скромности.

— Давай, заходи,— встретил их Яков.— Чтоб тихо! — Он продолжал читать газету, содержание которой все уже давно знали, но все же слушали с интересом и вниманием.

Яков зачитал письмо осужденных, посланное в редакцию подпольной газеты. Оно было коротким и почему-то особенно волновало ребят. Впрочем, у каждого в этой газете были свои любимые строки.

«Девять юных коммунистов, — читал Гордиенко, — осужденных на смертную казнь 4 января 1920 года военно-полевым судом при штабе белогвардейской обороны Одессы, шлют свой предсмертный прощальный привет товарищам.

Желаем вам успешно продолжать наше общее дело.

Умираем, но торжествуем и приветствуем победоносное наступление Красной Армии. Надеемся и верим в конечное торжество идеалов коммунизма.

Да здравствует Красная Армия!»

Дальше шли фамилии осужденных — Дора Любарская, Ида Краснощекина, Яша Ройфман, Лев Спивак, Борис Туровский, Зигмунд Дуниковский, Василий Петренко, Миша Пельцман, Поля Барг. После фамилий комсомольцев-подпольщиков печатались их посмертные письма.

— Прочитай письмо Зигмунда, — попросил Хорошенко.

— И еще Доры Любарской, — поддержал Чиков. — Она не твоя родственница? — спросил он Гришу Любарского.

— Не знаю, вроде нет, — смутившись, ответил Гриша.

— Ладно, — сказал Яков, — давайте два этих письма прочтем напоследок — и все. Газету надо по-дальше спрятать...

Письмо первое — Зигмунда Дуниковского.

«Дорогие товарищи! Я был арестован во вторник, то есть неделю тому назад. При мне ничего не нашли. При аресте били, не веря, что я поляк,

До полудня я был спокоен, думал, что меня скоро отпустят. Потом меня позвали на допрос. Там меня били около часа, били резиной, ногами, крутили руки, поднимали за волосы, бросали на пол... Били по лицу, в зубы, но так, чтобы не оставалось следов. Наконец, взбешенный моим молчанием Иваньковский — первая сволочь в мире — ударил меня револьвером по голове. Я упал, обливаясь кровью. Несколько раз терял сознание. И вот тогда под влиянием нахлынувшей апатии сознался, что работал в подполье.

Мне грозит смертная казнь, если до того не случится чего-то исключительного. Ночью я два раза пытался выброситься из окна четвертого этажа, но меня хватили и снова били.

На рассвете меня опять повели на допрос, требовали, чтобы я назвал фамилии товарищей, работавших со мной. Снова долго били и ничего не добились.

Фактически я уже распрощался с жизнью и все же хочется, так хочется жить! Без борьбы не сдамся, без борьбы не умру. Если все же придется умереть, то встречу смерть с высоко поднятой головой.

Прощайте! Ваш Зигмунд».

Яков дочитал письмо, и в мастерской воцарилось глубокое молчание. Казалось, неизвестный Зигмунд обращается к каждому из них...

— Вот парень, все на себя взял, никого не выдал,— устремив невидящий взор куда-то мимо товарищей, сказал Хорошенко.

— А я ни за что б не сознался,— возразил Яков.— Все равно смерть. Признался, а его опять били.

— Читай дальше,— сказал Саша Чиков.
И Гордиенко развернул газету.
— Письмо Доры Любарской.

«Славные товарищи! Я умираю честно, как честно прожила свою маленькую жизнь. Через восемь дней мне будет двадцать два года, а вечером меня расстреляют. Мне не жаль, что погибну, жаль, что мало сделано в жизни для революции.

Как вела я себя при аресте, на суде, вам расскажут мои товарищи. Говорят, что держалась молодцом. Целую мою старенькую мамочку-товарища. Чувствую себя сознательной и не жалею о таком конце. Ведь я умираю как честная коммунистка. Мы, все приговоренные, держим себя хорошо, бодро. Сегодня читаем в последний раз газеты. Уже на Борислав, Перекоп наступают. Скоро, скоро вздохнет вся Украина и начнется живая созидательная работа. Жаль, что не смогу принять в ней участие.

Ну, прощайте. Будьте счастливы. Дора Любарская».

Второе письмо Доры Любарской.

«Мне осталось несколько часов жизни. Понимаю это так ясно, так четко, но не могу осознать, что скоро перестану чувствовать, слышать и понимать.

Но откуда в сердце живет какая-то надежда? Скверная человеческая натура! Ведь понимаю, что спасения нет и ждать его неоткуда... Чем дальше, тем тяжелее владеть собой, притворятся бодрой, разыгрывать молодца. Я еще не слаба духом, но слаба физически. Знаешь, Шура, милый, что я оставляю тебе на память о себе? Шапку! Носи ее. Это будет тебе

память о Дорике. Вы все такие славные, но ты как-то ближе всех, мне кажется, что ты понимаешь меня. Знаешь, что я люблю больше всего на свете? Солнце, цветы и знания. Я на воле много читала, многим интересовалась...

А время тянется... Отчего такой длинный день? Когда будешь на свободе, кланяйся солнцу, когда купишь первые весенние цветы — вспомни обо мне. Отчего ты, Шурик, мне так близок? Ведь я знаю тебя недолго. Я тебе не кажусь смешной? Скажи!

Я хочу быть свободной, как ветер, как дым, как весенняя песня поэта.

Жму твою славную товарищескую руку.

Дора».

Гриша отвернулся, чтобы ребята не заметили слез на его глазах. Ему так хотелось, чтобы Дора вырвалась из тюрьмы, чтобы осуществились ее надежды. Но этого не случилось...

Яков думал иначе: «Дора, вероятно, была похожей на связную Тамару. Тамара тоже, наверное, любит цветы и солнце. И Тамара вела бы себя так же».

Потом без всякого перехода Яков сказал:

— Ух, гады, ну и дадим же мы этим туркам! — Турками он почему-то называл оккупантов. — Слышали, сегодня приходила связная. Сказала, что для нас есть дело. Бадаев велел приготовиться... Гриша, ты где был?

— В Аркадии... На берегу пушки ставят.

— Где? Сколько?

Ребята начали разговор профессионалов-разведчиков, возвратившихся с очередного задания.

БУДНИ ПОДПОЛЬЯ

Быстрым взглядом Тамара окинула улицу. Как будто все в порядке. Конечно, в этом никогда нельзя быть уверенной, но связной показалось, что за ней никто не следит, «хвоста» не видно. Все же, выйдя из мастерской, она сразу свернула в противоположную сторону и неторопливо зашагала по Нежинской. В руках у Тамары была хозяйственная сумка, с какими женщины выходят из дома. Нет, сейчас никто не мог бы подумать, что она и есть связная бадаевских катакомбистов, которые всполошили не только одесскую сигуранцу и местное гестапо. Весть о подполье в Одессе дошла до Берлина, до Бухареста...

Женщина с мальчиком свернули в проулок, повернули еще раз и очутились на параллельной улице. Тамара не так уж хорошо знала город, выручал ее Коля, он и с завязанными глазами мог бы вывести ее куда угодно. В Одессу Тамара приехала в войну, работала медсестрой на корабле,

перевозившем раненых из окруженного города. О себе Тамара говорила мало — только то, что жила долго на Дальнем Востоке, что там у нее осталась мать, и все.

— Коля, не прижимай к себе примус, пальто испачкаешь,— достаточно громко сказала Тамара, чтобы слышал оглянувшийся на нее прохожий.

Они вышли на Красноармейскую, зашли в сквер, пустой и неприятный в осеннюю пору, посидели немного на сырой от недавнего дождя скамье и только после этого пошли на Подбельского, к Васиным, где нужно было взять еще одно донесение.

На этот раз Тамара оставила спутника во дворе, а сама поднялась на второй этаж невысокого каменного домика, перед которым рос одинокий каштан, широко раскинувший обнаженные ветви.

Дверь отворила рослая девочка с красивым, немного кукольным личиком. На ней было простенькое розовое платье, заколотое на груди блестящей брошкой, поверх платья была накинута вязаная, видно, чужая кофта. Девочка проводила Тамару в комнату и подошла к зеркалу на большом старинном комоде.

Екатерина Васина, темноволосая, уже немолодая южанка с правильными чертами лица, сидела за шитьем, поставив на стол переносную лампу с низким бумажным абажуром. В комнате стоял густой полумрак. Женщина приветливо поднялась навстречу, предложила раздеться, но Тамара отказалась, сославшись на то, что внизу ее ждут.

Девочка крутилась у зеркала, примеривая какую-то ленту.

— Зина, пошла бы ты на кухню,— сказала Василина,— нам поговорить нужно.

— Сейчас, мама,— продолжая крутиться у зеркала, ответила девочка, но мать решительно выпроводила ее из комнаты.

— Просто не знаю, что делать,— пожаловалась она Тамаре, — только и дело, что вертеться перед зеркалом. На уме брошки, ленточки... Откуда что берется. Не заметила, как она выросла... Вот мы другими росли... Ну ладно, как там у вас? Мой Яков здоров? Беспокоюсь я за него — в холоде, в сырости сидеть день и ночь...

Тамара рассказала, что в катакомбах все в порядке. Яков Федорович чувствует себя хорошо, записку не написал, просил передать на словах, чтобы не беспокоились.

Екатерина приподняла половицу возле стола, засунула руку в подполье и достала свернутую бумажку.

— Это для Бадаева,— сказала она,— вчера принесли. А это моему передай, шерстяные носки здесь. Боюсь, что ноги застудит. Ты уж присмотри за ним, будь добра...

Теперь все задания были выполнены, и Тамара торопилась до наступления комендантского часа выбраться из Одессы.

Попетляв по городу, она зашла к Евгении Михайловне Гуль, подпольщице, тоже оставленной в городе, переделалась в крестьянскую одежду и вместе с Колей, стараясь идти глухими, безлюдными улицами, выбралась на окраину города. Они миновали берег Хаджибейского лимана, проселком вышли к Усатову

и здесь, хорошо осмотревшись, нырнули в балку, мимо которой бежала проселочная дорога.

Выйдя по косогору к Шевчишину выезду, никем не замеченные, женщины с мальчиком исчезли в катакомбах. Теперь они были в безопасности. Нашупав припрятанный фонарь, Тамара зажгла его и миновала первый пост, перекинувшись шуткой с ребятами из охраны. Коля едва передвигал ноги. Тамара тоже устала. Особенно тяжелыми показались последние полтора часа, когда они подземными, причудливо изломанными коридорами брели к партизанскому лагерю, разбитому в глубине катакомб. Пришли — и сразу к Бадаеву.

Владимир Александрович Молодцов радостно встретил пришедших. По виду ему нельзя было дать и тридцати лет — подтянутый, бритый, с открытым лицом, высоким, слегка выпуклым лбом и живыми, умными глазами, он выглядел очень молодо. Недаром партизаны часто звали его просто Павлом. Был он без шапки, в ватнике, затянутом офицерским ремнем, в суконных галифе, заправленных в хромовые сапоги, и это придавало ему особый, легкий и спортивный вид.

— Ну, какие гостинцы из города принесли? — спрашивал он, разглядывая Тамару и Николку. — Мы уж жаждали вас. Хорошо, что с поста позвонили. Хотел посылать в розыск. Думаю, может, в катакомбах где заблудились...

— В городе скорее заблудишься, — возразила Тамара. — Коля меня выручал все время... Павел Владимирович, отвернитесь на минуточку.

Тамара передала бумаги. Бадаев посерьезнел,

улыбка сошла с лица, и он, присев к дощатому столу, принялся читать донесения разведчиков.

— А это что? — спросил Бадаев, разворачивая печатный листок, измазанный застывшим клеем.

— Из мастерской принесла. Приказ военного коменданта.

— Смотри-ка, что про нас пишут,— Бадаев молча пробежал текст глазами, потом, подперев рукой подбородок, начал читать вслух:

— «ПРИКАЗ № 1

Командующего войсками г. Одессы.

Я, генерал Николай Гинерару, командующий войсками г. Одессы, на основании высочайшего декрета № 1798 от 21 июня 1941 г. и 486-го кодекса военно-полевой юстиции, имея в виду обеспечение интересов румынских и союзных войск и в целях защиты страны, а также соблюдения порядка и государственной безопасности ПРИКАЗЫВАЮ...»

Смотри-ка ты, — иронически протянул Бадаев, — воевать пошли к нам с «высочайшим декретом» в кармане. Обрати внимание на дату — 21 июня — канун войны... Так... Так... Это нам не важно... Это тоже...

Пропуская менее существенные места, Бадаев читал приказ:

— «Все жители этой территории отвечают своей жизнью и жизнью своих семей за всякий ущерб, нанесенный вредителями военному имуществу и материалам, принадлежащим румынским и союзным войскам...»

«Будут казнены все жители тех мест, где повреждены или похищены провода телеграфа, телефона и освещения...»

«Каждый гражданин, проживающий в городе, который знает о каких-либо входах в катакомбы или подземные каменоломни, обязан в течение 24 часов от момента опубликования настоящего

приказа сообщить о них в письменной форме в соответствующий полицейский участок.

Караются смертной казнью жители тех домов, где по истечении указанного срока будут обнаружены входы и выходы как-такимб, о которых не было сообщено властям.

Несовершеннолетние нарушители сего приказа караются наравне со взрослыми.

Приказ ввести в силу с 8 часов утра 5 ноября 1941 года.

Подписал командующий войсками г. Одессы
генерал Н. Гинерару.

Военный прокурор лейтенант-полковник Солтан».

Так. Военный прокурор лейтенант-полковник Солтан, — повторил Бадаев, — подполковник, значит, по-нашему... «Он пугает, а мне не страшно», — так, кажется, Лев Толстой про Леонида Андреева говорил? Не страшно!.. Это они сами со страху такие приказы пишут... Скажи-ка, Тамара, а от самого Бойко ничего не было?

— Нет, Павел Владимирович, не застала сго... А вот Яша Гордиенко, ну, просто прелесть! Иду на связь, робею даже, а он вот такой.— Тамара подняла руку на уровень своего плеча.— Шустрый, глаза горят — огонь парень.

Связная рассказала все, что Гордиенко просил передать Бадаеву. Владимир Александрович сосредоточенно слушал, все так же подперев подбородок ладонью, и механически повторял: «Так... так... так...»

— Все это очень важно... Пожалуй, еще успеем на вечернюю связь.— Бадаев, взглянув на часы, заторопился, позвал радистов: — Глушков, Неизвестный — на связь! Выход через двадцать минут... Предупредите дежурного, пусть выделит охрану.

Для связи с Центром каждый раз требовалось под-

ниматься на поверхность. Сквозь мощную толщу зем-
ли радиоволны не выходили в эфир, Москва не слы-
шала катакомбистов, вот и приходилось совершать
рискованные рейды в открытую степь.

Распределив между собой громоздкую ношу —
радиостанцию, батареи для питания передатчика, бре-
зентовую палатку, группа катакомбистов пригото-
вилась к выходу на связь с Москвой. К Бадаеву подошла
Тамара Межгурская, тоже одетая по-походному —
в ватных штанах, в телогрейке, солдатской шапке-
треухе. На ногах кирзовые сапоги. Ростом она была
значительно ниже Шестаковой, потому и прозвали ее
в отряде Тамарой Маленькой.

— А мне можно с вами, Павел Владимирович? —
спросила она. — Немного подышать воздухом...

Женщины из отряда иногда ходили с группой обес-
печения на связь с Центром. Они выпрашивали у
Бадаева разрешение хоть часок провести в ночной
степи, поглядеть на звезды, полной грудью вдохнуть
свежий воздух. Каждой хотелось хоть ненадолго из-
бавиться от разъедающей сырости катакомб, где
детонаторы и запалы для гранат приходилось держать
за пазухой, о которых партизаны заботились больше,
чем о своем здоровье. Когда выпадала возможность
подняться на поверхность, женщины, как рядовые
бойцы, лежали на стылой земле, прислушиваясь к
степным шорохам, к голосам румынских патрулей,
несли охрану рации до тех пор, пока Бадаев не давал
сигнал отбоя. Порой завязывалась перестрелка с жан-
дармами, но зато можно было дышать, дышать живи-
тельным воздухом, которого так не хватало в ката-
комбах.

На этот раз Бадаев отказал Тамаре Маленькой. — Знаешь что, — возразил он, — пусть лучше Галина пойдет. Ей это нужно. Не возражаешь?

Конечно, Межгурская не возражала. Как это она сама не догадалась...

Это было недавно. Двух недель не прошло, как погиб муж Галины Марцишек. Был он моряком торгового флота, штурманом дальнего плавания. Ему бы ходить да ходить по морским просторам, а пришлось укрываться в холодных и мрачных катакомбах. В партизаны моряк ушел вместе с Галиной, худенькой, веселой комсомолкой в красной косынке, из-под которой выбивались непослушные, коротко стриженные волосы. И вот так случилось — он погиб в первом открытом бою с карателями...

Взрывом фашистской комендатуры, взрывом дамы на Хаджибейском лимане непокоренная Одесса заявила врагам о своем существовании. Но это были только первые взрывы. Летели под откос поезда с военными грузами, эшелоны с войсками, взрывались на минах грузовики и легковые машины, взлетали на воздух мосты на шоссейных дорогах. И все это делали партизаны, ушедшие в Одесские катакомбы. Они прозвали себя катакомбистами...

Тайная полиция из гестапо и сигуранцы оказалась бессильна справиться с партизанами. Для борьбы с ними привлекли полевые войска. Но и это не помогло. Катакомбисты умело обходили военные патрули, появлялись то там, то здесь, взрывали поезда, нарушали связь и снова исчезали в глубине катакомб. Тогда и решили каратели разгромить, уничтожить неуловимых партизан в их подземном укрытии.

Холодным ноябрьским утром в катакомбах объявили боевую тревогу — передовые посты сообщили, что к главному входу приближаются отряды карателей. Бой длился без малого трое суток. Первые атаки отбили сравнительно легко — каратели подорвались на минах и отступили. Тогда появились пушки и прямой наводкой стали бить по главному входу. Каратели подошли совсем близко, вот-вот они могли ворваться в катакомбы. Навстречу им с гранатой в руке бросился муж Галины. Он упал перед входом, сраженный пулей, но враги отступили, атаку снова удалось отбить.

Штурмана принесли в пещеру-госпиталь, и Галина первой склонилась к нему, еще не зная, кто это. Откинула с лица край плащ-палатки и при свете керосинового фонаря узнала убитого...

С тех пор словно подменили Галину Марцишек. Никто больше не слышал ее задорного смеха, она сделалась молчаливой, постоянно уединялась, куда-то исчезала, вероятно, ходила к дорогой ей могиле, а потом появлялась на людях бледная, с заплаканными глазами.

Бадаев сказал Тамаре Маленькой:

— Ты предупреди Галину, пусть собирается. Сегодня пойдем на пятую шахту...

Вскоре Бадаев подал команду выходить на задание. Один за другим партизаны исчезали, словно проваливались во мрак катакомб. Только огненные точки мерцающих фонарей указывали их путь. Но вот группа вышла к штольне, свернула вправо, и гирлянда фонарей, похожая на светящуюся телеграфную ленту Морзе, начала сокращаться. Мелькнул последний фо-

нарь, и в провале штольни, куда ушли партизаны, снова воцарился безмолвный мрак.

Пройдя несколько километров, группа остановилась перед выходом на поверхность, укрылась за каменным столбом, подпиравшим низкие своды штолека. Бадаев приказал подвернуть фитили горелок и выслал вперед разведку. Ушли Иван Петренко и Анатолий Белозеров, остальные стояли молча в непроглядной тьме. Бадаев запретил даже курить — табачный дым могло вынести на поверхность, предупредить карателей, если они притаились где-то впереди.

Время тянулось мучительно долго. Наконец из темноты выступил Белозеров. Шепотом доложил — на поверхности тихо, можно идти, Петренко продолжает вести наблюдение.

Сержант-пограничник Анатолий Белозеров присоединился к отряду совсем недавно, уже в катакомбах. Свой первый бой с немцами он принял на заставе утром 22 июня. Потом было ранение, плен. Через несколько дней Анатолий бежал из лагеря, долго пробирался к своим, а фронт все отходил и отходил на восток. Так и дошел он до Фоминой балки под Одессой, где у него жили родные. В ту же ночь, узнав про партизан в катакомбах, ушел к ним, не успев толком поговорить ни с матерью, ни с отцом. Времени хватило только на то, чтобы помыться да переодеться в штатское — старая одежда пообносилась, превратилась в лохмотья. Под утро Белозеров был в катакомбах, пришел с партизанской разведкой, заходившей в Фомину балку.

Павел Бадаев внимательно присматривался к пограничнику, и тот все больше ему нравился. Белозе-

ров как-то очень легко умел ладить с людьми и в то же время, когда было нужно, умел настоять на своем. Всегда ровный, спокойный, исполнительный, не унывающий, он будто не замечал тягот подземной жизни. В схватках с карателями показал себя в меру осторожным, смелым, но совсем не безрассудным человеком. Когда штурман Иванов, сраженный пулей, упал перед входом в катакомбы, Анатолий бросился спасать товарища. Он вынес его из боя, но вынес мертвого.

Нет, совсем не случайно Бадаев послал Анатолия в разведку перед тем, как выбраться на поверхность для связи с Москвой. На этого парня можно было положиться.

— Выходи! — едва слышным шепотом скомандовал Бадаев.

Сначала вышла группа обеспечения — шесть бойцов-партизан, среди которых была и Галина Марцишек. Трое из них поднялись на косогор, один спустился на дно неглубокой балки, двое залегли по обе стороны тесной норы — выхода из катакомб.

Потом раскинули плащ-палатку, втащили в нее тяжелый ящик радиостанции. Все это делали молча, бесшумно, напряженно прислушиваясь к малейшим шорохам, несущимся из ночной степи.

Последнее, что сделали перед тем, как выйти на связь с Москвой, — подняли над землей антенну, как флаг на боевом корабле. Радисты сняли шапки, надели наушники, снова натянули на голову треухи и по плечи влезли под брезент плащ-палатки. Затюкали первые позывные. Ключ морзянки выстукивал бесконечные тире и точки. Если бы это было летом, издали

могло показаться, что в степи тихо стрекочут цикады.

Связь с Центром установили быстро. Сквозь шум и разряды донеслись условные сигналы — их слышат, просят передавать. Связь была неустойчивой, Москва то исчезала, то появлялась вновь. Радисты посменно брались за ключ, потому что на холоде деревенели пальцы и ключ становился непослушным, словно в руках новичка. На передатчике работали по очереди — один передавал, другой отогревал пальцы.

Сначала передавали неотложное, главное — донесения, которые принесла из города Тамара Большая. «На две ближайшие ночи, — радировал Кир, — устанавливаем дежурства наших людей у обнаруженного объекта (речь шла о складе горючего). Для наводки самолетов предлагаем сигнальные ракеты с двух сторон, в направлении склада с горючим — красная, зеленая, зеленая».

Деятельность группы Кира распространялась далеко за пределы Одессы. Той же глухой декабрьской ночью чекист-разведчик сообщил Центру:

«В городе Первомайске обнаружен парк в две тысячи грузовых машин, предназначенных для дальнейшего наступления на южном фронте. Сигналы наведения — три зеленые ракеты.

Через Буг противником наведен второй понтонный мост в пятистах метрах выше объекта, о котором мы доносили в последней радиопередаче... В селе Маяки противник строит мост через Днепр... Отмечено движение войск противника на шоссе на дороге Николаев — Одесса... На побережье в районе Большого

Фонтана обнаружено двенадцать тяжелых орудий. Расположение батарей уточняется».

Это было главное, что прежде всего Кир сообщил Центру.

На той стороне в аппаратной к передатчику подошел Григорий.

— У аппарата Григорий,— прошептал радист, принимая на слух радиотелеграфную передачу.— Спрашивает, откуда ведем сеанс.

— Нашли глухой выход, о котором противник еще не знает,— ответил Кир, и радист азбукой Морзе послал его слова в эфир.

— Что у вас нового? — спросил Григорий.

— Гитлеровцы блокируют катакомбы, охотятся за радиостанцией. На этих днях применили газ, очевидно, хлор. Пока опасность удалось предотвратить. Установили непроницаемые перегородки, предварительно устроили сквозняк, направили поток воздуха в отдаленные штреки. Руководил этими работами наш партизан, старый шахтер Гаркуша. Надеемся, что теперь опасность миновала, но противник продолжает замуровывать выходы, чтобы лишить нас воздуха; мы минируем подходы...

— Сведения о блокаде и газовой атаке мы уже получили из других источников,— ответил Григорий.— Мы консультировались здесь с опытными специалистами по камнеразработкам. Вы поступили правильно. Подготовьте запасные выходы для доступа воздуха. В случае необходимости переходите в другой район катакомб.

— Надеюсь, что базу нам не придется мснять,— ответил Кир.

— Теперь сообщая только для вас. Перехожу на шифр,— сказал Григорий, и радист стал записывать ряды цифр, передавая их Бадаеву.

«Параллельный источник,— читал Бадаев,— передает, что для блокады Одесских катакомб, для борьбы с вашей группой противник вынужден сосредоточить до десяти тысяч солдат, задержанных отправкой на фронт. Это уже ваша победа, но проявляйте осторожность. Противник принимает все меры, чтобы захватить вашу рацию. В Одессу доставлены немецкие радиопеленгаторы. Полевая полиция блокировала около четырехсот входов и выходов из катакомб. Рекомендую на время прекратить связь с подпольем в городе, используйте эту связь только в самых необходимых и крайних случаях. Учтите, что для борьбы с вашей группой из Берлина и Бухареста прибыли опытные вражеские контрразведчики. Нужен максимум осторожности».

«Благодарю за информацию»,— ответил Кир.

Григорий еще спросил:

«Что слышно о Самсоне?»

«Связи с ним нет».

«Если позволит обстановка, добейтесь с ним связи. Для нас это очень важно. Желаю успеха. Сейчас радист передаст вам хорошие вести с фронта».

Шел уже четвертый час, как продолжался сеанс — в промозглом холоде, в открытой степи, под угрозой нападения вражеских патрулей. Радисты по очереди записывали группы цифр, и Бадаев, расшифровывая листки, наполнялся радостным чувством. Далекий радист из Центра передавал об успешных боях под Москвой, о начавшемся большом наступлении совет-

ских войск, о наших трофеях, о потерях противника.

И еще одну радостную, теплую весть передал неизвестный радист — телеграмму жены:

«Володя! Шурик, Люся, Вова и я — все здоровы. Материально обеспечены, получаем по аттестату. Шурик отлично учится, Люся гуляет, Саша ползает. Чувствую себя хорошо, пиши. Твоя Таня».

Таня... Это ее девичью фамилию — Бадаева — избрал разведчик для работы в подполье.

Закоченсвшие и уставшие возвращались партизаны в свои катакомбы. Только здесь, под сводами штретков, Бадаев сказал товарищам о начавшемся наступлении в Подмосковье. Но даже такая радостная весть не позволила партизанам прокричать традиционное «ура» — совсем рядом, наверху, противник. Катакомбисты только крепко-крепко пожали друг другу руки...

На базу пришли утром, которого в подземельях никогда не бывает. Только сырой мрак и холод. Закончился обычный будничный день, начинался такой же будничный и рядовой день без утра, без вечера — календарные сутки.

БАДАЕВ ВЫХОДИТ В ГОРОД

Сапожник Евграф Пикитенко жил в маленьком флигеле, выходившем окнами на тесный двор, мощный неровными широкими плитами из слоистого камня. Такие плиты испокон веков заменяют на юге асфальт и бетон пешеходных дорожек. Задняя стена дома примыкала к обрывистому косягу, заросшему деревьями и невысоким кустарником. Сквозь оголенные ветви виднелась часть соседней улицы, проходившей на уровне крыши. Летом зеленая листва заслоняла дворик от внешнего мира, но сейчас он был на виду, словно прикрытый прозрачной тюлевой занавеской.

Расставшись с Гришей Любарским, который должен был ждать его неподалеку, Яков прошел во двор и повернул к флигелю. Через дощатый ветхий тамбур, заставленный невесть какой старой утварью, он вошел в жарко натопленную сапожную мастерскую. Евграф сидел под окном на низеньком бочонке, заменявшем ему табурет, и размахис-

то загонял молотком гвозди в подошву ботинка. Гвозди он держал в зубах и каждый раз, перед тем как вогнать гвоздь, втыкал его в кусок серого стирального мыла. Евграфу было лет пятьдесят, но он отпустил бороду и поэтому выглядел гораздо старше.

— Можно видеть Усачева? — произнес Гордиенко первые слова пароля.

— Зачем он тебе? — сквозь стиснутые зубы спросил сапожник. Он невозмутимо продолжал стучать молотком.

— Для Бадаева, — тихо ответил Яков.

Евграф опустил молоток, сплюнул в ладонь оставшиеся гвозди.

— Стало быть, это я тебя поджидал? — сказал он, поднимаясь с бочонка. — Жду-пожду, где ж этот Яков, а ты вот он, как новый гривенник...

— Мне с Крымовым приказано встретиться, — сказал Яков.

— Знаю, все знаю... Ты поболтайся тут где-нибудь поблизости, а я схожу недалеко... Аннушка, заложил на крюк дверь за нами! — крикнул он в другую комнату, когда они с Яковым выходили во двор.

Прошло, вероятно, не меньше получаса, когда снова появился бородатый сапожник. Он шел один, опираясь на палку, но вскоре на другой стороне безлюдной улицы показался еще человек, по виду портовый рабочий, в кепке и коротком стеганом пиджаке. Он шел с поднятым воротником, нахохлившись и посживаясь от холода. У дома, где жил Никитенко, человек остановился, закурил и исчез в воротах. Яков осмотрелся — нет ли «хвостов» — и тоже вошел внутрь.

Незнакомец ждал его в мастерской. Расстегнув пиджак, он сидел на скамье у входной двери и растирал скластые и худощавый, широкобровый, с глубоко запавшими внимательными глазами. Яков уже видел его где-то. Хозяин мастерской ушел на другую половину, и они остались одни.

— Крымов,— назвал себя пришедший.— Задание получил?

— Нет, Бадаев приказал связаться с вами.

— Хорошо... Ресторан Милошкевича знаешь?

— «Черную кошку»? Знаю. Хозяин его буфетчиком на кавказской линии плавал. Как румыны пришли, открыл ресторан.

— Вот, вот... Так в этом ресторане день и ночь болтается Степан Фрибта. Слыхал такого?

— Слыхал.

— Откуда? Ты его знаешь?

Яков замялся, потом сказал:

— Ходил я к нему на связь, но он велел больше не приходить, пригрозил донести в сигуранцу.

— Тем более... Слушай внимательно — есть подозрение, что его завербовали румыны. Человек он болтливый, если продаст, многие пострадают. Понял, в чем дело?

— Ну и что?

— А вот что. Надо еще раз это проверить и, если все подтвердится — ликвидировать.— Крымов рубанул воздух ребром ладони.— Бадаев поручил это моей группе. — На прощанье он сказал: — Имей в виду, в «Черной кошке» вся румынская контрразведка собирается. Там у них явка. Будь осторожен.

Любарский совсем замерз, когда Яков вышел, наконец, из ворот и подошел к нему.

— Пошли, успеем еще на Дзержинского...

На улице Дзержинского, там, где она сходится с улицей Фрунзе, был глухой, заброшенный туннель, служивший тайником для сбора донесений. Остановившись, будто по малой нужде, Яков внимательно осмотрел кое-где выщербленную, заштукатуренную стенку. Вот условные знаки — ряд нацарапанных крестиков внутри квадратов. Последний крестик не был обведен — значит, в тайнике есть донесение.

Яков зашел в туннель, нащупал качнувшийся под рукой камень, вынул его из проема, достал свернутую бумажку и поставил камень на место. Выйдя из туннеля, он гвоздем начертил вокруг последнего крестика квадрат, означавший, что тайник разряжен, и вместе с Гришей Любарским пошел на Нежинскую. Начиная смеркаться...

Дня через два после встречи с Крымовым Яков и его друг Алеша Хорошенко толкались около ресторана предприимчивого буфетчика Милошкевича. Свой ресторан буфетчик назвал по-французски — «Ша ну-ар», заказал даже вывеску, но в обиходе трактир называли просто «Черная кошка», иногда добавляя к этому не вполне пристойные эпитеты.

Яков сменил кубанку на залихватскую кепку, а вместо бушлата надел жиденькое пальтецо Гриши Любарского. Преобразился и Алеша Хорошенко. Выстреливая по тысяче слов в минуту, оба они наперебой предлагали прохожим сигареты самых разных сортов — в пачках и рассыпные, запрашивая вдвое и продавая за полцены.

Гриша Любарский расхаживал по другой стороне улицы и не спускал глаз с товарищей. План, который разработали парни, казался несложным — выследить Фрибту и посмотреть, с кем он имеет дело. Но все осложнялось тем, что в лицо его знал только Яков, ходивший к нему на явку. Именно поэтому Яков не хотел показываться на глаза Фрибте — тот мог бы заподозрить, что за ним следят. Григорий и Алеша не знали Фрибту, и поэтому Яков очень подробно описал друзьям его внешность.

Алеша попробовал проскочить в ресторан, но его сразу заметили и вывели обратно.

— Один как будто похож, — шепнул он Якову, — сидит слева с каким-то типом, пьет водку.

Ждать пришлось долго.

— Вот, вот... — снова зашептал Хорошенко. — Он?

Из дверей ресторана вышли двое. Фрибту Яков узнал сразу — долговязый, развязный, с туповатым, покрасневшим от водки лицом. Как было условлено, Хорошенко подскочил к Фрибте:

— А вот сигареты! Ароматные сигареты! Есть румынские, есть немецкие — какие хотите, такие курите! — Хорошенко протягивал сигареты, совал их чуть ли не в лицо Фрибте.

— Пшел, пацан, в сторону... Дай пройти людям...

— Простите, господа, проходите, пож-жалост! — в тон Фрибте ответил Алеша, сорвал с головы кепку и, кривляясь, раскланялся с Фрибтой.

Это был сигнал Грише Любарскому. Гриша пошел вперед, наблюдая за долговязым типом, на которого ему указали ребята. Алеша и Яков ушли в противоположную сторону.

На Дерибасовской Фрибта и его спутник повернули на улицу Пушкина, миновали гостиницу и пошли к сигуранце на Бебеля, дом 12. Они не обратили внимания на чернявого подростка, который встретился им перед входом...

Все было ясно!

По дороге в мастерскую, когда проходили мимо бывшего Дома Красной Армии, Яков сказал приятелю:

— Гляди, машин сколько. Надо бы узнать, что здесь у немцев... Не здесь, вон куда гляди. — Яков кивнул на большое здание рядом с Домом Красной Армии. Его построили незадолго перед войной. — У меня тут истопник знакомый живет. Вот бы ша-рахнуть!

— Жалко, дом совсем новый, — возразил Алеша.

— Гм, жалко! — хмыкнул Яков. — На Энгельса вон какой домина рванули, бывший НКВД. И то не пожалели, зато полтора гитлеровцев как не бывало.

— Сюда сколько толу понадобится, — уже соглашаясь с Яковым, сказал Хорошенко.

— Найдем... — загадочно и неопределенно ответил Яков. — Надо узнать только, кто поселился здесь.

Вечером, придя домой, Яков узнал от Саши Чикова сногсшибательную новость — пришел из катакомб Бадаев, сейчас разговаривает со Стариком. Стариком ребята прозвали Петра Ивановича Бойко.

— Павел Владимирович? — недоуменно переспросил Яков. — Из катакомб?

— Откуда же еще! С ним Межгурская и еще кто-то незнакомый. Эти ушли, а Бадаев разговаривает со Стариком. Бойко даже и жену на кухню отправил.

Было совсем поздно, когда Бадаев зашел в комнату к ребятам. Жили они здесь втроем — братья Гордиско и Саша Чиков. В другой комнате поселился Бойко с женой.

— Ну, орлы, как у вас дела? — Бадаев вошел раздетый, какой-то очень домашний, словно и не собирался никуда уходить. Был он в одних шерстяных носках, а на плечи накинул меховой жилет, из-под которого торчала желтая кобура пистолета.

Якову показалось невероятным: неужели Бадаев рискнет остаться в городе?

— Ночевать-то пустите? — улыбнувшись, спросил Бадаев, будто отвечая на немой вопрос. — Что нового, Яша? Крымова видел?

Бадаев наметанным глазом окинул комнату, задержал взгляд на окне, выходящем на улицу, как бы невзначай потрогал раму — легко ли открывается — и все это делал, продолжая говорить с ребятами. Квартира Петра Бойко находилась довольно высоко над землей — так, что с улицы нельзя было заглянуть в окно. В то же время в случае опасности не трудно выскочить из окна либо черным ходом проскользнуть в проходной двор и оттуда незаметно выйти на соседнюю улицу. Квартира выбрана была умело.

Яков рассказал о разговоре с Крымовым, о сегодняшней встрече с Фрибтой. Бадаев сидел на Яшиной койке, застеленной стареньким шерстяным одеялом. Яков горячо и возмущенно говорил о предателе.

Фрибту он ненавидел всем своим существом, каждой кровинкой. Скажи сейчас Бадаев — выполни невыполнимое, — и Яков пойдет на неминуемую смерть, на гибель...

Вероятно, это началось с того разговора, когда Бадаев вызвал его в санаторий имени Дзержинского, где жил после приезда в Одессу. Якову пришлось немного обождать — Бадаев обедал. Он вышел из столовой с большим красным яблоком в руке. Подошел, посмотрел, сел рядом на скамейку и без всяких расспросов начал с главного:

— Мне брат говорил про тебя. Ребят подобрать сможешь? Таких друзей, чтобы не подвели. Крепких.— Бадаев протянул Якову яблоко: — Держи!

Яков смущенно отказался, Бадаев сунул яблоко ему в карман.

— Ладно, сам не съешь, сестренке отдай, Нине или матери.

Бадаев, оказывается, знал всю их семью.

Разговор в санатории Дзержинского он закончил тогда словами:

— Запомни, теперь ты чекист, Яков. Умей держать язык за зубами.

Потом встретились еще на Большом Фонтане, в рыбацьем поселке. Брат Алексей жил там некоторое время вместе с Бойко. Алексей попросил Якова привезти ему чистую смену белья, и оказалось, что Бадаев случайно тоже засхал в поселок. На этот раз говорили долго, ходили на море, спускались мимо желтых осыпей к самой воде. Владимир Александрович расспрашивал о школе, о Яшиных друзьях, о комсомоле, говорили про Павку Корчагина. Разговаривали так задумчиво, что Яков и не чувствовал разницы между собой и Бадаевым — словно приятели-одноклассники...

Алексей после признался, что это Бадаев велел

вызвать Якова в рыбацкий поселок. Но братья Гордиенко не знали другого: прежде чем затевать разговор с Яшей, Бадаев долго сидел в райкоме комсомола и вместе с секретарем перебирал фамилии ребят, которых можно было привлечь к подпольной работе. Остановились на Якове Гордиенко.

Сейчас Владимир Александрович слушал Якова, не перебивая.

— Только не горячись, Яша,— сказал он под конец.— Не горячись. В нашем деле горячиться нельзя. Сделаем так...

Бадаев сказал, что, по его мнению, нужно сделать с Фрибтой. Пусть обязательно еще раз проверят. После этого Крымов примет решение.

Бадаев еще сказал, что из Москвы пришла благодарность за последнее донесение о складе горючего, который находился рядом со спиртозаводом. Наша авиация недавно начисто разнесла бензосклад.

Яков знал об этом налете. В ту ночь под Одессой зарево стояло вполнеба. С Алешей Хорошенко они ходили к спиртозаводу. От склада ничего не осталось — одни горелые бочки, рваные в лоскуты. Но Яков никак не мог представить, что этот налет был связан с работой его друзей. Сейчас он зарделся от гордости, глаза его загорелись радостным огнем — вот здорово!

Бадаев добавил — из Москвы передали, что сообщение о взрыве военного склада в Одессе включено в сводку Советского Информбюро.

— Так-то вот! — улыбаясь, сказал Бадаев. — О нашей с вами работе теперь во всем Советском Союзе знают. — Владимир Александрович помолчал и сказал

еще: — Про нашу работу, но не про нас самих. В нашем деле нельзя иначе.

Яков готов был прыгать от радости, плясать, кричать «ура», но он стеснялся Бадаева и сидел, едва сдерживая переполнявшие его чувства. Только подмигнул Чикову — вот ведь как получается!..

Яков хотел спросить Бадаева про Тамару Шестакову, которая приходила тогда на связь в слесарную мастерскую. Это ей рассказал он про бензохранилище. Хотел спросить, но не осмелился.

Вскоре пришли Межгурская и незнакомый партизан из катакомб. О чем-то пошептались в коридоре с Бадаевым и вернулись в комнату. Жена Бойко позвала всех ужинать. Ели горячую картошку с консервами, потом пили чай, и Владимир Александрович читал вслух газеты, которые принесла Тамара Маленькая. Много смеялись, когда читали объявления. Особенно пасмешило всех объявление какого-то астролога.

— «Известный своей сорокапятилетней практикой, — читал нараспев Бадаев, — окулист, астролог и психофенолог, предсказатель по звездам и планетам турок Сулейман сообщает об опасностях и переменах в жизни каждого по фотокарточкам. Заочно отвечаю на вопросы о будущей жизни, даю полезные советы по науке Деборолля, Лафирте Голля и других профессоров, изучавших науки в Индии. Плата по соглашению. Прием с 9 до 1 часа дня и с 2 до 5 вечера».

— Турок... Какой это турок — жулик и проходец, — определил Яша.

Бадаев хохотал до слез.

— Для румын это самый нужный человек в горо-

де,—сквозь смех говорил он.—Может, он предупредит их об опасностях и переменах в жизни, даст им полезный совет — убираться от нас подальше!.. А вот еще!..

Рядом с объявлением о продаже двух шприцев для набивки колбасы стояло объявление шарлатана-изобретателя.

— «Перпетуум-мобиле — вечный двигатель изобретен мной! Ищу лицо с небольшим капиталом. Гарантирую возврат денег, если модель не даст движения и прироста минимальной силы хотя бы в три сотых процента. Изобретатель Заставский».

Владимир Александрович повернулся к Бойко:

— Вот тебе бы такую работенку, Петр Иванович,—сказал он шутя.—Крутить вечный двигатель...

Яше показалось, что Бадаев сказал это неспроста и что Бойко обиделся на эту шутку. Он нахмурился и ничего не ответил. Бадаев продолжал читать. Вот он остановился на извещении оптика Калиновского об открытии оптического магазина на Гулевой улице. Владелец магазина объявил, что продает и принимает на комиссию театральные бинокли, микроскопы и другие оптические приборы.

— Ну, это уже не интересно,—Бадаев отложил газету.

Было поздно. Тамару уложили спать на тахте в комнате Бойко, а мужчины пошли в комнату рядом. Бадаев позвал Яшу на кухню.

— Слышал последнее объявление насчет микроскопов? — спросил он. — Завтра сходи по этому адресу. Спросишь: «Принимают ли перламутровые бинокли без футляров?» Хозяин ответит: «Если только

новые». После этого спросишь: «Нет ли чего для Володи?» Донесение передашь, как обычно...

Стали укладываться спать.

Утром, когда ребята проснулись, Бадаева и его спутников в комнате уже не было. Вместе с ним ушел Бойко. Бадаев позвал сго в катакомбы.

Яша Гордиенко и его приятели так и не поняли, зачем же приходил в город Бадаев. Уж конечно, не для того, чтобы читать в «Одесской газете» про гадальщика Сулсймана или про изобретателя перпетуум-мобиле. Но зачем?

В тот же день Яша Гордиенко отправился выполнять поручение Бадаева.

Он никогда не откладывал дела в долгий ящик — надо так надо. В помощь себе взял Алешу. С Хорошенко у них всегда ладилась работа, друг друга понимали с полуслова. Будто бы одинаково думали. Зачем, куда они идут, Яков не сказал. Только когда вышли на Гулевую улицу, Гордиенко шепнул:

— Теперь гляди в оба! Иди той стороной и следи за мной. Никуда не уходи, пока не вернусь. Бывай здоров!..

Яша неторопливой походкой, в развалку, пошел правой стороной улицы, рассеянно поглядывая на вывески, на мгновенье задержал взгляд на вывеске оптического комиссионного магазина, прошел мимо и вернулся назад. Гордиенко осторожно открыл дверь, звякнул колоколец, прилаженный на пружине. За прилавком-витриной на высоком стуле сидел человек с маленькой седенькой бородкой, в пенсне, в белом, как у доктора, халате. Перед ним лежал разобранный микроскоп. На звонок хозяин поднял голову и вни-

мательно поверх пенсне посмотрел на вошедшего. В магазине больше никого не было.

— Скажите, вы принимаете перламутровые бинокли без футляра? — спросил Гордиенко, подходя к витрине. Он сказал это слово в слово, как приказал Бадаев.

— Если только новые...

— Для Володи у вас что-нибудь есть? — тихо спросил Гордиенко.

— Это, батенька, не по моей части, — ответил «доктор», как его мысленно окрестил Яша. — Идем я тебя провожу... Олег Николаевич, к тебе!..

«Доктор» провел Гордиенко внутрь помещения, оставил его в небольшой комнате, заставленной шкафами, и вернулся назад. Вскоре сюда вошел тот самый Олег Николаевич, которого позвал «доктор».

— Здравствуй! Что скажешь? — спросил он.

Перед Яковым стоял человек выше среднего роста с маленькими, рыжеватой щеточкой усами. Был он в хорошо сшитом коричневом костюме, в отлично разглаженной сорочке с аккуратно завязанным галстуком. На руке золотой перстень с дорогим камнем. Якову даже стало как-то неловко от собственного растерзанного вида. Он сказал еще раз:

— Для Володи у вас что-нибудь есть?

— Есть... Записок давать не буду. Запомни на словах. Первое: Шура уехала в Николаев... Второе: начали работать в примарии *... Третье: в порту разворачивают работу, как было указано... Четвертое: Самсон не откликается... Запомнил? Повтори!..

* Городское управление.

Яша Гордиенко всего несколько минут провел в комиссионном магазине Калиновского. Прощаясь, Олег Николаевич спросил:

— Бадаева давно видел?

— Вчера вечером.

— Смотри-ка! — удивился Олег Николаевич. — Передай ему привет от Олега. Скажи, пусть не беспокоится. Задание выполняем... А ты, брат, поосторожнее ходи... Лучше появляйся под вечер, перед закрытием.

Олег Николаевич крепко и энергично пожал Якову руку.

На улице Яша уважительно подумал о Бадаеве: «Вот он какой, наш Павел Владимирович! Сидит в катакомбах, а заправляет всем городом. Всё к нему идет, даже из Николаева... А хитер до чего — вчера прочитал про комиссионный магазин, будто мимо ушей пропустил... А тут оно вон что!..»

На углу его нагнал Хорошенко.

— Ну как?

— Все в порядке, — ответил Яков. — Как в геометрии.

Это была его любимая поговорка.

АГЕНТЫ СИГУРАНЦЫ

В купе было трое — офицеры, ехавшие из Бухареста в Одессу по заданию румынского генерального штаба.

Возглавлял группу полковник Георгиу Ионеску, начальник «Вултурул», в переводе «Орел» — так называлось управление разведки восточного фронта. Был он высокий и худощавый шатен, с испитым лицом, светлоглазый и такой сутулый, что никак уж не походил на профессионала-военного. Такие нездоровые лица бывают у людей, которые долгие годы ведут ночной образ жизни.

Второй пассажир — Ион Курерару, заместитель Ионеску по «Вултурул», был в тех же годах, что и его начальник: лет пятидесяти, может быть, немного старше. Высокий, гибкий, с резкими чертами лица, с энергичными жестами, с черными прищуренными глазами, Курерару будто постоянно к чему-то прислушивался, приглядывался и ни минуты не оставался спокойным. Своей подвижностью он походил на

угря, выхваченного из воды. Может быть, отпечаток на его внешность наложила профессия — долгие годы Ион Курерару работал главным инспектором жандармского управления в Бухаресте.

Третьим был капитан Николау Аргир — сорокапятiletний человек с седыми висками и холодными глазами такого же седого цвета. Лицо его носило выражение жестокой хитрости, а холеные, тонкие руки с удлиненными пальцами выдавали в Аргире аристократическое происхождение. Капитан Аргир слыл опытным контрразведчиком королевской Румынии.

Все трое ехали в Одессу на усиление одесского центра ССИ — службы специальной информации, которая сейчас явно не справлялась с работой. Взрывы в городе, особенно тяжелый по своим последствиям взрыв военной комендатуры на Маразлиевской улице, диверсии на железной дороге вблизи Одессы, работа подпольной радиостанции, которую никак не удавалось запеленговать, наконец, на первый взгляд, мелкие, раздражающие вылазки из катакомб, появление многочисленных листовок — все это говорило о существовании широкого подполья красных, возглавляемого опытными и смелыми людьми. Только один таинственный отряд русских катакомбистов в пригороде Одессы отвлекал, по секретным данным генерального штаба, целую дивизию. И все без толку. Подполковник Пержу, что возглавлял жандармскую службу в Одессе, определенно не справлялся со своими обязанностями. Если бы не его связи с генералом Кристеску, начальником жандармского управления, Леона Пержу давно бы сняли с работы. Но он оставался на месте, явно растерянный, не знавший, что делать от

ударов, которые наносили ему советские разведчики.

Пока удалось установить только это — присутствие опытных советских разведчиков, находивших поддержку среди населения. Но установить — еще не значит пресечь. Сам маршал Антонеску* приказал навести порядок в Одессе. И вот два специалиста — Аргир и Курерару — ехали на постоянную работу в столицу Трансильвании, как называли теперь оккупированную советскую территорию на юге России. Полковник Ионеску только сопровождает группу, он вернется к своим делам в Бухарест, как только наладит работу в Одессе.

В его группе находятся еще несколько рядовых контрразведчиков, направленных для службы в одесской сигуранце. Они едут в соседнем жестком вагоне: Харитон, Жоржеску, Димитриади, Тылван — люди, которые не станут раздумывать, что хорошо, что плохо. Лишь бы им за это платили...

Кроме того, в Одессу должны приехать и немецкие сотрудники из управления имперской безопасности. Положение дел в Одессе вызывает тревогу не только в Бухаресте, Берлин тоже обеспокоен. Поезд, взорванный месяц назад, состоял из пассажирских вагонов, заполненных главным образом германскими офицерами. Было свыше двухсот убитых.

Чтобы не привлекать к себе внимания, офицеры почти не выходили из купе, время проводили за картами, за разговорами, в меру пили и спали до одурения — что еще делать в дороге?

* Глава румынского фашистского правительства в годы войны.

В канун прибытия в Одессу офицеры долго просидели за картами, встали поздно и поэтому завтракали только в полдень. После завтрака пили кофе, который приготовил майор Курерару на дорожной спиртовке. Белые палочки сухого спирта еще догорали невидимым, чуть голубоватым пламенем, и майор кончиком ножа сгребал их на середину жаровенки под дно кофейника.

Постороннему человеку могло бы показаться странным, что румынские офицеры, оставаясь наедине, предпочитали разговаривать по-русски, а выходя ненадолго в коридор, на людях, переходили на румынский язык. Но в том-то и дело, что они все трое в прошлом были русскими белогвардейскими офицерами, много лет назад получившими пристанище в Бухаресте.

Георгиу Ионеску — Георгий Андреевич Иванов — в прошлом работник деникинской контрразведки. Курерару — он же Иван Степанович Кунин, Васильев, Степанов...—трудно сказать, какая фамилия была настоящей. От прошлого он оставил только имя, остальное, в том числе и отчество, менял в эмиграции в зависимости от обстоятельств.

Николау Аргир, он же Кочубей — он же Николай Васильевич Галушко — родился в Одессе, провел там долгие годы, потом бежал с деникинскими войсками в Турцию, осел в Кишиневе, пришелся ко двору в сигуранце и до самой войны занимался переброской диверсионных шпионских групп на территорию Советского Союза.

Прошло больше двадцати лет с тех пор, как Аргир покинул свою землю. Огромную страну, бывшую ког-

да-то его родиной, он по-прежнему называл Россией. Она не волновала его, не тревожила, только вызывала неприязнь, почти озлобление к людям, населявшим ее. В них, в советских людях, видел он причину своих жизненных неудач, своей неустроенности, одиночества, даже подлости и пресмыкательства. Россию он видел только ночами, когда переправлял через границу шпионов и террористов, либо глядел на далекие села в полевой бинокль или в тщательно замаскированную стереотрубу. Для него это была страна чужая и враждебная. Теперь он ехал в ту часть России, которую называли Трансистрией, в город Антонеску*, в котором он когда-то жил.

И все же Аргир-Галушко более чем с любопытством смотрел в окно на мелькавшие перед ним разбитые полустанки, будто вымершие поселки, украинские хаты, запорошенные снегом. В душе его поднималось нечто такое, что он иронически называл «сентиментами».

Курерару вывел его из задумчивости.

— Сосет, Николай Васильевич? Дым отечества, а?

— Да что вы! — отмахнулся Аргир. — Давным-давно все рассеялось.

— Ну, не скажите, — возразил Ионеску, — Россия всегда чем-то тревожит. Не так-то это просто, господа.

— Признаюсь, — засмеялся Курерару, — меня больше тревожит, как бы не взлететь на воздух. Мы въез-

* Оккупанты во время войны переименовали Одессу в Антонеску.

жаем в вотчину одесских катакомбистов. Вот полюбуйтесь.

За окном лежали присыпанные снегом остовы вагонов, нагроможденные один на другой. Их так и не убрали после крушения, только сбросили с полотна железной дороги.

Курерару уже бывал в Одессе после оккупации города, приезжал с инспекцией по случаю взрыва комендатуры. В дни приезда комиссии и произошло крушение. Теперь он напомнил спутникам:

— Одних убитых двести тридцать шесть человек. Вот вам и Бадаев. Дорого бы я дал, чтобы встретиться с ним в своем кабинете.

— Наоборот,— возразил Ионеску,— это вам заплатить за него хорошую цену. Только поймите. Гарантирую по сто тысяч каждому.

— Вы не так-то уж щедры, господин полковник, сто тысяч лей в наше время не такие большие деньги. И все же ловлю на слове. По рукам!.. Вы присоединяетесь?

— Конечно! — воскликнул Аргир.— Леи никогда не лишни.

Бухарестский поезд в Одессу приходил днем. И вообще пассажирские поезда здесь предпочитали пропускать засветло. Одесский вокзал был разрушен, и поэтому поезд остановился на товарной станции перед пакгаузом, превращенным в зал ожидания первого и второго класса. На дебаркадере, приподнятом высоко над землей, прибывших встретил подполковник Пержу — курносый, розовощекий толстяк с ленивыми глазами. С ним было несколько работников сигуранцы.

Полковник Ионеску представил своих спутников. Из соседнего вагона вышли остальные. Подошли, щелкнули каблуками. Подполковник перечислил их всех по фамилиям:

— Локатинент Харитон!.. Локатинент Жоржеску!.. Локатинент Тылван!.. Локатинент Друмеш!..

В приехавшей группе контрразведчиков никого не было ниже локатинента — старшего лейтенанта румынской армии.

— Смотрите, какое войско! — воскликнул довольный Пержу. — Теперь дело пойдет... Не так ли, полковник?!

Ионеску подавил раздражение, поднявшееся было против этого самонадеянного бездельника, который о себе так много мнит. Но что поделать — Пержу человек со связями, это надо учитывать. Ионеску расплылся в улыбке:

— Конечно, конечно!.. Мои люди полностью в вашем распоряжении...

На другой день в городской комендатуре проводили совещание, которым руководил командующий войсками в Одессе генерал Генерару. Но всем было ясно, что Генерару — фигура подставная и главную скрипку на совещании играет полковник Шольц, начальник одесского гестапо. Он сидел рядом с генералом и время от времени что-то шептал ему. Генерал подобострастно слушал и утвердительно кивал головой.

Из румынских контрразведчиков на совещание пригласили только двоих: Ионеску и Курерару. Не позвали даже Аргира-Галушко, учитывая большую секретность совещания.

Говорили о мерах борьбы с партизанами, особенно с группами диверсантов, засевших в Одесских катакомбах. Докладывал подполковник Пержу. Картина вырисовывалась мрачная.

Первоначально могло показаться, что дамбу на лимане взорвали отступившие русские войска, саперы. Точно так же как городскую комендатуру — заложили в подвале бомбу замедленного действия. Но вскоре последовали другие взрывы, которые показали, что руководство диверсиями ведется из единого центра. Есть данные, что во главе подполья стоит некий Бадаев, присланный из Москвы с группой чекистов. Об этом сообщил некий Фрибта, которого удалось завербовать румынской тайной полиции. Пержу выразил сожаление, что осведомителя недавно нашли убитым в его квартире.

Ионеску-Васильев сидел рядом с майором Курерару. Он наклонился к нему и сказал шепотом:

— Вот откуда надо начинать — с убийства осведомителя. За эту нитку надо и ухватиться... И не церемониться при допросах! Когда я работал в контрразведке генерала Деникина...

Старый контрразведчик не договорил — Генерару дал слово начальнику гестапо полковнику Шольцу. Оба стали слушать. Шольц сухо сказал, что положение в Трансстрии вызывает недовольство и озабоченность Берлина. Верные союзному долгу, немецкие военные власти решили оказать помощь руководителям Трансстрии. Для этой цели в город прибыл оберштурмбаннфюрер господин Ганс Шиндлер, снабженный самыми широкими полномочиями рейхсфюрера Гиммлера.

Начальник гестапо представил человека в штатском, сидевшего у окна и, казалось, не проявлявшего интереса к разговорам на совещании. Шиндлер поднялся, как деревянный, кивнул головой и снова опустился в кресло.

Этот человек с маленьким, крепким подбородком и безглаголиво опущенными уголками губ был ближайшим сотрудником Гиммлера. Начальник гестапо еще добавил, что отныне во главе борьбы с большевистским подпольем в Трансильвании становится господин Шиндлер и его группа «Мертвая голова», с которой румынской контрразведке и надлежит согласовывать свою работу.

После совещания майор Курерару поручил Аргир-у-Галушко расследовать убийство Фрибты.

Прошло не менее недели бесплодных поисков, когда случай помог, наконец, Аргире напасть на след.

С приездом в Одессу Аргир начисто изменил свою внешность. В солдатской шинели советского образца, в фуражке неизвестного происхождения, в грубых башмаках и обмотках — только в таком виде появлялся он теперь на улицах города. Аргир походил на пленного, бежавшего или освобожденного из лагерей. В Одессе таких было немало.

Капитан Аргир с Жоржеску и Друмешем, тоже переодетыми в штатское, проходили мимо полицейского участка, когда встретили дворника того дома, где произошло убийство Фрибты. Аргир всячески старался поддержать версию, что убийство совершенно грабителями-уголовниками, поэтому дворник был искренним и активным помощником в розыске бандитов. Завидев Аргира, дворник устремился к нему навстрече-

чу. Он делал какие-то непонятные знаки и указывал на противоположную сторону улицы.

— Будто вон тот, видите, в кубанке, рыжеватый. Точно не скажу, но похож. Может, он самый и есть...

Дворник указывал на подростка, что шел по Преображенской улице — тот самый, который заходил ночью в их двор перед убийством Фрибты. Дворник сказал еще, что подросток только что встретился с высоким человеком, поговорили недолго и разошлись. Высокий только что вышел из полиции.

— Во-он он идет, — указал дворник на человека в коричневом пальто и шапке. Человек этот через минуту исчез за углом.

— Друмеш, — сказал по-румынски Аргир, — за мальчишкой! Узнать, где живет, кто он. Быстро!

Жоржеску он поручил следить за высоким человеком в коричневом пальто. Агенты мгновенно исчезли.

Капитан Аргир проводил глазами своих агентов и пошел в сигуранцу на улицу Бебеля. Вскоре следом за ним явились и его помощники. Друмеш пришел ни с чем. Подросток водил, водил его по городу и вдруг исчез, будто провалился сквозь землю. Поход Жоржеску оказался более удачным: человек в коричневом пальто живет на Нежинской улице. Сначала он прошел в слесарную мастерскую, провел там с полчаса и вышел. Вслед ему кто-то крикнул: «Петр Иванович, мастерскую закрывать будем?» Он сказал: «Ладно, закрывайте» — и ушел во двор дома.

Идти за ним следом Жоржеску не решился, боялся раскрыть себя. На вывеске слесарной мастерской прочел: «П. И. Бойко» Скорее всего он и есть хозяин мастерской. Жоржеску описал приметы человека, за

которым вел слежку. Высокий, узкие, полукруглые брови, большой тонкий нос с горбинкой. Глаза светлые, пронзительные. Одет в коричневое ратиновое пальто, на нем серый шарф, меховая шапка, на ногах штиблеты...

— Отлично! — воскликнул Аргир-Галушко, потирая маленькие руки. Повернулся к Друмешу. — Локатинент, приведи этого самого Петра Ивановича, только без шума. А ты, Жоржеску, оставайся здесь, будем допрашивать. Вызови еще Харитона. В случае чего пусть не стесняется. Этот умеет работать на допросах...

В тот же вечер Друмеш привел Петра Бойко в румынскую сигуранцу.

КУРЕРАРУ ВЕРБУЕТ ПРЕДАТЕЛЯ

Антон Брониславович Федорович сам не понимал, как он согласился остаться в подполье. Вероятно, по привычке не перечить начальству. Потом уже было поздно отрабатывать задним ходом.

Война застала его в Измаиле, где Федорович работал директором областной конторы Украинского культторга. Первое, что ощутил Антон Брониславович в начале войны, — страх. Противный, как резь в желудке. Страх не только от воздушного налета — самолеты сбросили будто невзначай несколько бомб и больше не появлялись. Но ведь они могли появиться снова! Раз война, можно ждать чего угодно. Невыносимым было это ожидание... В Измаиле распространились слухи — немцы и румыны расстреливают поголовно весь партийно-советский актив, немцы вот-вот займут Измаил, так говорил откуда-то эвакуированный, откуда-то знавший все подробности человек, постоянно сидевший на скамейке в сквере. Человека

задержали за распространение панических слухов, отвели в милицию, но слухи от этого не прекратились.

Если расстреливают советский актив, то кто станет разбираться, каким директором он был — директором госбанка или Укркультторга. Раз советский директор — к стенке.

Главное — невозможно выбраться из города. Не пойдешь же пешком в Одессу. Это уж только на крайний случай. В поисках транспорта Антон Брониславович и отправился в горком партии. Говорили, будто партийно-советский актив хотят эвакуировать в организованном порядке. Но оказалось, что в горкоме про эвакуацию не было и речи. Наоборот, актив мобилизовали на оборону.

— Пришел! Правильно! — пробегая по коридору, крикнул ему знакомый из оргинструкторского отдела. — Заходи, что-нибудь подберем.

Предложили ему должность комиссара строительного батальона, который формировался в Измаиле.

Сотрудник оргинструкторского отдела по-своему понял замешательство Федоровича.

— Ты раньше времени нос не вешай, — убеждал он его, — не всем же сразу на фронт идти. Доставишь батальон в Одессу, что-то другое дадим. Там и на фронт пойдешь. В современной войне что тыл, что фронт, разницы, считай, никакой нет... Ну как?

Антон Брониславович согласился. Ему казалось, что это лучшая возможность попасть в Одессу. Собрав пожитки, погрузив чемоданы на полуторку с шанцевым инструментом, прихватив даже стеганое китайское одеяло с шелковым верхом — подарок жене, Федорович начал свою военную службу.

Правда, колонна строительного батальона не сразу направилась в Одессу. Некоторое время пришлось работать на границе, потом чинили разбитые мосты, дороги, поврежденные налетами авиации, и только в июле попали в Одессу. Здесь Федорович внезапно «заболел», отстал от батальона и затерялся в сутолоке и неразбрыхе военного времени.

Противник на всех фронтах наступал, сводки были тревожные, и Антон Брониславович раздумывал, как быть дальше — эвакуироваться ли с женой и пойнтером в глубокий тыл или остаться в городе. В облторг-отделе ему вдруг предложили совершенно нелепую по военному времени должность — управлять конторой Главпарфюмера. Он согласился: поживем — увидим, что будет дальше.

В своей жизни Федорович переменял немало должностей, и все они так или иначе были связаны с торговлей или снабжением. В этом отношении Антон Брониславович был верен себе. То заведовал разливочным цехом на пивоваренном заводе, то был директором колбасной фабрики, то управляющим облвинтреста. Потом были культторги, закрытые распределители, фирменные магазины. Года два Антон Брониславович заведовал продовольственным магазином областного управления НКВД. На этом основании писал в анкете: с такого-то по такой-то год — служба в НКВД. Он считал, что эта строчка его и подвела. В отделе кадров треста Антона Брониславовича вызвали как бывшего чекиста и затем рекомендовали на подпольную работу...

Люди, повешенные на балконах одесских улиц, на ветвях платанов, на переплетах порталых кранов в

морском порту, произвели гнетущее впечатление на Федоровича. Впрочем, теперь он стал Петром Ивановичем Бойко. Это еще хуже! Ведь каждый встречный, каждый прохожий — на Дерибасовской, Нежинской, Ярославской мог опознать в хозяине слесарной мастерской бывшего управляющего конторой Укркультторга, Главпарфюмера и толкнуть его в петлю. Нет, это очень страшно — ходить и ждать!

Вот тогда, терзаемый страхом, Антон Брониславович и решил — надо отсидеться. Пусть одни считают его партизаном, другие хозяином мастерской, а он будет сам по себе. Придет в полицию и заявит — да, работал в НКВД, заведовал магазином. Своим же потом можно сказать — хотел легализоваться для лучшей конспирации.

С таким настроением Антон Брониславович шел в полицейский участок, нащупывая в кармане газету с приказом румынского генерала. Комадующий городским гарнизоном обещал прощение всем советским офицерам, которые добровольно явятся на регистрацию в местные полицейские участки.

Выполнить задуманное не удалось — потребовали заявление. Ну и что ж — первый шаг все-таки сделан. Заявление он напишет, ничего страшного.

Выйдя из участка, Антон Брониславович встретил на улице младшего Гордиенко. Встреча не из приятных. Этот парень просто раздражал его. Признаться, Федорович его даже побаивался — Яков сломает себе и другим шею. Просто бешеный! То связался с Фрибтой, и неизвестно теперь, чем это кончится, то задумал минировать дом на Красноармейской. Федорович был уверен, что Гордиенко рассказывает ему далеко

не все, что делает он со своими дружками. Лучше от него как-нибудь избавиться.

Столкнувшись с Яшей нос к носу, Бойко-Федорович недовольно сказал:

— Нечего днем болтаться по улицам, шел бы в мастерскую работать. Могут прийти посетители, а тебя нет на месте.

Под «посетителями» Федорович, естественно, подразумевал связных от Бадаева.

Поздний визит агента сигуранцы встревожил и напугал Федоровича. Хорошо, что дома были только он и жена. Ребята опять бродили где-то по городу.

Друмеш спросил, здесь ли живет Петр Иванович Бойко, и, убедившись, что перед ним именно тот человек, который ему нужен, предложил пройти с ним.

Когда они вышли, он не произнес больше не единого слова, только указывал: прошу направо, теперь сюда, идите прямо...

Было темно, и редкие синие фонари горели только в центре. На улице Бебеля стало немного светлее, востер раскачивал синие лампы над мостовой. Комендантский час еще не наступил, но прохожих было совсем мало. Ни Бойко, ни Друмеш не заметили, как один из прохожих остановился, удивленно поглядел им вслед и пошел сзади на таком расстоянии, чтобы только не потерять их из виду.

В сигуранце поднялись на второй этаж, прошли по коридору и очутились в маленькой комнате с двумя дверьми — одна та, через которую Друмеш ввел Бойко, а другая — полуприкрытая, вела в соседнее помещение. Там тоже горел свет и слышались мужские голоса.

— Посидите,— сказал Друмеш и оставил Антона Брониславовича одного.

Комната была почти пустая, стоял здесь только стол, покрытый листом прозрачного плексигласа, без единой бумажки, даже без чернильницы, кресло, табурет и маленький запертый шкаф в углу, рядом с входной дверью.

Бойко сидел долго, может быть, с полчаса, начиная все больше томиться тревожным ожиданием. Когда стало совсем невмоготу, вошел, наконец, невысокий чернявый румынский офицер с гладко зачесанными, напомаженными волосами. Сел в кресло, пристально посмотрел на Федоровича, помолчал. Сказал негромко:

— Я локатинент Харитон, следователь бюро Жюридик. Вы знаете, что это такое?

Нет, Федорович ничего не слышал о Жюридик. Харитон разъяснил: бюро Жюридик — военно-следственная полиция, которая занимается расследованием преступлений и передает дела в военно-полевой суд.

Харитон снова помолчал, снова пристально взглянул на Антона Брониславовича и так же негромко спросил:

— Вы знаете, кто убил Фрибту?

Федорович почувствовал, будто пол уходит из-под его ног. Но он нашел в себе силы сказать:

— Я не знаю, кто такой Фрибта.

— С кем вы говорили сегодня на улице, когда вышли из полицейского участка?

— Я ни с кем не говорил, господин Харитон, здесь какая-то ошибка,— упавшим голосом ответил Федорович. В его голове молнией пронеслось: «Неужели они все знают?»

— Советую вам не допускать ошибок.— Харитон сделал ударение на втором слове.— Господин Жоржеску! — позвал он кого-то из соседней комнаты. Затем без всякого перехода резко и громко закричал: — Встать!.. Кому говорю, встать!..

Антон Брониславович встал. Из двери вышел приземистый человек с тяжелой челюстью и перебитым носом. Он шел, словно боксер на ринге,— втянув голову в плечи и согнув руки в локтях.

— Господин Жоржеску! Посоветуйте господину Бойко быть разговорчивей...

Жоржеску прошел мимо Федоровича, словно направляясь к шкафу, стоящему в углу, и вдруг левой рукой нанес ему сильный короткий удар. Антон Брониславович охнул, но не упал. Он отлетел к стене и будто переломился надвое. Удар пришелся в солнечное сплетение. Федорович не мог ни вздохнуть, ни распрямиться. Ему казалось, что он задыхается, умирает. Прошло несколько минут. Жоржеску, так и не сказав ни слова, исчез за дверью. Харитон невозмутимо сидел за столом, положив руки на плексиглас. Лампочка, горевшая под потолком, отражалась на гладко зачесанных, будто полированных волосах. Наконец Федорович смог разогнуться. Дыхание стало возвращаться к нему.

— Садитесь,— сказал ему Харитон.— Так с кем вы говорили сегодня утром?

— С Яковом Гордиенко, слесарем из моей мастерской...

Из сигуранцы Федорович вышел поздней ночью. На углу Пушкинской, недалеко от гестапо, его остановил патруль. Бойко предъявил разовый пропуск.

Проверили и пропустили. Он зашагал по направлению к Нежинской.

Дома все спали. Жена проснулась, тревожно приподнялась.

— Все в порядке,— сказал он ей.— Не болтай только, куда меня вызывали...

В сигуранце ему посоветовали: пусть ведет себя так, будто ничего не случилось. Но не так-то легко было это сделать. Уже следующий день вызвал новые тревожения.

Еще в прошлый четверг Федорович обещал Продышко зайти к нему на Французский бульвар и поговорить о работе. Петр Иванович Продышко, оставшийся на пивоваренном заводе, все больше входил в доверие к оккупантам. После прихода румын он передал им сырье, что было на складах, передал оборудование завода, якобы сохранив его от уничтожения. Нашлись люди, которые подтвердили, что бывший начальник планового отдела самолично обезвредил заряд, предназначенный для взрыва завода. Теперь Продышко работал коммерческим директором — новые власти оценили его заслуги.

Бадаев возлагал на него большие надежды и просил Федоровича лично побывать на Французском бульваре и решить неотложные вопросы. Федорович тянул, но теперь это могло показаться подозрительным, и он после обеда пошел к Продышко домой.

Петр Иванович встретил его встревоженно.

— У тебя все в порядке? — спросил он, едва Федорович переступил порог.

— Как видишь. А у тебя?

Продышко рассказал: сегодня днем к нему прямо

на работу пришел Боровой. Так опрометчиво он никогда не поступал. Сказал, что дело не терпит — вчера вечером Боровой сам видел, как командира отряда Бойко вели в сигуранцу.

Федорович деланно рассмеялся.

— Хорошая примета, значит меня не возьмут до второго пришествия. Видно, он что-то напутал.

Боровой был связным, через него Антон Брониславович поддерживал связь с рыбаками на Большом Фонтане и с подпольщиками пивоваренного завода. Новость, которую сообщил Продышко, вызвала новый приступ страха. Значит, вчера Боровой видел его на улице. Плохо, очень плохо!.. Бойко осторожно попробовал выяснить, кто еще может знать о его посещении сигуранцы. Нет, никто... Боровой сказал об этом только Продышко.

— Попереживали мы за тебя, а ты, оказывается, цел! — радуясь, что все так обошлось, заключил Продышко.

Сели пить чай, говорили, как лучше привлечь к делу группу рыбаков с Большого Фонтана. Пора доставать оружие, зарытое перед приходом румын.

Федорович соглашался с Продышко. Он даст приказ переходить к действиям. Пусть Боровой зайдет в мастерскую дня через два.

Антон Брониславович спросил еще про планы каткомб — Продышко обещал где-то достать их, чтобы передать Бадаеву.

Петр Иванович ушел на кухню и вернулся оттуда с тугим свертком бумаг.

— Все, что удалось достать, — сказал он, передавая Федоровичу сверток. — Взяли у румын под носом.

Завалились в отделе недвижимого имущества одесской примарии. Теперь, если захотят, пусть заново составляют. Последний и единственный экземпляр.

Это был план Одесских катакомб.

Федорович вскоре ушел. Он торопился — надо действовать быстро. С Французского бульвара пошел прямо на улицу Короленко. Нашел угловой дом, который когда-то принадлежал графине Скавронской, зашел во двор и условным сигналом вызвал Гришу Любарского.

Стояли в подъезде.

— Знаешь, где живет Боровой? — прошептал Федорович.

— Знаю. Тут недалеко. Раза два был у него.

— Оружие есть?

— Здесь нет. В мастерской спрятано...

— Опять в мастерской... Подведете вы с этим прятаньем... Держи...

Бойко что-то протянул ему в темноте. Гриша ощупью нашел руку, не понимая еще, что протягивает командир отряда. Кончиками пальцев ощутил рифленую поверхность рукоятки, ощутил теплоту металла — браунинг! На втором этаже кто-то хлопнул дверью. Любарский почувствовал, как дрогнула рука Бойко. Прислушались. В подъезде снова было тихо. Склонившись, Бойко почти беззвучно зашептал в темноте:

— Борового нужно ликвидировать... Сегодня же... Предатель...

У Любарского захолонуло сердце.

— Но я никогда... не стрелял в людей...

— А сейчас будешь... Есть приказ уничтожить... Боровой может всех выдать... Выполняй.

В юношеской духовной чистоте, в беспредельной верности долгу Гриша Любарский принял как должное приказ Бойко. Ведь Бойко был командиром отряда, подпольщиком, который боролся с врагами. Значит, так надо. Любарский уже корил себя за проскользнувшее в нем малодушие.

— Есть... Выполню...

— Так-то вот лучше... Завтра доложишь... Смотри, чтоб об этом ни одна душа, слышишь? Ни Гордиенко чтобы, никто... Иди! Я тоже пойду в ту сторону.

Некоторое время Федорович шел за юношей, постепенно отставая, потом свернул в переулок.

В январе 1942 года при неизвестных обстоятельствах исчез связанной Молодцова в Одессе Николай Боровой. Говорили, будто он арестован и сидит в центральной тюрьме, но подтвердить этого никто не мог. В те дни в заброшенной квартире на Преображенской улице сигуранца обнаружила неопознанный труп человека. Его тайно увезли в морг, и на этом расследование закончилось. Больше того, агенты сигуранцы сделали все, чтобы слух о преднамеренном убийстве не просочился в город. Для подпольщиков Николай Боровой остался человеком, пропавшим без вести...

В конце января Бойко-Федорович еще раз приходил в катакомбы по вызову Бадаева. Это было его третье посещение. Сопровождал его Яков Гордиенко, а проводником была Тамара Межгурская, ходившая на связь в город.

В катакомбы они проникли через новый, только что обнаруженный лаз в глубокой балке недалеко от Усатова. Теперь каждый вход был, что называется, на вес золота. Румыны яростно замуровывали, забивали

все щели в земле, а рядом, как печать на сейфе, ставили двойные посты солдат или жандармов. Днем по всей степи вдоль балок, на улицах Нерубайского, Усатова, Фоминой балки, всюду маячили такие «печати». Они стояли и ночью, но в потемках не разглядеть. Это было еще опаснее.

Межгурская провела Петра Бойко прямо в штаб — так называлась сводчатая пещера. Снова говорили о работе в городе. Бадаев выспрашивал, почему отряд не разворачивается на полную силу, а Бойко приводил самые различные доводы, оправдывался, объяснял.

— Повремени, товарищ Бадаев,— говорил Бойко, сидевший за столом и нехотя хлебавший из алюминиевой миски латуру, которую Бадаев распорядился принести из кухни, чтобы не тратить время на ужин в столовой.— Повремени. Вот раскроем склад на Большом Фонтане, тогда и начнем. С пропусками хорошо получается. В полиции своего человека удалось поставить. Работает писарем. Хочешь, тебе тоже добудем круглосуточное хождение по городу. Ходи без всяких хлопот!

— Ладно, посмотрим,— Бадаев уклонился от разговора на эту тему.— Не так часто приходится мне бывать в городе... Скажи, Петр Иванович, про дальнические шахты ничего не слышал?

— Нет. Ходили слухи, что под землей рядом с зеркальной фабрикой какая-то стрельба была. Проверить этого не удалось. Не знаю.

Молодцов получил накануне новый запрос из Центра о судьбе группы Гласова. Дальнические катакомбы хранили молчание. Вот и Федорович тоже не

принес ничего утешительного. Группа Самсона тревожила Молодцова все больше.

— Очень прошу тебя лично, товарищ Бойко, поинтересуйся дальницей шахтой... Кстати, планы катакомб удалось достать?

Вопрос застал Федоровича врасплох, и он на мгновение замялся.

— Планы-то?.. Ну да, получил, получил... В другой раз пойдут на связь, передам с Тамарой или с Галиной... А может быть, сам принесу... Как это я запамятовал! Ты-то не собираешься к нам? Квартиру-то я сменил, Павел Владимирович. Теперь даже надежнее стало.

— А запасный выход?

— Выход хороший — по чердакам хоть на соседние улицы выходи.

Еще в прошлую встречу Бойко предупредил Бадаева о том, что румыны замуровали проход в соседний двор и теперь покинуть конспиративную квартиру можно только через единственные ворота. Бойко сказал, что есть возможность переселиться на верхний этаж. Квартира стоит пустая, с выходом на чердак.

Подумав, Бадаев согласился. После того как румыны замуровали выход в соседний двор, старая конспиративная квартира могла стать мышеловкой, опасной западней.

— Ладно, — сказал Молодцов, — сам проверь только все выходы. Набросай схему, чтобы люди знали, куда уходить в случае чего.

— Все будет сделано... Придешь, сам поглядишь, заодно и новоселье справим. Уж чем-нибудь получше

этого угощу... Обещаю. С продуктами, видно, плохо приходится?

— Плохо,— признался Бадаев.— На одной латуре сидим.

Антон Брониславович опустил ложку в недоеденную латуру — мука, замешенная на воде. Она просто не лезла в горло. Ел только для виду. Воспользовавшись случаем, отодвинул миску на край стола. Поблагодарил.

— Подумать надо,— сказал он,— может, через рыбаков кое-что из продуктов достать можно. Чего-чего, а рыбы достанем...

— Не плохо бы,— согласился Бадаев.

— У меня к вам, товарищ Бадаев, еще одно дело есть. Не знаю, как посмотрите.— Бойко склонился над столом.— Дело серьезное, ваш совет нужен. Нашли мои ребята подход к одному работнику полиции. Есть такой капитан Аргир. По происхождению русский. Работает у румын, готов перейти на нашу сторону. Но человек осторожный, сперва хочет лично поговорить с кем-нибудь из нашего руководства. Хотел сам с ним встретиться, да боюсь — не поверит. Надо бы кого посолитьнее. Может, заместитель ваш, или сами...

Молодцов неопределенно ответил:

— Посмотрим, посмотрим. Об этом надо подумать.

* * *

*

В сигуранце на улице Бебеля Федорович больше не появлялся. В назначенное время он приходил на Дерибасовскую, поднимался на третий этаж, дом де-

вать, в конспиративную квартиру майора Курерару. Здесь его встречал капитан Аргир либо Харитон, они давали ему задания, с каждым разом все усложняя их, спрашивали о людях, уточняли их адреса, приметы, требовали отчета в выполнении заданий.

Подписку работать на сигуранцу Федорович дал примерно через неделю после того, как его впервые вызвали на улицу Бебеля. От той ночи в памяти осталась тупая боль под ложечкой и ощущение будто его вытащили из петли. Когда он снова начал дышать, это было второе дыхание, дыхание предателя. Все старое осталось как бы по ту сторону удара, нанесенного ему локатиентом Жоржеску.

Впрочем, события, захватившие Антона Брониславовича, развивались для него последовательно и логично. Сейчас он даже не хотел раздумывать, как это случилось. Потеряв веру, да собственно говоря, он и не имел ее никогда — нельзя приспособленчество называть верой, — Федорович для себя решил: старое вернуться не может, надо подаваться к новой власти...

Завербованного агента на конспиративной квартире принимал Аргир. Он хотел знать, намерен ли Бадаев прийти в город. Нужно любыми путями выманить его из катакомб. Нет, пока не похоже, чтобы Бадаев проявил интерес к предложению Федоровича. Антон Брониславович рассказал о разговоре в катакомбах, он уже не за страх, а за совесть начинал служить подобранным Бадаев хозяевам. Воспользоваться ночным пропуском Бадаев отказался, вероятно из осторожности. Насчет встречи с полицейским чином тоже ни да, ни нет не сказал.

— Настаивать не мог,— сказал Федорович, глядя

куда-то в сторону.—Только вызвал бы подозрение. Теперь надо ждать, когда вылезет сам. Больше всего он интересуется Дальническими катакомбами, требовал узнать про Гласова.

Аргир тоже считал, что не надо торопиться. В распоряжении сигуранцы были все нити — Федорович называл всех, кого знал, но пока никого не трогали. Ждали Бадаева — надо его заманить в западню, а тогда уже захлопнуть ее.

По этому поводу Аргир распорядился так: как только появится Бадаев, немедленно звонить по телефону. Работники сигуранцы прибудут на место минут через пятнадцать, не позже.

— Квартиру переменил? — спросил Аргир.

— Так точно,— по-военному ответил Бойко.— Как было приказано.

— Бадаев знает?

— Доложил. Велел чердаки проверить на случай побега. Я ему схему приготовил с копией. Копию вам...

Предатель достал из бокового кармана два чертежа, набросанных карандашом, один протянул Аргир, второй положил в карман.

Бойко-Федорович еще спросил, может ли он взять обратно планы катакомб, которые передал господину капитану. Бадаев уже спрашивал, дольше задерживать их нельзя.

— Придется отдать,— сказал Аргир.— Кстати, как вы прошли в катакомбы? Ведь все входы блокированы.

— Выходит, не все. Прошли балкой между Усатовом и Куяльником.

— Покажите.— Аргир вынул из стола пакет, который Федорович получил от Продышко, нашел нужный лист и развернул его перед Федоровичем.

Некоторое время Антон Брониславович внимательно изучал план, пытаясь сориентироваться, нашел нужное место и отчеркнул его ногтем. Аргир резко оттолкнул его руку:

— Что вы делаете! Никаких пометок! — Плоскостью ногтя он принялся затирать царапину, оставленную на бумаге.— Вы же должны этот экземпляр отдать Бадаеву... Покажите на копии.

Аргир принес копированные планы катакомб и красным карандашом поставил жирный крест в том месте, которое указал Федорович.

Когда тот ушел, Аргир позвонил Курерару, спросил, можно ли прийти для доклада. Встретились через час в сигуранце, уточнили план, разработанный Курерару. Операцию решили проводить под видом ареста Якова Гордиенко, подозреваемого в убийстве Фрибты.

АРЕСТ

Бойко-Федорович еще несколько раз приходил в катакомбы. Но свободно рассказывать ему в расположении лагеря Бадаев не разрешил. Встречаться с партизанами, тем более разговаривать с ними, запрещал тоже. Будто чуял! И не потому, может быть, что не доверял, просто так, из конспирации.

Как-то раз Бойко снова вернулся к разговору о пропуске.

— Возьми, Павел Владимирович, пригодится, — сказал он и протянул румынский пропуск. — А не используешь, пусть лежит — хлеба не просит. Даром я, что ли, старался. С ним днем и ночью можно ходить по городу.

Бадаев отшутился и перевел разговор на другое. Вскоре к ним подошел Яша Гордиенко — в кубанке, в легоньком бушлате, и оба они направились к выходу. На прощанье Бадаев сказал:

— Так не забудь, Петр Иванович, про Дальник. Узнай поподробнее...

Молодцов рассчитывал проникнуть в Дальницкие катакомбы подземными ходами. Для этого он несколько раз требовал раздобыть плащи катакомб и, когда Бойко принес, наконец, пачку истрепанных самодельных карт, внимательно изучил их, пытаясь разобраться в запутанном подземном лабиринте. Но выяснилось, что дальницкие шахты изолированы от других, дороги туда под землей нет. Об этом еще раньше Молодцову сказал Иван Гаврилович Гаркуша, старый, насмешливый и острый на язык шахтер, лучше других знавший Одесские катакомбы.

— Ищите, не ищите, — сказал он чекисту, — а под землей ход в Дальник не найдете. Шахты там, как говорят у нас, тупиковые. Жить люди там могут, но как в ловушке. Выхода из них нет. Другое дело на поверхности — знающий человек всегда вылезет. Иные хода по двадцать лет стоят замурованные, еще с революции. Вот если их раскопать, другое дело... Да опять же, румыны в городе, разве они дадут копать-то...

Бадаев сидел за дощатым столом, по привычке подперев рукой подбородок.

— Ну, а через верх пройти к ним можно? — спросил он Гаркушу.

— Почему нельзя?! Только сперва надо фашистов прогнать, чтобы не мешали.

Разговор с Гаркушей расстроил и огорчил Молодцова. Предприняв еще несколько бесплодных попыток проникнуть в Дальник, он отказался от поисков в катакомбах, но каждый раз, посылая связных в город, наказывал обязательно разузнать о судьбе Гласова.

Когда искали ход в Дальник, встретили в катакомбах еще одну партизанскую группу. Это были члены

подпольного комитета партии Пригородного района Одессы. Молодцов еще раньше знал о существовании группы, он несказанно обрадовался этой встрече и долго разговаривал о чем-то с Азаровым, секретарем подпольного райкома партии. После этого он несколько раз посылал Ивана Гаркушу и Якова Васина к райкомовцам, отправлял с ними какие-то письма Азарову, передавал им оружие, боеприпасы. Васин занимался в отряде снабжением партизан, в его распоряжении находился склад оружия и продовольствия. Своих помощников он строго-настрого предупредил никому не говорить, куда и зачем они ходят так далеко в катакомбы.

В те дни Кир получил из Центра еще одну шифрованную радиограмму, подписанную Григорием. В ней было сказано:

«Связь с группой Самсона отсутствует. Нарушаются планы дальнейшего развертывания работы в глубоко стратегическом тылу противника. Еще раз попытайтесь установить судьбу Самсона и его людей. Проявите максимум осторожности».

Молодцов ходил сам не свой, раздумывая, как бы узнать хоть что-нибудь о людях Гласова. В это время до него дошли слухи, будто кто-то видел в городе самого Гласова, что он будто бы вышел из катакомб и легализировался в Одессе.

Вот тогда и решил Молодцов сам выйти в город, чтобы установить, где же находится Самсон, не подававший о себе никаких вестей. И еще были у него неотложные дела: встретиться с подпольщиками порта, с Олегом, который работал в городе под видом хозяина оптического магазина.

7 февраля 1942 года Кир передал свою последнюю радиogramму в Москву. На запрос Центра он сообщил некоторые сведения о группе Самсона.

«Случайный источник, — передавал Кир, — сообщил, что Самсона видели в Одессе. Перепроверить эти данные не удалось. Тот же источник, ссылаясь на строгую конспиративность Самсона, отказался связать с ним нашего человека. Он уверяет, что слухи о гибели группы необоснованны. Это вселяет надежду, что Самсон невредим. Я намерен лично встретиться с указанным источником, расшифровать себя и потребовать объяснений или встречи с Самсоном. Жду указаний».

Сведения, о которых Молодцов информировал Центр, доставил ему Иван Афанасьевич Кужель — разведчик-доброволец, живший в селе Нерубайском.

Шахты он знал отлично. И все же просто непостижимо было, как старый горняк проникал в катакомбы, обманывая румынских жандармов. Появлялся он в самое разное время суток. Подсаживался к столу с таким видом, будто и не уходил из катакомб, доставал кисет с табаком, пускал его по кругу «на общую», скручивал козью ножку. Приход его всегда ознаменовывался густыми клубами табачного дыма — за компанию курили все, кто находился в столовой. Поболтав с ребятами, Кужель, посмеиваясь, брал пустой кисет и отправлялся к Бадаеву.

О Гласове Кужель узнал через третьи руки, подробностей сообщить не мог, но слышал, что человек, связанный с группой Гласова, уклоняется от разговора на эту тему, вероятно, не доверяет. Есть какой-то сапожник, который будто бы что-то знает, но связать-

ся с ним Кужель не мог. У шахтера-разведчика нет ни пароля, ни адреса, да и проникнуть в город Кужелю не так-то просто, не то что в катакомбы, где знаком каждый закоулок.

Бадаев с большим доверием относился к Ивану Афанасьевичу Кужелю. Рассказу его он придавал большое значение, но, с другой стороны, связная Тамара Межгурская приносила из города иные вести — ходили разговоры, будто сигуранца ликвидировала какой-то отряд партизан в дальнических катакомбах. Так ли это — никто не знал.

Да, надо было самому выходить в город...

Было это вьюжным февральским днем сорок второго года. Бадаев вместе с Тамарой Межгурской покинул катакомбы. Провожать их пошли двое — Яков Васин и Белозеров. Недавний пограничник научился отлично ориентироваться в запутанных подземных лабиринтах. Удивительно было, как быстро освоился он в катакомбах.

Шли долго, и фонари тускло освещали низкие своды. Совсем недавно Белозеров обнаружил еще один выход, которым и решил вывести наверх командира отряда. Выход был под скалой в глубокой балке недалеко от Усатовской церкви. Церковь служила отличным ориентиром, ее всегда разглядишь даже кромешной ночью. Ход никому не был известен, и через него только один раз выпускали Петра Бойко с Яшей Гордиенко. Всю дорогу Бадаев шутил, посмеивался, настроение у него было хорошее, потом вдруг замолчал, задумался.

— Анатолий, — подозвал он Белозерова, — совсем забыл... В случае чего передай в совет отряда, чтобы

налаживали связь с Олегом из комиссионного магазина. Он все знает...

— На какой же это случай, Павел Владимирович? — спросил Белозеров.

Бадаев усмехнулся.

— Мало ли что в нашем деле бывает! Не знаешь, где упадешь, где встанешь... О том, что сказал, доложите только в совете отряда и больше никому. Поняли?..

Потом снова пошли, разговаривая уже совсем о другом.

Миновали последний пост. Молодцов попрощался с ребятами, стоявшими в карауле, пообещал им принести из города табачку и, приветливо махнув фонарем, пошел дальше. Прошли еще с полкилометра, обошли провал, запорошенный снегом. Ночь была мутная и не особенно холодная. Белозеров выскользнул в балку и вскоре вернулся — все спокойно. Наскоро пожали друг другу руки, и Бадаев исчез в тесном провале. За ним ушла и Межгурская. Это было под утро 8 февраля 1942 года. Уговор был твердый — Бадаев возвратится не позже десятого числа. Пусть его ждут в назначенное время. Он постарается быть в Усатове до начала комендантского часа. В комендантский час требовался специальный пропуск.

Вечером десятого встречать Бадаева пошли Васин с Белозеровым и кто-то еще из бойцов. Как условились, ждали его рядом с провалом. Фонари прикрутили, поставили в стороне. Долго стояли не шелохнувшись. Белозерову вдруг почудился какой-то шум со стороны входа — будто скрипнул снег под ногами. Думал — свои. Подождали еще, все стихло. Тогда Бело-

зеров решил осмотреть балку. Но только он высунул голову из-под скалы, как тотчас нырнул обратно. Около выхода, притаившись, стояли вражеские солдаты с автоматами. Надо быть пограничником, чтобы различить в этих неподвижных тенях живых людей! Новый ход в катакомбы блокирован!..

Вернулись только под утро, сильно встревоженные. А дня через два на связь послали Шестакову Тамару. Назад она не вернулась...

Когда и Тамара Шестакова не пришла в назначенный срок, парторг Зелинский собрал коммунистов — всех, кто был в наличии. Сидели угрюмые в штабной пещере вокруг каменного стола.

— Все собрались? — спросил он, вглядываясь в лица людей.

— Все, кроме дежурных, — ответил кто-то из темноты. — С постов не снимешь...

— Что будем делать, товарищи? — снова спросил Зелинский. — Положение вы знаете. Давайте обсудим. С товарищем Бадаевым что-то случилось. Шестакова тоже не вернулась с задания...

Сначала дали слово Анатолию Белозерову. Он рассказал, как ходил провожать Бадаева, как вышли встречать его и наткнулись на вражескую засаду. Белозеров недоумевал, почему новый, тайный лаз стал известен румынским жандармам.

После Анатолия слово взял Иван Клименко, заместитель командира по строевой части. Пожилой худощавый шахтер говорил простуженным голосом, говорил скупыми, короткими фразами. Он докладывал, в каком состоянии находится отряд — сколько людей, как обстоят дела с продовольствием, оружием,

боеприпасами. Бывший шахтер-бригадир говорил так, будто давал задание своей бригаде и раздумывал вслух, как расставить людей в забое. А кончил Клименко тем, что не нужно терять надежду на возвращение Бадаева. Павел Владимирович может еще вернуться. Бывает всякое. На тот случай, если товарища Бадаева захватили, нужно подумать, как его вырвать из рук фашистов. Дело это не простое, но возможное. Можно по дороге отбить у конвоя или же сделать налет на тюрьму.

Но перво-наперво надо еще раз послать в город своего человека. Пусть выяснит, что случилось.

На совете решили, что на связь с Олегом Николаевичем пойдет Белозеров, а связную Галину Марцишек пошлют выяснить причину и обстоятельства ареста Бадаева.

Только значительно позже стало известно, как развивались события в городе после того, как Межгурская и Бадаев покинули катакомбы.

...В первый же день Бадаев и Межгурская остановились на конспиративной квартире Екатерины Васинной, находившейся рядом с площадью Красной Армии. Тамара Межгурская в тот день с утра заходила к сапожнику Евграфу Никитенко, жившему на Воснном спуске, предупредила, что одному человеку надо незамедлительно встретиться с подпольщиком Крымовым. Встречу надо организовать на Новом базаре в толкучке — так безопаснее. Время встречи — полдень, когда на рынке больше всего народа.

Межгурская еще спрашивала, знает ли Никитенко что-нибудь про того человека, который видел в городе Гласова. Нет, хозяин сапожной мастерской не

знал о существовании такого человека, но ему говорил об этом Крымов. Тамара Межгурская еще раз сказала, что встречу с Крымовым надо организовать непременно и в назначенное время.

Разговор Тамары Межгурской с Евграфом Никитенко происходил в сапожной мастерской утром восьмого февраля, а в полдень должна была состояться встреча с Крымовым. Никитенко не знал, состоялась ли встреча, про которую говорила Тамара, но свое дело он сделал: немедленно пошел в порт, условными сигналами вызвал Крымова и передал ему содержание разговора с Межгурской. Крымов ответил коротко: «Буду».

Ближе к вечеру, когда уже начинало смеркаться, на улице Фрунзе видели высокую женщину в платке, в длинном пальто и в кирзовых сапогах. Она остановилась против дома № 88 у колодца, закрытого деревянным щитом, трижды постучала ногой, прислушалась и, получив ответный сигнал, бросила что-то в отверстие, просверленное в деревянном щите. Это была Тамара Межгурская.

Вечером на квартиру Васиных заходил незнакомый усатый старик. Сначала он разговаривал с Екатериной Васильевной, а потом остался ждать Бадаева. Бадаев пришел поздно вместе с Тамарой, поздоровался с усатым стариком, назвав его Иваном Афанасьевичем. По всему было видно, что они хорошо знали друг друга. Васина накормила всех ужином, Бадаев посмотрел на часы и сказал, что теперь пора. Тамара легла спать, а Бадаев с Иваном Афанасьевичем куда-то ушли среди ночи. Тамара тоже просилась, но Бадаев сказал, что ей нельзя.

Вернулись они под утро, когда было еще совсем темно. Теперь их было четверо. Они сразу же легли спать, но спали недолго. Раньше всех поднялся Бадаев и сказал, что пора уходить. Екатерина Васильевна уговаривала остаться, но Бадаев сказал, что сегодня много работы. Наскоро перекусив, они ушли вместе с Тamarой. Двое других жили еще дня три и неожиданно куда-то исчезли.

На Нежинской, в квартире Петра Бойко, Бадаев появился после полудня вместе с Тamarой Межгурской. Из конспиративной квартиры Бадаев больше нигде в тот день не выходил, но Межгурская отлучалась довольно надолго и вернулась только вечером. Бадаев куда-то посылал Якова Гордиенко. Он привел с собой прилично одетого человека выше среднего роста, которого Бадаев называл Олегом. Этот человек с полчаса разговаривал с Бадаевым на кухне и ушел перед самым приходом Межгурской.

С появлением Бадаева на конспиративной квартире Антон Брониславович засуетился, наказал жене готовить ужин, а сам побежал в магазин что-то купить. По пути он зашел в телефонную будку...

Ужинать сели поздно, за столом долго не засиживались и часов в десять уже легли спать. В тот же вечер Бойко пригласил к себе Продышко с пивоваренного завода, но тот не пришел.

Еще днем Молодцов осмотрел квартиру, проверил схему, которую Бойко переправил ему в катакомбы. Ничто не вызывало сомнений. Бадаев не мог и подозревать о предательстве, он не знал, что в тот вечер весь район Нежинской улицы был оцеплен вооруженными агентами гестапо и сигуранцы.

Бойко не спал, чутко прислушиваясь к тишине. Несколько раз ему казалось, что он слышит крадущиеся шаги на лестнице.

Но стук в дверь раздался неожиданно и для него самого. Он поднялся и босиком вышел в прихожую.

— Кто здесь?

— Откройте.

Бадаев мгновенно проснулся от сдержанных голосов на лестнице и в прихожей, от топота ног входивших людей. Кто-то спросил:

— Яков Гордиенко здесь живет?

— Да, здесь.

— А вы кто такой?

— Хозяин квартиры...

— Здесь есть посторонние?

— Нет, только двое знакомых. Задержались, пропусков нет, остались заночевать.

Федорович говорил нарочито громко, чтобы разбудить, предупредить спящих. Во всяком случае, так понял Бадаев. Он осторожно поднялся с пола.

Мысль работала отчетливо и напряженно. Разведчик еще не мог собрать воедино разрозненные впечатления, сделать вывод, разобрать, что произошло. В голове стремительно возникали вопросы, на которые Бадаев не мог сразу ответить. Что это может быть? Кто ворвался в квартиру? Зачем? Что делать? Как вести себя через мгновение, через секунду?..

Первое, что пришло в голову, — воспользоваться запасным выходом на чердак и уйти. Но выход отрезан — в прихожей толпятся ночные пришельцы, а в кухню ход только через прихожую.

Все эти мысли промелькнули стремительно, в ка-

кие-то доли секунды. Единственно, что успел сделать Бадаев, — натянуть валенки и переложить из кармана в голенище запасной браунинг, с которым он никогда не расставался. В это время открылась дверь, вспыхнул свет.

— Кто здесь Гордиенко Яков? — спросил чернявый маленький человек в форме румынского офицера. Это был Харитон.

Яков поднялся с койки, сонный, щуря глаза и не понимая, что происходит. Был он в тельняшке, в трусах, зябко поежился и вдруг сразу очнулся, заметив погоны на плечах вошедших людей. Он шагнул к распахнутой двери, еще надеясь прорваться к вешалке, к своему бушлату, но в прихожей было полно людей — военных и штатских. Кто-то из румын остановил его, приказал вернуться обратно.

— Оденься, — приказал Харитон. Что-то порумынски сказал Друмешу. Тот обшарил кровать, поднял матрац, подушку. Харитон обернулся к Бадаеву.

— Вы кто будете?

Бадаев не успел ответить.

— Это мой гость, господин офицер, — торопливо сказал Бойко. Он стоял в одном нижнем белье у двери. — О нем я уже говорил вам. А в той комнате еще одна женщина, сестра жены.

— А это? — Харитон указал на Гордиенко-старшего и Сашу Чикова.

Они тоже проснулись и сидели на койках.

— Это из моей мастерской, господин офицер. Мои рабочие.

— Хорошо... В соседней комнате кто?

— Там женщины.

— Пусть оденутся... Ваши документы, — Харитон снова повернулся к Бадаеву.

Владимир Александрович неторопливо — сейчас он все делал не торопясь, чтобы выиграть время, — вынул из бокового кармана паспорт и протянул его румынскому офицеру. Паспорт был выписан на имя Сергея Ивановича Носова, уроженца Воронежской области. Под этой фамилией Молодцов намеревался легализоваться в городе, как рекомендовали из Центра. Паспорт был в порядке, и офицер, бегло взглянув на него, вернул обратно.

В комнату вошел Жоржеску, тоже в румынской военной форме. В руках он держал бушлат Якова Гордиенко.

— Чей пиджак? — спросил Жоржеску, глядя на полураздетых ребят.

— Мой, — Яков рванулся к бушлату, но Жоржеску отстранил его и показал Харитону маленький браунинг, такой же, какой был в валенке Молодцова.

— Найден в кармане этого пиджака, — сказал Жоржеску.

— Я должен тебя арестовать, — сказал Харитон. — А вы, господа, тоже оденьтесь и пройдите в полицию, чтобы подписать протокол. Это не надолго, прошу извинить.

Харитон будто бы просто так, для порядка, ощупал карманы задержанных — оружия не было.

«Не слишком ли много людей для ареста одного мальчишки?» — подумал Молодцов, разглядывая толпившихся агентов полиции. Он насчитал двенадцать человек. Неторопливо оделся в прихожей, мучительно думая, что же предпринять. Действовать активно

нельзя — может быть, все это случайные совпадения. К тому же что здесь делать с одним пистолетом? Другое дело — граната. Если бы он был один! Если бы рядом не было женщин, подростков... Если бы знать наверняка, что это ловушка... А может быть, действительно случайный налет? Надо держаться, держаться, не выдать себя опрометчивым поступком. Слишком многое поставлено на карту.

Якову надели наручники и повели вперед. Бойко-Федорович шел последним, захлопнул дверь, проверил, заперта ли она. Спросил:

— Надеюсь, не надолго, господин офицер?

— Нет, нет, вернетесь через полчаса, — Харитон вместе с Жоржеску замыкал шествие.

Но вот что странно: Бадаев отметил про себя — лучи электрических фонариков скрещивались на его фигуре чаще, чем на Яше Гордиенко. Кого арестовали: его или Гордиенко, кого не хотят выпускать из поля зрения?

И еще одно. Когда спустились по лестнице и вышли на тесный дворик, какие-то люди свертывали широкий брезент, расстеленный около стены под окнами квартиры Бойко. «Эге, — чуть не присвистнул от удивления Бадаев. — Ждали, что кто-то выпрыгнет из окна! Да, здесь дело не в Гордиенко...»

И вдруг Бадаева осенила мысль — нелепая, чудовищная: а если это предательство? Если вся эта ловушка подготовлена для него, Молодцова? Догадка показалась ему такой невероятной и нелепой, что разведчик от неожиданности остановился. Теперь эта мысль уже не покидала его.

Вышли на улицу. У соседнего дома стояла маши-

на. Здесь арестованных встретил капитан Аргир. Харитон доложил ему по-румынски, они о чем-то заспорили, затем Харитон сказал, обращаясь ко всем задержанным:

— Господа, капитан приказал освободить вас. Всех, кроме Якова Гордиенко, которого я должен доставить в полицию. Можете быть свободными. Извините за недоразумение.

Бадаев успел шепнуть Тамаре Межгурской:

— Обратно не заходи... Сразу поворачивай за угол.

Но до угла дойти не удалось. Едва они сделали несколько шагов, как снова раздался голос Харитона:

— Господа, прошу вернуться обратно. Придется все же пройти в полицию. Это не надолго, господа.

Каким-то подсознательным чувством Молодцов совершенно отчетливо понял, что жандармы затеяли с ним сложную и запутанную игру. Уж слишком слащаво-вежливый тон у этого маленького чернявого человечка! Кажется, он разгадал их ход — хотят создать видимость, что арест его и Межгурской — простая случайность. Противнику нужно вывести кого-то из игры, но кого? Предателя, который организовал западню?

Логика пришла позже, сейчас было только осознанное решение: действовать. До угла оставалось несколько шагов, Бадаев продолжал идти, будто и не слышал голоса Харитона. Еще шаг — и он за углом. Вот здесь не выдержали нервы румынского контрразведчика:

— Держите его, держите Бадаева! — неистово закричал Аргир, бросаясь следом за ним.

Кто-то выскочил из-за угла и преградил дорогу. Бадаев выхватил из-за голенища браунинг и выстрелил в упор. Человек осел на снег... Бадаев рванулся вперед, но в это время кто-то бросился ему под ноги. Разведчик споткнулся, успев еще раз выстрелить. Тяжелый удар вышиб из рук браунинг, несколько человек навалились со всех сторон, подмяли его под себя, скрутили руки, защелкнули наручники.

Теперь уже всех арестованных заковали, втолкнули в машину и повезли.

Двоих убитых, а может быть, тяжело раненых, лежащих без движения на углу Нежинской улицы, погрузили в другую машину и отправили в госпиталь.

Это произошло в полночь на 10 февраля 1942 года.

ДНЕВНИК, НАЙДЕННЫЙ В КАТАКОМБАХ

Прошло много времени, пока стали известны события, предшествовавшие аресту Бадаева.

Когда советские войска освободили Одессу и прогнали оккупантов из города, из Дальницких катакомб вышел оборванный, изможденный человек — Валентин Тарасов. Такое бледное, землистого цвета лицо, такие бескровные губы и дряблая кожа могли быть только у человека, прожившего под землей долгое время без воздуха, без дневного света. Был он в грязном ватнике, пропитанном известковой пылью, и походил на рабочего цементного завода...

Валентина Тарасова отправили в госпиталь, там он поправился и, когда немного пришел в себя, рассказал, что почти три года провел в Дальницких катакомбах, что вел там дневник, который запрятал где-то в пещере, чтобы он не попал в чужие руки.

Дневник Валентина Тарасова удалось найти, и он хранится в архиве, в папке с надписью «Операция «Форт».

Вот несколько выдержек из этого дневника.

«25 февраля 1943 года. Воскресенье, 2 часа ночи.

...Прошло полтора года и девять дней, как Одесса оккупирована врагами. Полтора года мы не видели света, и теперь я остался в катакомбах один. Грубо нарушая конспирацию, я должен написать все, как было. Почему я иду на это? Нашу одесскую группу в румынской разведке все равно знают. К тому же, кроме меня, может быть, никого не осталось в живых. И я обязан описать все, как было, чтобы потом не ломали голову, что случилось с нами в Дальницких шахтах, какая судьба постигла наш отряд...

В августе 1941 года, когда уже шла война, я познакомился с Гласовым. Приехал он из Москвы с группой в шесть человек. Старший лейтенант знает румынский, французский язык. Был за границей, опытный, бывалый разведчик. Это сказал старший лейтенант Кузьмин, мой начальник.

Гласов спросил меня, кто я, что умею делать. Я ответил, что по профессии электрик. Старший лейтенант еще спросил меня, хочу ли я остаться в подполье для работы, если Одессу придется отдать врагу. Ответил, что прежде всего я коммунист...

Вскоре было совещание, которое проводил старший лейтенант Кузьмин. Решили заготовить продовольствия на полгода, оборудовать все как полагается. Гласов больше молчал и слушал. Его группа должна работать под прикрытием нашего отряда, потом уйдет в глубокий тыл — в разведку дальнего действия.

Выбирали, осматривали катакомбы. Приезжал знающий специалист. Остановились на Дальницких

шахтах. Вход с зеркальной фабрики. В сентябре переселились на фабрику, слились с московской группой.

Мы все превратились в каменщиков и чернорабочих. Часть катакомб отгородили стеной. Сюда ведут несколько входов: на зеркальной фабрике прямо из цеха, с Карамышевской улицы, а также из колодца на улице Фрунзе, против дома № 88. Наши катакомбы располагаются на глубине 20—25 метров от поверхности.

В деревянном люке колодца на улице Фрунзе мы просверлили дыру для связи с верхней группой.

14 октября узнали, что войска покидают Одессу и нам тоже пора уходить. До самого вечера маскировали следы. Вместе с саперами готовили фабрику к взрыву. Саперы и не думали, что мы здесь остаемся, а мы заранее спустили шторм-трап в секретный лаз, чтобы уйти в катакомбы.

К вечеру все было готово. Саперы ушли. В девятнадцать часов, когда немного стемнело, мы зажгли бикфордов шнур в разных концах фабрики, разбросали бутылки с горючей жидкостью. Раздались взрывы и сразу — море огня. Мне еще никогда не приходилось видеть такого пожара...

В начале февраля 1942 года произошло еще одно событие, о котором надо рассказать подробнее.

У колодца на улице Фрунзе мы продолжали держать пост наблюдения, боялись, как бы жандармы не прорвались к нам через этот вход. Точно помню, что это было вечером 8 февраля. Я дежурил у колодца в полной темноте. Только сквозь деревянный щит пробивался мутный свет. Даже не свет, просто над голо-

вой маячило светловатое пятнышко. Потом и оно исчезло, значит, наверху стемнело, день кончился.

Мне еще оставалось дежурить часа три. Наверху я услышал шаги: кто-то подошел к колодцу и остановился. Потом на деревянном щите дважды топнул ногой... Еще раз...

Это был сигнал вызова на связь. Но ведь говорили, что наверху никого не осталось! Кто это мог быть? Пока я раздумывал, сигнал повторился. Тогда я тоже ответил — тремя ударами в колотушку, как было условлено раньше. В тот же момент к моим ногам что-то упало, а наверху снова послышался скрип удалявшихся шагов.

Я посветил фонариком и подобрал сверток, в носовом платке была завернута железка — для тяжести — и записка. Я прочитал её:

«Немедленно передать Гласову или Кузьмину!

Сегодня ночью от часа до трех спущусь в катакомбы в районе бывшего командного пункта. Необходима встреча с Самсоном. Обеспечьте явку его людей. Через час после того, как получите это распоряжение, подтвердите согласие нашему связному. Встреча с ним на том же месте. Кир».

Из этой записки я ничего не понял. Кто такое Кир и Самсон? Сразу позвонил на базу, вызвал Батю. Полевой телефон у нас стоял метрах в двадцати от поста, чтобы на поверхности не слышали голосов. Кузьмин прочел записку, видно, тоже не все понял и, помолчав, велел ничего до его возвращения не предпринимать.

Пришел он минут через двадцать вместе с Гласовым. Прочитали записку. Я светил им фонариком,

свет падал на их лица. Гласов повеселел, Кузьмин спросил его:

— Кира знаешь лично?

— Знаю.

— Кто такой?

— Придет — сам скажет, если решил расконспирироваться.

В темноте Кузьмин повернулся ко мне:

— Ладно. Передай голосом, что понятно. Будем ждать в назначенное время.

На встречу с Киром ушли почти всем отрядом. По дороге обезвредили мины, разобрали завал, проломили ход в стене, которую построили после стычки с румынами в районе командного пункта. Двоих Батя послал вперед разведать катакомбы, еще двое остались сзади, чтобы в случае чего прикрывать наш отход.

Стояли мы долго, прислушиваясь к самому малому шороху. Было так тихо, что резало уши. Только иногда с шорохом осыпался ракушечник или с потолка падали «коржики» — отслоившиеся каменные пластинки. Стояли недалеко от стальной герметической двери, которую румынские полицаи так и оставили раскрытой после того, как наткнулись на нас. Наконец послышались приглушенные голоса, это наш передовой пост встретил пришедших. Вскоре они появились сами — шли и подсвечивали фонариками дорогу.

Их было двое. Один высокий, в пальто и валенках, на голове кубанка, другой — ростом пониже — усатый старик в длинном пиджаке, в сапогах и треухе. Этот шел с палочкой.

— Уберите свет, — сказал высокий.

Свет погас, но Батя успел разглядеть его и воскликнул:

— Бадаев! Ты ли это?..

— Я самый... Идем поговорим. Времени у нас в обрз. Самсон здесь?

— Здесь, — ответил Гласов.

Они втроем вошли в нишу, говорили тихо, но многие слова долетали и до нас.

Бадаев спросил:

— Что здесь случилось?

— Потеряли связь. Провалилась верхняя группа.

— А Самсон почему не ушел на задание?

— По тем же причинам. Румыны закрыли все выходы.

— Воспользуйтесь нашим. Тебе, Николай, придется идти сразу. Центр ждет...

— Готов хоть сейчас, — ответил Гласов.

Голоса стихли, и я ничего не мог больше расслышать. Старик, который пришел с Бадаевым, предложил нам закурить, протянул кисет, полный махорки. Он сказал нам:

— Вот что, молодцы, пока начальство совещается, послушайте, как из вашего дальницкого тупика вылезти можно.

Старик рассказал, что на углу Дзержинской и Фрунзе есть заброшенный туннель, через который раньше был вход в катакомбы. Его замуровали лет двадцать назад. Теперь его раскрыли, и, если румыны не заметят, через него можно выходить в город. Старик сказал, что пришлось попотеть, пока прокопали вход. Работали вчетвером до полночи, из-за того и

опоздали. Теперь нужно торопиться, чтобы до света управиться.

— Товарищ Бадаев, пора нам, как бы не припоздять, — сказал он громко.

— Да, да, — ответил Бадаев. — Сейчас идем, Иван Афанасьевич. Еще минуточку...

Разговор они закапчивали при нас.

— Решай, кого взять, и идем, — сказал Бадаев Гласову. — Остальных заберем через несколько дней.

— Пойдет Кольцов, в катакомбах за меня останется Ржаной, — подумав, ответил Гласов.

— Ну, кто кого здесь заменит, я сам решу, — возразил Батя.

— Нет, так не пойдет... — Бадаев отвел Кузьмина в сторону и что-то стал ему говорить. Потом они вернулись обратно.

— Я должен был расконспирировать себя — этого достаточно? — спросил Бадаев.

— Да, но мне нужны подтверждения. Ты приходишь, берешь людей...

— Хорошо, в следующий раз получишь шифровку, распоряжение Центра... А теперь нам действительно пора идти. К сожалению, больше двух людей забрать не могу, рискованно. В следующий раз буду сам либо придет Иван Афанасьевич. Пусть кто-то пойдет с нами, запомнит выход.

Сопровождать Бадаева Батя снарядил меня и Ржаного — из москвичей. Шли долго по главной штольне, поднялись на второй ярус и остановились. Иван Афанасьевич сказал нам:

— Запомните маркшейдерский знак, — он назвал

его, но теперь я уже забыл какой. — От знака ровно сорок два шага в глубину шахты! Вот здесь.

Бадаев, видно, начинал торопиться. Он попрощался с нами и первым хотел лезть в тесную нору, рядом с которой лежала груда свежего ракушечника. Но Иван Афанасьевич опередил Бадаева.

— Нет уж, давайте я первый пойду. Мне это сподручнее...

Последним уходил Гласов. Он сказал Ржаному:

— Если не дождусь тебя здесь, встреча, как условлено, в...

Вот так и ушли двое из нашего отряда. Еще трое москвичей должны были уйти вскоре, но положение изменилось. Ни Бадаев, ни Иван Афанасьевич больше в катакомбы не спустились. Что случилось наверху, я не знаю. Мы хотели подняться через новый лаз и выйти в город, сделать нам этого не удалось. Выход оказался вновь замурованным. Над нами кто-то разговаривал по-румынски. Скорее всего жандармы обнаружили ход и поставили свою охрану. Мы снова оказались отрезаны от всего мира...»

К записям Валентина Тарасова был приложен акт, который я не сразу заметил. Прочитал его, перескакивая с одной строки на другую:

«Мы, нижеподписавшиеся... настоящий акт в том... сего числа... в сопровождении... Валентина Тарасова... Изъял из Дальницких катакомб сверток с документами... На обратном пути Валентин Тарасов наступил на мину и подорвался. Доставленный в госпиталь, он умер от потери крови...»

ПОСЛЕ АРЕСТА

После того как в Москве получили от Кира последнюю радиogramму, посланную 7 февраля, связь Центра с одесским подпольем оборвалась. А связь эта именно сейчас была так нужна!

В деле «Операция «Форт» сохранилось несколько тревожных запросов, написанных рукой Григория.

«Сообщите, есть ли связь с Киром? — писал он дежурным радистам. — Тщательно ведите наблюдение за эфиром. О выходе Кира на связь немедленно доложите для прямых переговоров. Вызывайте меня в аппаратную в любое время».

Здесь же лаконичные ответы дежурного: «Связи с Киром не было...» «На вызов Кир не отвечает...»

Товарища Григория все больше тревожило и волновало решение Кира выйти самому из катакомб, чтобы узнать о судьбе группы Самсона. Кир у никак нельзя было появляться в городе! По другим источникам, которыми распо-

лагал Центр, над катакомбистами Молодцова нависла серьезная опасность. Об этом во что бы то ни стало надо было предупредить Кира. Но его радиостанция не подавала никаких признаков жизни. Кир не отвечал на вызов Центра.

Наконец 18 февраля 1942 года связь с одесским подпольем восстановилась. Радиостанцию было едва-едва слышно. Выполняя распоряжение Григория, радист Центра передал указание Киру, пролежавшее в аппаратной почти две недели.

«Киру немедленно! — говорилось в радиограмме. — Григорий передает, что вам запрещено связываться с источником, который сообщает о Самсоне. На некоторое время прекратите связь со своими людьми, работающими в городе. Ваше сообщение о том, что для блокады Одесских катакомб сосредоточено шестнадцатитысячное войско, подтверждается. Учтите, что за входами в катакомбы, кроме открытого наблюдения, установлена тайная слежка полевой жандармерии противника. Примите все меры к сохранению себя и всего подполья, реже выходите в эфир».

Но распоряжение Григория пришло слишком поздно. Как бы в ответ на предостерегающую шифровку, радист Кира передал информацию:

«8 февраля Кир вместе со связной Межгурской ушел в город. Последний срок возвращения был назначен на вечер десятого февраля. В этот день Кир и его связная не вернулись. Чтобы выяснить причины задержки, послали в город вторую связную — Шестакову. Дали указание — при любой обстановке в городе возвратиться в тот же день в катакомбы. Связная не вернулась. Ее нет до сих пор.

При выходе из шахты наш наблюдательный пост обнаружил группу полицейских до тридцати человек, которые начали разбирать завал у главного входа в катакомбы. Наличие усиленных отрядов полиции, исчезновение Кира и его связных дают основание предполагать, что наши люди арестованы. Принимаем меры...»

Подпольная радиостанция начала затухать, работала все тише и, наконец, умолкла совсем. Передача донесения оборвалась на полуслове. Вероятно, в радиопередатчике сели батареи.

Так оно и случилось.

Старшим радистом в партизанском отряде катакомбистов был Евгений Глушков, узколицый парень с тонкими, постоянно сжатыми губами и длинными светлыми волосами, которые он по-девичьи зачесывал назад. Он неплохо знал радиодело, но человек был разбросанный и разболтанный. Все свободное время он проводил в обществе Асхат Францевны Янке — отрядного врача катакомбистов, которую Глушков знал еще до войны и привел ее в катакомбы, когда формировался отряд. В катакомбах врачу звали просто Ася. Это была еще молодая, но уже начинающая полнеть женщина с такими белесыми ресницами и бровями, что казалось, будто на ее бледном, веснушчатом лице вообще нет никакого намека на растительность. От этого ее прозрачно-голубые глаза выглядели куда темнее, чем были на самом деле. В отряде держалась она не то чтобы замкнуто, но своей холодной официальностью отталкивала от себя людей. Исключение составлял радист Глушков, глядевший на Асхат Францевну влюбленными глазами.

В помощники Глушкову поставили Ивана Неизвестного, резко отличавшегося от старшего радиста и своей внешностью и характером. Иван когда-то зимовал в Арктике, это, может быть, наложило на него свой отпечаток. Был он нетороплив, настойчив в работе, немногословен и отличался упорным характером. С Глушковым он поддерживал только служебные, деловые отношения.

Когда в назначенный срок Бадасв и Межгурская не вернулись на партизанскую базу, когда срочно надо было сообщить об этом в Москву, оказалось, что в рации иссякло питание. Запасные батареи тоже сели — в сырости катакомб они безнадежно портились, покрывались белым соляным налетом. Иван предложил Глушкову перебрать старые батареи, но тот только безнадежно махнул рукой — все равно ничего не выйдет.

Но помощник радиста добился своего, он был уверен, что батареи можно восстановить. Ненадолго, но можно. При свете копилки Иван часами возился с ними, перебирал, чистил, что-то доделывал. Питание удалось наладить. Правда, вскоре батареи снова сели, не пришлось даже закончить сеанс, но в Москву все же сообщили, что произошло в катакомбах.

Тем временем подпольщики-катакомбисты искали связи с Олегом, про которого говорил Молодцов перед уходом в город. В начале марта Анатолий Белозеров по заданию совета отряда вышел на поверхность, чтобы встретиться с Олегом Николаевичем из оптического магазина Калиновского. План экспедиции обсуждали тщательно. Анатолий решил пойти

спачала в Фомину Балку к родным, побыть там какое-то время, раздобыть одежду и поосмотреться. В одежде, месяцами лежавшей в сырых подземельях, выходить в город рискованно. Она пропахла сыростью, плесенью, и любой агент сигуранцы безошибочно определит в нем катакомбиста...

Мать всплеснула руками, расплакалась от радости, когда поздним вечером Анатолий отворил знакомую дверь в хату. Отец тоже как-то очень уж торопливо ткнулся бородой в щеку сына и отвернулся, вытирая рукавом глаза. Но старик быстро взял себя в руки. Он вышел во двор, запер ворота, спустил кобеля с цепи, закрыл на засов сени, накинул крюк на входную дверь и только после этого наказал матери дать сыну помыться и собрать что-нибудь повечерять.

Огня в хате не зажигали, до рассвета просидели, проговорили в потемках, а потом уложили сына на чердаке. Утром старик ушел на зады будто бы жечь старую траву, разный мусор, накопившийся за зиму, и заодно сжег одежонку сына, от которой и в самом деле за версту несло прелой сыростью.

Трое суток Анатолий провел под родным кровом. Днями он старался загорать на солнце, лежа в укромном углу двора за погребницей, чтобы убрать опасную в городе нездоровую бледность. К ночи Анатолий перебирался на чердак. У надежных людей отец раздобыл подходящую одежду, мать подогнала по росту, и утром на четвертые сутки Анатолий тронулся в город.

Гулевую улицу он нашел быстро. Раз-другой прошел вдоль, но вывески оптического магазина Кали-

новского так и не обнаружил. Прошел еще раз, проверил номер дома — все правильно, но теперь здесь торговали разной рухлядью. Изображая робковатого молдавского парня, Белозеров зашел в магазин, спросил, нет ли какой работы. Пожилая широкогрудая гречанка сначала отказала, но потом вернула от дверей — пусть хлопец поможет мужу перенести кое-какие вещи.

Часа полтора Анатолий работал в тесном дворе, перстаскивал из одного сарая в другой какие-то тюки, ящики, корзины, набитые старым тряпьем. Распоряжался работой длоговязый старик с запавшими щеками, муж гречанки. Он-то и рассказал Белозерову, что жена выгодно купила магазин у старого владельца, который срочно переезжал в Кишинев.

В углу сарая Анатолий нашел ящик с битыми линзами, старыми микроскопами, порывшевыми кожаными футлярами, мехами от старинных фотокамер. Это было все, что осталось от владельца оптического магазина. Ящик был тяжелый, и Анатолий с хозяином-греком с трудом переволокли его в угол двора.

Получив заработанные деньги, Белозеров вышел на улицу. Установить связь с Олегом Николаевичем не удалось. Но ясно, что сигуранца не захватила Олега — он вовремя успел ликвидировать свою «торговлю». А может быть, он из предосторожности сменил вывеску...

В городе никаких дел больше не было. Выждав, когда крестьяне окрестных сел возвращались домой, Белозеров вместе с ними благополучно миновал румынскую заставу. Вскоре он был в селе Куяльник, задворками прошел в заброшенный двор, спустился

в погреб и через него проник в катакомбы. Об этом тайном входе в подземелье каратели не знали.

Через несколько часов утомительной ходьбы по штрекам Белозеров вернулся на базу. Его давно уже ждали и начинали тревожиться. Собрали совет отряда. Белозеров рассказал, что установить связь с большим одесским подпольем ему не удалось...

С помощью самодельных батарей Ивана Неизвестного иногда удавалось выходить на связь с Центром, но очень и очень редко. С наступлением весны блокада катакомб усилилась, и трудно было найти лаз на поверхность, который бы не находился под наблюдением карателей. Теперь в каждой передаче спрашивали о Кире.

Вести из города приходили отрывочные, неясные. Только в апреле ценой невероятных усилий катакомбисты смогли кое-что сообщить в Центр о чекистеподпольщике Владимире Молодцове.

«Кир был арестован на квартире руководителя городского отряда. Его обвиняют в принадлежности к партизанам. На следствии он называет себя Павлом Бадаевым. По профессии кузнец, работает в Гужтансартеле, уроженец села Сасово Рязанской области. Судить Кира будет военно-полевой суд через неделю. Другими сведениями не располагаем».

И снова, теперь уже очень надолго, прервалась радиосвязь Центра с Одесскими катакомбами. Но люди продолжали жить и бороться, оторванные от Большой земли.

Блокада Одесских катакомб, в которой участвовала румынская дивизия, тяжело отразилась на жизни катакомбистов. На исходе были продукты, иссякли

боеприпасы, люди слабели, болели цингой, и надо было решать, что делать. Решили послать своих людей в Савранские леса, расположенные в двухстах километрах от Одессы. Там действовал большой партизанский отряд, который, надеялись, может оказать помощь катакомбистам. На связь с партизанами пошли Яков Васин, старый шахтер Гаркуша и еще Иван Гаврилович Медерер, бывший председатель сельского Совета в районе Савранских лесов. Постепенно стали эвакуировать женщин, тайно расселяя их в городе у надежных людей. Ушла из катакомб врачиха Асхат Францевна Янке, а через несколько дней неизвестно куда исчез старший радист Евгений Глушков.

Перед тем как уйти в Савранские леса, Гаркуша вызвался проводить нескольких партизан к подпольщикам из Пригородного райкома партии. Их лагерь располагался в нескольких километрах от бадаевского, но идти туда надо было запутанными подземными лабиринтами, что увеличивало расстояние почти вдвое.

Очевидно, если ориентироваться по часам, в степи над катакомбами занималось предрассветное утро, когда маленькая группка партизан-катакомбистов тронулась в далекий путь. Гаркуша уверенно вел людей. В подземельях он, казалось, с закрытыми глазами мог найти дорогу в любой, самый отдаленный район катакомб. Знал хорошо катакомбы и парторг отряда Зеленский, еще мальчишкой бродивший здесь в подземельях, и все же партизаны несколько раз останавливались в пути, советовались, разглядывали маркшейдерские знаки, написанные на стенах, и шли

дальше. Шли с одним зажженным фонарем, остальные, приглашенные, держали в запасе.

Через несколько часов, наконец, приблизились к райкомовской базе. Дальше Зелёнский и Белозеров пошли одни. За поворотом их кто-то окликнул, предложил остановиться. Это был пост охраны.

В большой пещере с высокими сводами, куда не доходил свет мерцающих фонарей, царили суматоха и беспорядок. Подпольщики складывали оружие, паковали вещи, видимо, готовились к уходу, закапывали то, что не могли захватить с собой.

— Что за люди? — не сразу узнав пришедших, спросил Азаров, секретарь подпольного райкома. Стоя на одном колене, он затягивал огромный рюкзак.

— Бадаевцы, товарищ секретарь... Записываться на прием, или так можно? — шутливо ответил Зелёнский и выступил вперед.

— Гляди-ка, легки на помине! — оживился Азаров. Он поднялся с земли и пошел навстречу. — Видали, что у нас здесь творится! Я только что собирался к вам нарочных послать. Иначе бы вы нас не нашли... Пойдемте поговорим... Товарищ Горбатов, — Азаров обратился к одному из подпольщиков, — позови нашего гостя, да и сам зайди, оторвись на время.

Через минуту Горбатов вернулся в сопровождении незнакомого человека в ватнике, в солдатском треухе и в стоптанных кирзовых сапогах. Был он выше среднего роста, с коротко подстриженными усами, они щеточкой прикрывали только середину верхней губы. По виду ему можно было дать лет тридцать пять, не больше. Он снял кожаную перчатку и поздоровался.

— Олег, — назвал он себя. — Здравствуйте, товарищи!

— Олег Николаевич? — удивленно спросил Белозеров.

— Он самый...

— А я вас так и не мог найти в городе.

— Не удивительно... Теперь я банковский служащий, а был коммерсантом. Так вошел в роль, что даже в катакомбах хожу в перчатках... Чтобы не огрубели руки. — Олег Николаевич засмеялся, но тут же перешел на серьезный тон.

Он сказал, что после ареста Бадаева возникла опасность, как бы гестапо и сигуранца не раскрыли другие звенья одесского подполья. Поэтому нужно сменить дислокацию, спутать карты противнику, изменить метод работы. Бадаевской группе надо сегодня же покинуть базу и объединиться с подпольщиками Пригородного райкома партии.

— Как вы ни устали, товарищи, — закончил Олег Николаевич, — но возвращаться надо, поднимайте людей и переходите на новое место.

Олег Николаевич объяснил, где должны встретиться обе группы, и попросил поторопиться. Говорил он четким, штабным языком, и Анатолий Белозеров определил: Олег Николаевич — человек военный....

Через несколько часов парторг и Белозеров возвратились на базу. По боевой тревоге отряд поднялся и ушел в неизвестном направлении.

А Яков Васин со своими спутниками две недели пробирались к Савранским лесам.

Маршрут наметили твердый — идти на Гнилково, на Карпово, Любашовку, Бандурово... За Гнилковым

решили разойтись по одному, идти всей группой было рискованно. Условились встретиться в Бандурове.

Перед Маяками Васин свернул на проселок, двое продолжали идти вместе, и тут их настигла беда — перед селом наткнулись на засаду жандармов.

Даже и сами не поняли, как это получилось: прямо на дороге, вышли из кустов — и жандармы арестовали их.

— Ну, кум, попали мы с тобой, как куренки, даром что старые. — Гаркуша успел это шепнуть своему спутнику, когда их вели в Маяки. — Теперь мне поддакивай, прикинемся дурнями, может, вылезем...

В жандармском отделении арестованных допрашивал начальник поста плутонер Орхей, толстый, неповоротливый, усатый жандарм, удивительно напоминавший Гаркуше полицейского урядника, что служил у них до революции. Такие же глаза навывкате, седые волосы бобриком. Тот, конечно, теперь постарше был бы, и фамилия другая.

Начальник жандармского поста сам себя назвал:

— Я плутонер Орхей, начальник поста. Что вы на дороге, собаки, делали?.. Ну? — Румынский начальник говорил без переводчика, в Бессарабии многие говорили по-русски, а плутонер Орхей, судя по выговору, был из тех мест.

— Мы, ваше благородие, в село шли, покушать хотели, — Гаркуша старался говорить как можно деликатней, подбирая слова, приходившие ему на память из обихода далекого прошлого. — А господа полицейские арестовали нас.

Орхей сидел за столом в просторной хате и подозрительно разглядывал доставленных к нему аресто-

ванных. Не могло быть сомнения, что они вышли из катакомб, — оборванные, худые, заросшие бородами. Из Овидиополя не раз предупреждали — внимательно выслеживать катакомбистов.

— Катакомбисты? — спросил Орхей.

— Не понимаю, ваше благородие... Неграмотные...

— Вы из катакомб пришли?

— Так, так, — закивал головой Иван Гаврилович. Медерсер тоже поддакнул. — Из катакомбы. Жили мы там, ваше благородие, теперь сбежали. — Гаркуша прикинул — запираяться не стоит. Откуда еще они могли прийти в таком виде.

— Почему так? Не понравилось под землей? — Орхей усмехнулся.

— Точно вы сказали, ваше благородие, — ожил Гаркуша, — не правится нам. Народу много, а кушать нашему брату — во! — Иван Гаврилович сложил фигу. — Извините, конечно, за выражение...

— Говоришь, людей много? — заинтересовался Орхей. — Сколько же?

— У-у... — старик закатил глаза. — Тыщи, многие тыщи, ваше благородие... Солдаты, конечно. Ну и офицеры... Один генерал даже есть... Да! Сам не видал, врать не буду, но есть — большой генерал... Разрешите закурить, ваше благородие?

Начальник жандармского поста подвинул сигареты на край стола, бросил небрежно спички.

— Там, ваше благородие, все есть, — вдохновенно продолжал врать Иван Гаврилович. — Чего только душе угодно, но не всем. Пшеницы — склады, мельница своя, пекарня, картошки вдоволь, мясо, правда, не свежее, из холодильника, ну, там вино,

спирт... Нам это, конечно, не давали, а сами они ели что получше. А нам, мобилизованным, латуру одну — мука на воде, и все.

— Кто же это — они?

— Начальство!.. Там, ваше благородие, под землей, три дивизии стоят... Да! Пить, есть всем надо... Генерал каждый день с Москвой разговаривает. Берет трубку и разговаривает. Запросто! Спрашивает — когда дадут приказ Одессу штурмовать. В катакомбах для этого все готово. Оружие всякое — пулеметы, автоматы, одних мин сколько... Надо же такое войско под землей разместить! Потому и мобилизовали меня, что я знаю катакомбы, как свою хату. Тридцать лет на камне работал... Считайте, ваше благородие, больше полгода во мраке просидел. Я теперь все знаю, что там делается.

Иван Гаврилович Гаркуша вдохновенно врал, рассказывая самые фантастические небылицы о катакомбах. Есть там все — вода, баня, хорошие спальни, даже улицы для прогулок и строевых занятий. А еще есть большая пещера для разных собраний. Для большей убедительности Гаркуша назвал даже ее размеры — метров сорок на двадцать. Кровля подперта несколькими столбами — по-шахтерски их называют целиками. В пещеру собирают солдат на митинги, читают им разные инструкции. Гаркуша сам два раза был в этой пещере — громадная.

В катакомбах есть еще большая радиостанция, но туда никто не пускают. Слушать через нее можно весь свет. Конечно, есть в шахтах электричество, телефоны...

Плутонер Орхей внимательно слушал разговор-

чивого старика. Ведь это же находка! Сам даст такие показания. Надо немедленно сообщить начальству в Овидиополь.

Когда арестованные сидели за столом и ели обед, принесенный из жандармской кухни, Иван Гаврилович хитро подмигнул Медсереру:

— Ну, как?.. Зубы-то целы! А по-другому и последних бы не досчитались. Погоди, я их еще повожу за нос...

Подвижное, морщинистое лицо старика расплылось в довольной улыбке. Он выскреб из котелка остатки еды, вытер рот и подошел к двери кутузки, где их держали после допроса.

— Служивый, закурить не найдется?

В дверь просунулась голова солдата. Гаркуша жестом повторил просьбу. Солдат отрицательно покачал головой, что-то сказал и затворил дверь.

— Нет так нет, — отказ не огорчил Гаркушу. — Хорошо хоть не ударил. Так-то жить можно. Помяни мое слово, с нами еще не так будут цацкаться... Ну и натравил я им!..

Оказалось, что показания Гаркуши попали в самую точку.

На другое утро арестованных отправили на подводе в Овидиопольский жандармский legion с казенным пакетом, в котором лежал протокол допроса Ивана Гаркуши и препроводительное письмо вместе с актом о задержании арестованных.

«Мы, жандарм-плутонер Орхей, — говорилось в письме, — начальник жандармского поста Маяки Овидиопольского жандармского legionа, во время несения патрульной службы в с. Маяки обнаружили

Гаркушу и Медерера, оба Иваны, которые по причине голода вышли из катакомб и бродяжничали по селам...

Гаркуша подробно знает расположение катакомб возле Одессы.

С настоящим актом препровождаются личности арестованных для дальнейшего расследования».

Из Овидиопольского жандармского легиона Гаркушу и Медерера незамедлительно отправили в Одессу, в центр № 3 ССИ, которым управлял подполковник Пержу.

Подполковник Пержу срочно принял меры для расследования показаний катакомбиста Гаркуши. Для сохранения секретности он от руки написал распоряжение командиру саперного батальона и передал его Курерару. Курерару, в свою очередь, поручил это дело Аргире.

«Строго конфиденциально, — предупреждалось в записке. — Написано в одном экземпляре. После прочтения возвратить отправителю.

Командиру 85-го саперного батальона.

Из дела № 14484 следует, что в Одесских катакомбах находится советская воинская часть, которая, будучи застигнута событиями, укрылась в катакомбах, где, возможно, находится и в настоящее время.

Лично я установил, что советская морская дивизия со своим штабом в полном войсковом составе находилась 16—17 октября 1941 года в районе Аркадии, а 18 октября сразу исчезла из нашего поля зрения, причем не было отмечено приближения советских транспортных кораблей, на которые могла бы погрузиться эта дивизия.

Следовательно, вполне вероятно, что показания Гаркуши Ивана Гавриловича — наилучшего знатока катакомб, находящегося теперь в заключении в центральной тюрьме, соответствуют действительности. Вероятно, в Одесских катакомбах находятся советские войска, обосновавшиеся там, как это явствует из показаний арестованного Гаркуши.

Для проверки расположения советских войск в катакомбах вам надлежит явиться в центральную тюрьму, забрать арестованного старика Гаркушу и использовать его для обнаружения упомянутых в его показаниях частей русских.

Гаркуша будет оставлен в вашем батальоне под вашу личную ответственность, и вы употребите все средства, чтобы обнаружить советскую воинскую часть или любую террористическую организацию в катакомбах.

Обо всем обнаруженном будете сообщать нам, а когда минует надобность, арестованного Гаркушу сдадите в тюрьму. Но если в результате его показаний вам удастся найти упомянутые войска или террористов, он должен быть освобожден от преследования и выпущен на свободу».

Когда Аргир дочитал до конца, Курерару сказал: — Вот этим-то делом вам и придется заняться, господин Аргир. В генеральный штаб уже обо всем сообщено. Вы представляете себе, что может произойти, если советский морской десант, высаженный под Одессой, поддержат войска, вышедшие из катакомб.

Расследование «дела Гаркуши» продолжалось долго. Советских войск в катакомбах не обнаружили,

но партизанские группы появлялись. В саперном батальоне что-то напутали, и Гаркушу освободили. Потом долго искали, а он тихо жил в своем Нерубайском, полагая, что все неприятности для него уже кончились. Старого шахтера снова арестовали, судили вместе с группой Бадаева и приговорили к пожизненной каторге, но вскоре расстреляли на Стрельбищном поле. Сигуранца не могла простить старому Гаркуше шутку, которую он сыграл с румынской разведкой.

В ТЮРЬМЕ

Может быть, в самом деле осталось все позади — допросы, мученья... Может, действительно не станут больше пытаться, если допросы окончены... Харитон сказал — дело передают в военно-полевой суд.

Через несколько дней всю группу, проходившую по делу Бадаева, действительно перевели из сигуранцы в центральную одесскую тюрьму. Их гнали, закованных в кандалы, по улицам города. Конвоиры шагали неторопливо, и Молодцову представилось вдруг, что он очутился в далеком прошлом, в царской России. Там жандармы водили политических заключенных лениво и бестолково. Когда-то, читая Степняка-Кравчинского, Владимир Александрович думал о том, что русские жандармы были туповаты и, прямо, говоря, бестолковы. Это способствовало успеху побегов. Теперь румынские солдаты напоминали царских жандармов. Вот если бы... Молодцов не раз возвращался к этой мысли — бежать, бежать...

Он шагал в первой шеренге и будто бы нес перед собой закованные в кандалы руки. Из задумчивости его вывела женщина, шагнувшая к нему с тротуара. Она набросала на кандалы связку баранок и поспешно взбежала на тротуар. Все произошло так быстро, что Владимир Александрович едва успел поднять голову. Да ведь это Васина! Екатерина Федоровна Васина! Как это безрассудно, рискованно! И в то же время как самоотверженно, благородно! В душе Молодцова вспыхнуло чувство благодарности.

Женщина улыбнулась ему и пошла по тротуару рядом с колонной.

Молодцов продолжал шагать, устремив глаза куда-то в конец улицы. Но боковым зрением он следил за Екатериной Васиной. Солдат охраны подозрительно глянул на широкоплечего, обросшего арестанта, но ничего не сказал и баранки не тронул. Колонна арестованных повернула за угол, и женщина исчезла из поля зрения.

На улице было по-весеннему тепло. Деревья уже покрылись нежно-зеленой листвой, но солнце свободно просвечивало сквозь ветви акаций. Деревья еще не давали тени. Людям, шагавшим в колонне, было жарко. Они были одеты так, как захватили их зимой агенты сигуранцы: в тяжелых сапогах, в меховых шапках, в теплых пальто и ватниках.

Шагал здесь и Яков Гордиенко со своими друзьями, тоже закованный в кандалы. Шел Яков в неизменной своей кубанке, в бушлате, и на груди его виднелась все та же морская тельняшка. Подросток держался ближе к Тамарам: он, как прежде, благоговел перед высокой и стройной молодой женщиной,

теперь бледной и похудевшей, но все равно такой же красивой.

Арестованных подвели к тюрьме, ворота распахнулись, и низкие своды поглотили людей.

Владимир Молодцов не знал, кто уцелел, кто арестован из его организации, не знал до тех пор, пока не увидел своих людей во дворе следственной тюрьмы на улице Бебеля. Их собрали для фотосъемки. Бадаева поставили в центре. Да, это были его люди, хотя, к счастью, далеко не все. Значит, остальные борются!

Он отрицал все, даже свое имя. Он был Павлом Владимировичем Бадаевым и не отступился от этого. Его избивали, пытали, он стоял на своем.

Месяца через полтора после ареста Молодцов предъявили показания Бойко-Федоровича. Он уже знал, что предательство началось с этого человека с коршунными глазами и острым, точно колун, кадыком. Через Межгурскую, Шестакову Бадаев постарался передать на волю своим: берегитесь предателя. Дошло ли? Яша Гордиенко тоже писал, называл предателя. Письмо тайком передал матери.

День ото дня все тревожней становилось на душе Молодцова, все сильнее напрягались его нервы, хотя внешне чекист оставался спокойным. Особенно на допросах. Борьба с оккупантами, начатая в подполье, продолжалась и после ареста — здесь, в тюрьме, в комнате следователя, на очных ставках.

Тюремные ночи тянутся долго, особенно в одиночках. И не понять почему так — может быть, из-за мертвой, какой-то пустой тишины. Только редко-редко щелкнет за железной дверью глазок, открываемый

стражником, чтобы проверить: не собрался ли узник бежать или покончить с собой. Потом опять все затихает, и ждешь, мучительно долго ждешь, когда же, наконец, снова щелкнет глазок... А мысли текут, текут, и нет им конца до рассвета.

Прав ли он, что ушел в город, подвергнув себя такому риску? Он, руководитель подполья. И сам отвечал себе: да, прав! Он обязан был так поступить. Не мог же он оставаться безучастным к судьбе Самсона, не мог оставлять без ответа тревожные запросы Центра. Как же иначе?

Встреча с Олегом была первой и последней встречей в подполье. Как важно, что она состоялась! Только ради нее следовало идти в город.

Даже в мыслях он не хотел называть настоящего имени своего товарища. Теперь все зависит от того, удастся ли Олегу установить связи, которые ему передал Молодцов. И как же чертовски не повезло ему, чекисту Молодцову! Арестовали, когда все начинало так хорошо складываться. Даже связался со штабом партизанского движения Украины, в руках его сосредоточивались все нити, и вот — внезапный арест...

Молодцов лежал на жестких нарах, укрывшись ватным пальто, в котором его арестовали. В камере было сыро и холодно, ломило тело, и трудно было найти такое положение, которое не причиняло бы боли. Это еще с первого допроса. Правда, с тех пор его больше не били так свирепо, но тогда, в первый раз... Он и сейчас при одном воспоминании в ярости стискивал зубы.

Молодцов не раскаивался, что вышел из ката-

комб, нашел Самсона и вывел его из западни. Значит, риск был оправдан. Больше того, Гласова удалось связать с Олегом. Теперь Самсон, вероятно, уж действует на оперативном просторе... Попутного вам ветра, ребята!

На допросах Молодцов выдержал, а как остальные? Межгурскую на руках приносили с допроса, пытали Шестакову, избили Яшу... Эти тоже не сказали слова, но другие? Хватит ли у них силы выстоять?

Но напрасно чекист тревожился бессонными ночами в тюрьме. Люди выдержали, сохранили в себе духовную силу, которая только одна владела поколениями революционеров-подпольщиков, знавших, во имя чего ведут борьбу. Все, кто пережил то лихое время, запомнили и не забудут слова Бадаева: «Главное, ребята, не потерять веру в наше большое дело. Кто сохранит ее — выдержит».

Из центральной тюрьмы группу Бадаева почему-то снова отправили в сигуранцу. Здесь новая тяжелая весть больно ударила Молодцова. Арестовали Екатерину Васину с дочкой. Об этом узнала Тамара Межгурская, ей даже удалось переправить Екатерине записку. Говорят, что дочь Васиных, возможно, освободят как несовершеннолетнюю.

И снова возникла надежда, мечта о побеге, она никогда не покидала узников-катакомбистов. А что, если через Зину, через дочку Екатерины Васиной, связаться с отрядом — пусть организуют налет на сигуранцу. Это возможно. Следует сделать так...

В голове рождались самые дерзкие планы.

А там, по другую сторону фронта, в Москве, в оперативном центре тоже рождались такие же дерзкие

планы. Еще в начале событий, как только восстановилась неустойчивая связь с одесским подпольем, Григорий немедленно передал запрос:

«Сообщите, надежен ли курьер, который принес сведения о Кире. Уточните, под какой фамилией он арестован и находился под следствием. Есть ли возможность выручить Кира при конвоировании или при других обстоятельствах? Как произошел провал? Кто виноват в этом, кто руководитель группы, где произошел арест? Есть ли смысл и возможность поставить вопрос об обмене Кира на румынских военнопленных? Если возможно, успеем ли это сделать? Подумайте о возможности вооруженного налета на тюрьму, в которой сидят арестованные. Для подкрепления можем вызвать парашютную группу самоотверженных, смелых людей».

Планы, планы, планы... Они рождались в Москве и катакомбах, в тюремных камерах и в одиночках сигуранцы.

Ребята-комсомольцы, друзья Якова Гордиенко, тоже строили планы, что-то придумывали, потом отвергали и начинали сызнова. В тюрьме парни жили одним гнездом и сообща намеревались бежать.

Гриша Любарский долго ходил пришибленный, и товарищи с трудом вывели его из этого состояния. Ведь получилось, что Гриша будто бы стал соучастником Бойко-Федоровича. Да, да! Гриша сам так и считал, терзаясь тем, что случилось. Он убил Борова по приказу предателя. Разве он сам, Григорий Любарский, не предатель после этого?!

Полный отчаяния, подросток лежал на голых нарах, уткнувшись лицом в свернутый ватный пиджак.

Его как могли успокаивали, убеждали. Любарский поднимал голову, и в глазах его было столько тоски и страдания, что друзья опасались, как бы он чего над собой не сделал. Однажды Гриша сказал:

— Помните, ребята, мы читали письма... Комсомольцев, которых казнили белые. Разве они могли бы так?

— Так ведь это обман. Тебя Старик на обман взял, на провокацию. — Гордиенко вскипал при одном воспоминании о хозяине мастерской. Он ненавидел его лютой яростью...

Гриша стоял на своем:

— Помните, как писала Дора: «Я умираю как честная коммунистка...» А я?.. Ой, гад, что он со мной сделал!.. — Любарский снова зарылся с головой в пиджак, и острые плечи его начали вздрагивать.

Когда Гриша несколько успокоился, он признался товарищам:

— Знаете, ребята, ведь Дора Любарская мне тетка, родная сестра отца...

— Чего же ты сразу не сказал? — спросил Хорошенко.

— Не знаю... Подумали бы — хвалится... Ведь нам до них, как до неба... Помните, как она просила поклониться солнцу, цветам. Потому что у нее на душе светло было... А у меня...

— Опять за свое! — сердито проворчал Яков.

Гриша Любарский мучился до тех пор, пока случайно не встретился с Бойко-Федоровичем. Это произошло в коридоре, когда Любарского вели на допрос. Старик, как его звали ребята, шел навстречу Грише в сопровождении румынского солдата. Все

произошло в мгновение ока. Гриша рванулся к не-
павистному человеку, пытаясь дотянуться руками до
его лица. Федорович откинул голову, и пальцы с яр-
остью скользнули по горлу, по твердому, выступаю-
щему вперед кадыку. В исступлении Гриша рвал на
предателе одежду, царапал, кусал ему руки.

— Подлюга!.. Сволочь!.. Вот тебе за всех нас,
подлюга!.. — бессвязно кричал он.

Любарского с трудом оторвали и поволокли в кар-
цер. А предатель платком вытирал кровь, выступив-
шую на исцарапанных руках, шее, и растерянно по-
вторял:

— Вот звереныш... Вот звереныш... Смотри ты, ка-
кой дьяволенок!..

После этого случая Гриша Любарский сделался
спокойнее.

Их судили в мае 1942 года на Канатной.

Председатель военно-полевого суда поочередно
называл фамилии подсудимых. Он уже собрался
предоставить слово военному прокурору, когда Ба-
даев поднялся со своего места.

— Господин председатель, — начал он, не дожидаясь, когда ему разрешат говорить, — вы не назвали фамилии еще одного подсудимого, — я говорю о Бойко-Федоровиче, моем помощнике и командире городского партизанского отряда. Я передаю ходатайство моих товарищей — Бойко-Федорович должен быть на скамье подсудимых. Соблаговолите учесть нашу просьбу...

Бадаев говорил сдержанно, тихо, но каждое его слово четко звучало в тишине пустого зала. Даже секретарь перестал шелестеть бумагами. Прокурор

свирепо взглянул на Бадаева, вскочил со стула, но председатель жестом остановил его, наклонился к судьям, и они начали шепотом совещаться. Бадаев стоял, заложив руки за спину, чернобородый, широкоплечий, ненадломленный, несогнутый. Судья объявил — заседание отменяется.

Через три дня их привели снова, перечислили всех подсудимых, в том числе Федоровича, но секретарь зачитал справку тюремной администрации: Бойко-Федорович бежал из сигуранцы, а потому не может быть доставлен в зал судебного заседания. Сигуранца спасала предателя...

Суд длился не больше получаса — ровно столько, чтобы прочитать обвинение. Председатель сказал, что приговор он сообщит завтра в тюрьме, и закрыл заседание.

Приговор объявили на тюремном дворе, куда согнали заключенных из всех камер. Осужденные стояли отдельной группой.

— Смертная казнь... Смертная казнь... Смертная казнь... — читал судья, перечисляя фамилии. Он стоял на табурете и возвышался над головами толпившихся узников.

— Мы другого не ждали! — громко воскликнула Шестакова. К ней бросился надзиратель. Ее загородил Яша Гордиенко, кто-то еще.

Председатель суда опустил руку, державшую приговор, и официальным тоном сказал:

— Все осужденные имеют право подать ходатайство о помиловании на имя его величества короля Румынии Михая. Прошу заявить о вашем желании.

И снова вперед выступил Молодцов.

— Мы на своей земле! — гневно бросил он. —
На своей земле мы у врагов пощады не просим!

— Мы на своей земле! — будто эхо ответили
другие.

Судья раздраженно закусил губу, поспешно сошел
с табурета и покинул тюремный двор.

ИГРА РАЗВЕДОК

Как только Асхат Францевна Янке, недавний врач партизанского отряда, выбралась из катакомб и вернулась в уютненькую, чистенькую, будто вылизанную квартирку своих родителей, как только брезгливо сбросила пропахшую смрадной гнилью одежду и, вымывшись, облачилась в пышный розовый пеньюар, она облегченно вздохнула и воскликнула:

— Боже мой, теперь это все в прошлом!

Но прошлого еще не было. Были катакомбы, в катакомбах люди, с которыми она прожила долгие месяцы, а среди них человек, которого Асхат задалась спасти любой ценой.

В городе Асхат Францевна немедленно развила кипучую деятельность. Уже на другое утро она сидела у своего дальнего родственника Вольке, который при новой власти, оказывается, стал каким-то начальством. Работал он в «Фольксдейче - миттельштелле» — обществе заграничных

нсмцев, в учреждении с длинным-предлинным названием в двадцать четыре буквы. Асхат не стала таить-ся, рассказала все про катакомбы, про мужа, просила совета, помощи.

Вольке тщательно расспросил, где живет сейчас Асхат, как ее можно найти в городе, и пообещал завтра же поговорить с нужным человеком. Он расспрашивал Асхат так подробно, будто опасался, что она передумает и больше не придет. Но Янке пришла. В следующую встречу Вольке сказал, что виделся с начальником «Фольксдейче-миттельштелле» оберштурмфюрером * Гансом Гербихом. Теперь все будет зависеть от них самих — от Асхат и ее мужа. Пусть он сначала придет сюда, познакомится, а потом Вольке сведет его с господином оберштурмфюрером.

Как только радист Глушков вышел из катакомб, об этом немедленно стало известно в гестапо. Едва Асхат встретила супруга, она сказала ему:

— Милый, я, кажется, все сделала... Мы сможем уехать в Германию, но для этого тебе нужно вести себя очень умно. Дядя сказал: если ты добровольно явишься в гестапо, тебе сохранят жизнь и нам разрешат поехать в Мекленбург. Там живет моя тетка, ты сможешь принять немецкое подданство.

Асхат повела Глушкова на квартиру господина Вольке. На улице перед домом стоял «оппель-капитан» с германским военным номером. Вольке поздоровался с новым родственником и сразу начал торопить супругов — надо спешить к Гербиху.

* Старший лейтенант войск СС.

Было воскресенье, и Ганс Гербих отдыхал дома. Он жил на Большом Фонтане рядом с рыбацким поселком на берегу моря, куда Глушков возил оружие для партизанской базы. Вот мост через овраг, вот дорога, уходящая влево, а вон там, за каменным забором, домик Ксении Булавиной... Глушков отвернулся, предателя покорило от воспоминаний.

«Оппель-капитан» проскользнул по шоссе дальше и остановился. День был необыкновенно жаркий, но Ганс Гербих, преуспевающий эсэсовец, встретил приехавших в полной форме — в начищенных сапогах, в бриджах и суконном френче с повязкой-свастикой на рукаве. Работал он в группе подполковника Шиндлера, которая именовалась «Тотенкопфgruppen» — «Мертвая голова».

Разговаривали в кабинете, куда горничная принесла кофе в маленьких баварских чашках. Гербих подтвердил — господин Глушков может рассчитывать на благосклонность и снисходительность германских властей в ответ на его откровенность и некоторые услуги. Гербих поинтересовался, верно ли, что радист располагает шифром для связи с Москвой.

Потом пошли купаться на море, радист долго не раздевался, стесняясь своего белого тела, которое казалось особенно белым и дряблым в сравнении с упитанным, бронзовым торсом оберштурмфюрера Гербиха. Предательство состоялось. Радист Глушков еще не мог осознать перемен, которые произошли с ним меньше чем за двое суток. Вчера утром он был в катакомбах среди партизан, а сегодня пьет кофе на даче оберштурмфюрера...

В понедельник Глушков уже сидел перед Гансом

Шиндлером в гестапо на Пушкинской улице. Фашист разговаривал с ним как будто доверительно, однако не оставлял своего надменного и пренебрежительного тона. Он просто ни во что не ставил сидевшего перед ним длинноволосого, пепельно-бледного человека с испуганными глазами. Этот испуг Шиндлер подметил сразу и действовал наверняка. Он сказал радисту, в чем будет теперь заключаться его работа,— будто бы брал человека на службу, о которой давным-давно все договорено. Прежде всего нужно восстановить связь с Москвой. Диктовать текст будет он сам — Ганс Шиндлер. Шифр передать немедленно. После того как Глушков выполнит задание, он сможет уехать с женой в Германию.

— Шифр передадите оберштурмфюреру Гербику здесь, в соседней комнате. Там же напишите свои показания. Идите! — Шиндлер погрузился в чтение какой-то бумаги и даже не поднял головы, когда выходил Глушков.

Но это было наигранное безразличие. Как только радист вышел, Шиндлер позвонил.

— Игра начинается,— сказал он,— держу пари, что через месяц я одурачу русских. Они сами выдадут свою сеть...

Шиндлер, особый уполномоченный управления имперской безопасности, нюхом опытного контрразведчика понимал, что, арестовав Бадаева, он еще не ликвидировал большевистского подполья в Трансильстрии.

...Итак, восьмого августа 1942 года после длительного перерыва одесская подпольная станция снова появилась в эфире.

В деле «Операция «Форт» есть магнитофонная

пленка и расшифровка — стенографическая запись радиосеанса.

«Я двенадцать... Я двенадцать... Как вы меня слышите?.. Перехожу на прием».

«Двенадцать... Двенадцать... Слышу вас слабо... Могу принимать. Перехожу на прием».

«Садятся аккумуляторы... К следующему сеансу надеюсь подзарядить... Принимайте донесение. Я вас хорошо слышу. Хорошо слышу».

Прошло еще несколько дней, и снова заговорила радиостанция подпольной Одессы.

«Блокада шахт ослаблена,—говорилось в шифрованном донесении.—Появилась возможность выходить в эфир. Восстанавливаем связь с городом. По последним данным Кир жив, ожидает подтверждения приговора из Бухареста.

Радист-дублер Неизвестный... (далее непонятно)... нужна замена. Сообщите возможности...»

К расшифрованной радиограмме приложена справка узла связи:

«В продолжение всего сеанса происходило затухание слышимости корреспондента. Конец его передачи не принят. В Одессу переданы срочные указания: «Сообщите, если можно, обстановку в городе. Как работает отряд в катакомбах? Чем можно помочь Киру? Григорий».

Прием не подтвержден по причине отсутствия хорошей слышимости».

В тот же день из предосторожности Григорий распорядился проверить «почерк» одесского радиста. Эксперт-радиотехник подтвердил: «Совершенно уверен в работе того же радиста».

На передатчике работал катакомбист Евгений Глушков...

Четырнадцатого августа из разведывательного управления черноморского флота поступила справка, сохраненная в деле:

«Разведуправление черноморского флота сообщает: 11.8.42 г. осуществлен радиоперехват. Работала румынская радиостанция. Министр внутренних дел Балатеску передал неизвестному адресату, что с восьмого августа в Одессе вновь отмечена работа советской радиостанции».

Казалось бы, сомнений не было — подтверждал это радиоперехват. Связь с Одессой восстановилась, и снова товарищ Григорий день за днем держит под наблюдением работу катакомбистов, требует от радистов Центра немедленно доставлять ему все, что поступает от корреспондента № 12 — так шифруется подпольная радиостанция в Одессе.

В конце августа из катакомб передали:

«Радист-дублер Иван Неизвестный ранен при неудачной попытке установить связь с Центром. Нужна замена. Сообщите возможности, ощущаем недостаток в средствах. Желательно иметь марки или золото».

В ответ Григорий запрашивает Одессу, где лучше сбросить радиста, и получает ответ: «В районе между Усатовом и Нерубайском. Здесь глухой район и парашютисты смогут быстро укрыться в катакомбах».

Наступил октябрь. Из Одессы поступают все более тревожные донесения. Их подписывает Бойко, руководитель городской подпольной организации.

«Положение группы критическое,— передают из Одессы.— Отсутствие денег и продовольствия вынуди-

ло направить из катакомб в Савранские леса часть наших людей. Сам я тяжело болен туберкулезом. Кир и его связистки расстреляны. Мое здоровье ухудшается. Прошу назначить моим заместителем радиста Евгения Глушкова».

Следующую радиограмму подписал уже Глушков. Он радировал:

«14 октября во время облавы руководитель группы арестован. Пытаемся установить с ним связь. Нужны средства для его выкупа. Прошу указать возможность получить средства у доверенных лиц в Одессе».

Ответ из Центра передали через несколько дней: в деле «Операция «Форт» сохранилась запись:

«Радисту Глушкову передано: о вашем тяжелом положении знаем. Сообщите, нельзя ли от вас послать к нам через фронт делегата для установления личной связи и восстановления работы вашей группы».

Следующая радиограмма от Глушкова:

«В связи с напряженной обстановкой в городе вынужден сменить квартиру. Это рискованно для рации. Вследствие разгрома отряда прошу связать меня с другими подпольщиками».

Ответ Григория:

«Вам надлежит укрыть рацию в надежном месте, приобрести документы для проезда к линии фронта, разведать место и перейти к нам для получения инструкций, средств и материалов. Продумайте и обеспечьте вашу обратную высадку самолетом».

Радист Глушков:

«Следствие по делу нашего руководителя продолжается. Мне перейти фронт не представляется возможным. Предлагаю направить Ивана Борисова. Он

член партии, я живу у него на квартире. Человек надежный, числится коммерсантом. Закупает продукты по селам и легче может получить пропуск на выезд. Укажите место перехода фронта. Обстановка требует посылки радиста-дублера. Мое положение крайне ненадежно».

Глушкову передали указание Центра:

«С посылкой делегатом Борисова согласен. Готовьте его отправку. Тщательно проверьте Борисова. Обеспечьте надежными документами для железнодорожного проезда. Направьте его в Брянские леса к партизанам для связи с нашим представителем. По готовности Борисову будут даны указания, как найти нашего человека».

Глушков сообщил: «Иван Борисов выезжает на поиски родственников в Брянский уезд. Для оформления пропуска прошу срочно сообщить название населенного пункта, куда должен прибыть Борисов. Пропуск будет готов через три-четыре дня. До какой станции выписывать билет».

А время все идет и идет... Был на исходе 1942 год. В конце декабря Глушкову передали распоряжение:

«Делегата направить в Брянские леса в район Смолижа. Предупредите его о соблюдении предосторожности при переходе... Ему надлежит найти командира партизанского отряда и через него встретиться с Саввиным. Сказать, что прибыл от Черноморца. Основной пароль передадим дополнительно.

Делегат должен передать Саввину все имеющиеся сведения, выполнять все его распоряжения. День выезда сообщите».

В следующей радиограмме Центра Глушкову пе-

редали маршрут следования для делегата Борисова: Почеп, Трубчевск, там перейти Десну и направиться в селение Смолиж. И вот, наконец, пришла шифровка: Борисов выехал пятого января.

Казалось бы, все становилось на свои места. Связь с Одессой наладилась, делегат выехал, работа подпольщиков сомнений не вызывает, и вдруг как разорвавшаяся бомба — шифровка товарища Григория представителю управления госбезопасности в штаб партизанского движения:

«Нами ведется игра с фашистской разведкой в городе Одессе, которая подставляет нам своего человека от имени радиста Глушкова. Делаем вид, будто верим, что Глушков является теперь руководителем подполья в Одессе. Иван Борисов выехал к вам на базу пятого января. Вам необходимо предупредить командиров партизанских отрядов беспрепятственно пропустить Борисова на базу. Получите от него полный доклад о состоянии работы и общей обстановке в Одессе. После отчета Борисов поедет обратно. Примите меры, чтобы он не мог получить истинной информации о положении на базе и в партизанских отрядах. Надо создать обстановку, исключаящую малейшую возможность подозрений с его стороны. Снабдите Борисова оккупационными марками и, если попросит, дайте оружие и взрывчатку».

Но Борисов почему-то не приехал на место встречи в Брянских лесах.

Игра продолжалась. Григорий запросил радиста Глушкова:

«Борисов не прибыл. Беспокоимся. Сообщите, с какими документами он выехал».

Глушков откликнулся немедленно:

«Борисов имеет все документы: румынское удостоверение личности вместо паспорта, разрешение на право закупки продовольствия, разрешение румынских властей на поездку в Смолиж. В надежности и находчивости Борисова не сомневаюсь. Для удобства связи прошу сообщить мне позывные Саввина, чтобы мог с ним связаться непосредственно».

В следующей шифровке он передал:

«В связи с длительным отсутствием Борисова, с возможностью его ареста прошу срочно сменить позывные, время передач, длину волны».

На шифрограмме рукой Григория написана резолюция: «Ответ несколько задержать».

И вот последняя радиграмма Глушкова:

«Борисов возвратился в Одессу. Был только в Трубчевске. Дальше пройти не мог. Борисова две недели держали под арестом. Связь с Центром через делегата невозможна. Прошу организовать помощь деньгами, оружием, а главное — руководством».

Григорий распорядился: «Игру прекратить, продолжать ее не имеет смысла».

Центр несколько месяцев отвлекал внимание противника, а тем временем восстанавливал нарушенные связи с одесским подпольем.

Вскоре в Одессе заговорила другая станция, которая до самого освобождения города поддерживала связь борющейся Одессы с Центром. Пока шла игра, на самолетах сбросили двух радисток-парашютисток, установили связь с подпольем. Радиостанцию развернули на Перекопской улице в оккупированном городе.

**ЗАПОМНИТЕ
ИХ
ИМЕНА!**

В деле «Операция «Форт» в отдельном конверте хранятся письма, написанные Яшей Гордиенко в одесской тюрьме перед казнью. Крохотные лоскутки оберточной бумаги, обрывки газет, даже спичечная коробка с неясными строками карандаша... Их получил следователь, искавший предателя Бойко-Федоровича.

Матрена Демидовна, мать братьев Гордиенко — Якова и Алексея, пришла к нему после освобождения города от фашистов. Была она в старенькой кацавейке, в стоптанных башмаках, повязанная темным платком. В руках плохонькая авоська, сшитая из кожаных лоскутков. Присела на краешке стула, и следователь стал осторожно выпрашивать ее обо всем, что произошло в городе, о ее сыновьях.

...Яков и Алексей мало что говорили ей про свои дела. Конечно, мать матерью, а язык надо держать за зубами. Да Матрена Демидовна и сама ни о чем не спрашивала. Не говорят — значит нельзя. Потом

уж, когда сыновей взяли, Яков передавал кое-что на волю, рассказывал и на свиданьях. А разве много что скажешь, если рядом стоят румынские полицаи, а может, и еще кто подслушивает разговор.

Сыновей растила одна, муж-столяр помер давно. Сама неграмотная, даже расписаться не может. Когда пришли румыны, старшему — Алексею — двадцати не было, а Яков того моложе — шел семнадцатый год. Есть еще дочь Нина, но ту бог миловал, уцелела, а ведь тоже братьям помогала, куда-то ходила, носила какие-то записки, что-то передавала.

Алексей работал на ювелирной фабрике, Яков учился в школе, а как с Бадаевым познакомились, открыли они слесарную мастерскую для отвода глаз. Хозяином у них Бойко Петр Иванович был. По настоящему-то фамилия его Федорович. Он всех и продал. Как его звали, теперь не припомнит.

— Антон Брониславович? — напомнил следователь. — Но откуда известно, что Федорович предатель?

— Вот-вот, он самый... Откуда известно? А вот откуда...

Женщина неторопливо достала из кармана какие-то бумаги, завернутые в платок, раскрыла паспорт, вынула из него бумажный лоскуток-записку размером не больше ладони:

— Тут все написано, Яков мой из тюрьмы писал. Вот в этой сумке и передавал, под подкладкой. Матрена Демидовна подняла сумку и показала разорванный шов, в который едва можно было протиснуть два пальца. Глаза у женщины были сухие, суровые.

Следователь развернул записку, сложенную вчет-

веро, и с трудом прочитал неясные строки, написанные неуверенным, почти детским почерком.

«Запомните его фамилию — запишите, а когда придут Советы, то отнесите куда надо. Это провокатор — Бойко Пегр Иванович, или он же Федорович Антон Брониславович... Он продал своих товарищей, продал нас и еще раз продал, когда мы думали бежать из сигуранцы...

Не унывайте! Наша будет победа. Целую крепко. *Яков*».

Следователь попросил у Матрены Демидовны письма ее погибшего сына. Это очень надо.

— Надо так надо, — негромко говорила женщина. — Яков сам наказывал — отдать куда нужно. Что тут поделаешь...

Мать Якова Гордиенко осторожно раскрыла завернутые в платок письма и протянула их следователю. Не сразу — по одному.

Неграмотная женщина, на память знала каждую записку, помнила, о чем просил в них Яков.

— Вот это — самая первенькая. Он ее воп на каком листочке написал. Карандаш-то, видать, неточный был... А это та самая, в которой Яков зачем-то отраву просил передать в тюрьму. Уж как он остерегал нас этот яд голыми руками не брать... Ну, а вот в этом письме...

Матрена Демидовна объясняла каждую записку, которую протягивала следователю. Передав последнюю, она вытерла уголком платка повлажневшие глаза и сказала, будто убеждая себя:

— Берите уж, у вас они целей будут. А мне что, неграмотной, сама все равно прочитать не умею.

Все эти письма сохранились в архивном деле.

Письмо первое.

«Здравствуйте, дорогие! Не горюйте и не плачьте. Если буду жить — хорошо, если нет — что поделаешь. Этого требует Родина. Все равно наша возьмет!

Целую крепко, крепко! *Яков*».

Письмо второе.

«Третьего июня в шесть часов вечера расстреляли группу Мельникова, Стрельникова — всего шестнадцать мужчин и пять женщин. Застрелили одну больную женщину. Ведь это варвары! Стрельников просил передать его письмо на волю. Я обещал ему.

Была ли у вас девушка по имени Лида?

Я передаю тельняшку, оставьте на память. Я в ней был на суде. Храните газету, где будет мне приговор. Газета вам еще пригодится. Целую. *Яков*».

К письму Якова приложена записка Стрельникова:

«Одесская тюрьма, 2-й корпус, 4-й этаж, 82-я камера.

Группу предал изменник Родины, которого должна покарает рука советского закона.

Мы все умираем, как герои. Ни пытки, ни побои не могли нас сломить. Я верю в нашу победу, в наше будущее. Прощайте, дорогие друзья. Крепко целую.

Георгий Стрельников».

Письмо третье.

«Здравствуйте, дорогие! Пришлите газету. Какое положение в городе? Что вообще слышно? Мне остается жить восемь или десять дней до утверждения приговора.

Я отлично знаю, что меня не помилуют. Им известно, кто я такой. Но я думаю, что Старику тоже при-

дет конец. Его должны убить, как собаку. Еще ни один провокатор не оставался жить, не умирал своей смертью. Так будет и с этим. Мне и моим друзьям было бы легче умирать, если бы мы знали, что эту собаку прибили.

Не унывайте! Все равно наша возьмет. Еще рассчитаются со всеми гадами. Я думаю еще побороться с «турками». Если только удастся. А если нет, умру как патриот, как сын своего народа, за благо России.

Письмо четвертое.

«Здравствуйте, дорогие! Пришлите бумаги, карандаши и самобрейку. В тюрьме первый раз брился.

Бросьте, мама, всякое гаданье на картах! Уж если хотите гадать, ступайте на Коблевскую улицу к Сулейману. Спросите, что мне «предстоит», буду ли я на воле. Все это чепуха. Я без карт нагадаю, что нашим врагам скоро будет крышка.

Прошу вас, пишите разборчивей. Напишите подробнее, в чьих руках Харьков, что вы знаете о Николаеве.

Верю, что буду жить на воле, только не через помилование. Есть у нас одна думка...»

Письмо пятое.

«Нина, сестричка! Пишу это только тебе и еще Лиде. Достаньте финку — такой нож, длиной 20—30 сантиметров, положите в тесто и запеките. Этот хлеб на свиданье во вторник дайте мне в руки или положите на самое дно сумки. Сделайте обязательно».

Письмо шестое.

«Не унывайте. Жалею, что не успел обеспечить вас материально. Алеша Хорошенко поклялся мне, что, если будет на воле, вас не оставит в беде. Можете

быть уверены, он будет на свободе. У него есть время, ему дали пожизненное заключение, выберет момент и улизнет из тюрьмы. Наше дело все равно победит.

Достаньте мне документы, они зарыты в сарае. Там лежат фотографии моих друзей, мой комсомольский билет и еще газета с гражданской войны. Как бы нам получить ее сюда в тюрьму. В газете есть письма комсомольцев, приговоренных к смерти. Вот были герои!

В сигуранце у меня не вырвали, что я комсомолец. В тайнике есть и мои письма. Есть там и коробочка, можете ее вскрыть. Мы клялись в вечной дружбе и солидарности друг другу, но все очутились в разных местах. Я приговорен к расстрелу, Вова, Миша, Абраша эвакуировались. Эх, славные были ребята! Может быть, кого-нибудь встретите. Эти тоже не уступят тем, кто отважно сражался в гражданскую войну.

У меня к вам просьба. Там, где вы доставали деньги, на полке в левом углу лежит яд. Имеет запах ореховой косточки. Бумагу проело. Будьте осторожны. Достаточно крошки с булавочную голову — и человек будет мертв.

Когда найдете, возьмите бумажкой и всыпьте в пробирку, которую переправьте мне. Мойте хорошо руки после того, как все сделаете. Это очень нужно».

Письмо седьмое.

«Нашему этажу запретили смотреть в окна. Что слышно на фронте? Пусть Оля напишет о положении в городе.

Если расстреляют, то требуйте вещи. Пальто, одея-

ло и прочее барахло не оставляйте этим подлым гадам.

Алешу увели вчера на расстрел в девять вечера». Письмо восьмое.

«Дорогие родные! Пишу вам последнюю записку. Исполнился ровно месяц со дня объявления приговора. Мой срок истекает, и я, может быть, не доживу до следующей передачи. Помилования я не жду.

Я вам писал, как и что надо сделать. На следствии я вел себя спокойно. Мне сразу дали очную ставку со Стариком. Он меня продал с ног до головы. Я отнекивался, меня повели бить. Три раза водили на протяжении четырех с половиной часов. За это время я три раза терял память, один раз притворился, что потерял сознание. Били меня резиной, опутанной проволокой, палкой полутораметровой длины. Потом по рукам железной тростью.

Еще остались следы на ногах и повыше. После этого избияния я стал плохо слышать, видно, повредили уши.

Я сознался только в том, что знал Старика, что был связным отряда, пристрелил провокатора. Конечно, в сигуранце знали, что я был командиром молодежной группы.

Тех, кого знал Старик,— Алешу и Шурика арестовали, другие из моей группы гуляют на воле. Никакие пытки не вырвали у меня их фамилий. Кроме того, я был как бы помощником Старика, а фактически выполнял всю работу. Водил ребят на большие дела. Собирал сведения, готовился взорвать дом, где были немцы, рядом с Домом Красной Армии — новый дом. Но мне помешал Старик. Эта собака меня боя-

лась. Он дрожал передо мной и заискивал. Знал, что у меня не дрогнет рука убрать предателя.

Жаль, что не успели мы развернуться. Наша группа еще многое могла бы сделать. Я не хотел подавать на помилование, но товарищ Бадаев мне приказал написать. Пришлось покориться. Мы рассчитывали на побег, но здесь два дня назад уголовники собирались бежать, их раскрыли. Они только испортили все.

Сейчас бежать нет возможности, на руках кандалы, а времени мало. Вероятно, последний день.

Правильно писали ребята — последний день перед смертью тянется очень долго. Передайте привет цветам и солнцу.

Я не боюсь смерти, умру, как подобает патриоту. Прощайте, дорогие! Не падайте духом, крепитесь. Прошу только, не забудьте про нас и отомстите провокаторам.

Победа будет за нами!

Крепко, крепко целую всех!

Яша».

До последнего часа сохранились в памяти Якова предсмертные слова комсомольцев, которые так же вот уходили из жизни в те далекие годы, когда ни Яков, ни его друзья еще не жили на свете. Стойкость, преданность, героизм передавались эстафетой от одного поколения к другому.

Была еще жгучая ненависть к подлости, к предательству, ко всему нечистому, что мешало борьбе с врагом.

Несколько недель ждали осужденные приговора. Утверждение пришло из Бухареста в разгар лета. Ни помилования, ни отмены. Всем смертная казнь.

Бадаев надеялся спасти подростков, приказал им писать о помиловании на имя королевы. Стиснув зубы писали. Но только Шестаковой Тамаре продлили жизнь на несколько месяцев — она ждала ребенка. Яков был ошеломлен этой вестью. В нежной и светлой невысказанной любви своей он вдруг понял, что это ничего, ровным счетом ничего не значило для Тамары. Она горячо, страстно кого-то любила, и Яша этого не знал. Может быть, того, с которым она танцевала лезгинку в катакомбах, — пограничника. Яков даже не рассмотрел тогда его лица.

Ну что ж, пусть она любит. А он все равно... Мальчик все понял... и затаил нежные чувства, светлые, чистые. Так бывает только в первой любви.

На казнь уводили не сразу. Взяли Алешу Хорошенко, закадычного друга Якова, который клялся заботиться о семье Гордиенко. Оказалось, что у него было меньше времени, чем у Яши. Его расстреляли первым, хотя Хорошенко приговорили к пожизненной каторге.

Такие порядки существовали в королевской Румынии.

В день казни Якова Гордиенко и еще двух осужденных вызвали из камеры. Простились с товарищами. Ни Бадаева, ни Межгурской в тюрьме уже не было. Их расстреляли тайно за день до этого и похоронили тайно где-то по дороге в Люсдорф. Враги боялись даже мертвого Владимира Молодцова.

Тамара Шестакова увидела Якова в коридоре. Обняла его, поцеловала и отвернулась, чтобы подросток не заметил ее повлажневших глаз. Только сказала ему:

— Держись, Яша, держись!..

Это был первый и единственный поцелуй женщины, который ощутил Яков в своей жизни.

На Стрельбищное поле их вели пешком. Конвоиры шли лениво и безразлично — будто вели людей в баню, все для них было привычно и буднично. Когда вышли на Стрельбищное поле, Яков зашел:

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе...

К нему присоединились два голоса.

В царство свободы дорогу
Грудью положим себе...

Старший по конвою приказал замолчать, но они продолжали петь. Конвоир не наставлял — подошли к месту казни.

Их расстреляли со связанными руками.

Матрена Демидовна рассказывала, как пришла она той же ночью на Стрельбищное поле с дочерью Ниной, да что помощи от нее — дрожит, всхлипывает. Нашли они Якова и схоронили тайком в соседней заброшенной траншее.

...Последней уходила из жизни Тамара Шестакова. 20 сентября в центральной одесской тюрьме она родила девочку, которую назвала своим именем. Пусть хоть маленькая Тамара живет на белом свете. Осужденной разрешили кормить ребенка три с половиной месяца. Когда истекло три месяца и пятнадцать дней, в камеру пришел надзиратель и объявил:

— Срок кормления твоего ребенка окончился.

Это значило, что приговор будет приведен в исполнение.

Тамару расстреляли на другой день — 4 января 1943 года. Покидая камеру, она поцеловала дочку — маленькую, теплую, беспомощную — и передала ее Галине Сергеевой, соседке по тюремным нарам. Сергееву тоже приговорили к расстрелу и казнили две недели спустя, но тогда она еще имела время позаботиться о дочери подруги, первой уходившей на казнь.

Как умирала Тамара Шестакова, рассказала Галина Марцишек.

Галину тоже арестовали, и она долго сидела в тюрьме.

«Помнится, осенью 1943 года, — вспоминала Марцишек, — погнали нас в баню, всю женскую камеру. Пришли, долго ждали очереди, сидели на земле. Достала я зеркальце от нечего делать. Со мной присела наша девушка, говорившая хорошо по-румынски. Рядом стояли два конвоира и о чем-то болтали. Собственно, говорил только один, другой больше молчал. Моя соседка послушала разговор солдат, обернулась ко мне и сказала:

— Знаешь, о чем они говорят? Про нашу Тамару.

Девушка перевела разговор двух румынских солдат:

Первый кивнул на Марцишек:

— Удивляюсь я русским женщинам. Знают, что все равно их убьют, а прихорашиваются, даже в зеркало смотрят.

Другой ответил:

— Никогда не забуду, как мне пришлось расстре-

ливать одну русскую. Это зимой было. Пришли мы в тюрьму за ними, вывели в коридор. Она с ребенком стоит. Высокая, глаза большие, будто горят. Поцеловала ребенка и отдала его женщине, тоже из арестованных. Сняла пальто, тоже дала ей, сказала — на молоко дочери. Фельдфсбель наш из Кишинева был, знал русский язык, рассказывал после, что она говорила.

Ну вот, отдала девочку и говорит: теперь ведите. Гордая такая, на нас не глядит.

Вышли, на улице холодно, снег, сугробы. Идет она в одном платке, на плечи накинутом. Рядом с ней мальчишка, тоже на расстрел. Она обняла его, что-то сказала и вместе запели. Нас не замечает, идет.

Пришли на еврейское кладбище, могилу еще раньше им вырыли. Поставили их рядом, локатинент протянул ей флягу со спиртом, рукой оттолкнула. Глаза хотел завязать, не дала. «Хочу умереть с ясной головой, с открытыми глазами».

Локатинент дал команду, выстрелили, не попали. Мальчишка сразу упал, а эта стоит. Глаза большие, руками за концы платка держится. «Что,— говорит,— страшно? Стреляйте!» Стоит и мне в глаза смотрит.

Офицер тоже кричит: «Стреляйте!», одного солдата по лицу ударил.

Выстрелили еще раз, руки еще больше дрожат. Упала она и опять поднялась. Оперлась рукой на снег и запела, ефрейтор говорил — про свою широкую страну запела. Офицер выхватил пистолет, выстрелил ей в голову и столкнул в могилу ногой... До сих пор глаза ее вижу, так и жгут они будто огнем...»

Так умерла чекистка-разведчица Тамара Шестако-

ва, о которой никто ничего не знал. Знали только, что приехала она с Дальнего Востока, не хотела оставаться вдали от войны. Плавала медицинской сестрой на транспорте, эвакуировала раненых из Одессы, потом осталась в подполье.

Она умерла с песней о Родине. И сама, как песня, осталась в памяти знавших ее людей.

**О
ПОЛКОВНИКЕ
И
ДРУГИХ...**

В сигуранце торжествовали, в гестапо тоже — разведчика Бадаева удалось схватить. Иг-ра, затейная с советской разведкой, сулила успех. Русские клюнули на радиопередачи Глушкова. В расставленные сети вот-вот попадут и другие советские разведчики. Ждали с нетерпением, когда из Москвы прилетят парашютисты. Все было приготовлено, чтобы их встретить.

И все же что-то тревожило майора Курерару. Он никак не мог разобраться в причинах своей безотчетной тревоги.

Радиопереговоры с Москвой так ничего и не дали. Дело тянулось долго — и никаких результатов. Оказалось, что за это время русские укрепили свое подполье. Вот в это самое время и произошло то, что нарушило душевное равновесие майора Курерару.

Ночной патруль совершенно случайно обнаружил советского парашютиста, которого сбросили под городом, но совсем в другом месте, не там, где советовал Глушков. Сколь-

ко парашютистов сбросили той ночью — неизвестно. Захватили только одного — ветер отнес его в сторону, и он приземлился в расположении румынской заставы. Началась перестрелка, парашютист убил двух солдат, но сго, раненого, удалось захватить живым. Сначала отправили в больницу, потом перевели в тюрьму. Как ни допрашивали, парашютист назвал только свою фамилию — Панащенко, Серафим Панащенко, но может быть, и фамилия-то была вымышленная.

Чутьем контрразведчика Курерару понимал, что двадцатилетний парашютист хранит какую-то важную тайну. Допросы не давали результатов, и Курерару решил действовать с помощью Бойко-Федоровича.

Предатель свободно разгуливал по Одессе, но иногда его сажали в тюрьму, в общие камеры, он подслушивал разговоры, которые ведут заключенные. Провокатора посадили в камеру парашютиста, и Федорович выдал себя за помощника расстрелянного Бадаева.

Однажды провокатора увели будто бы на допрос, а через несколько часов втолкнули обратно, будто избитого, едва живого. Предатель сумел втереться в доверие Серафима Панащенко. Он разыгрывал роль стойкого подпольщика, которого не сломил допрос. Бойко стонал, с благодарностью принимал помощь Серафима Панащенко и убеждал соседа, что только так и надо держаться на допросе — никого не выдавать. Парашютист поверил предателю. Накрыв пиджаком голову, чтобы никто не услышал, он зашептал ему на ухо:

— Вы, товарищ Бойко, опытнее меня, помогите

передать записку одной знакомой, надо сообщить, что мне нужна одежда для побега... Полковник поймет из этого, где я нахожусь. Его надо предупредить...

Вот и все, что узнал Курерару о советском полковнике. Но это было еще слишком мало, и контрразведчик продолжал действовать дальше.

В камеру посадили еще двух, на этот раз настоящих заключенных. Их обвиняли в связях с партизанами, но улики против них не было. Четверых обитателей камеры вызывали на допросы, иногда их водили вместе и, перед тем как вывести из тюрьмы, каждому крепко-накрепко связывали руки.

— Надо бежать,— не раз говорил парашютисту Бойко-Федорович. И они решили при первом же удобном случае выполнить свое намерение.

Перед тем как начинать операцию, Курерару собрал исполнителей — Жоржеску, Тылвана, Друмеша. Они должны были играть роль конвоиров. Курерару сказал:

— Сейчас введут четверых арестованных. Первые два должны убежать, остальных надо застрелить при попытке к бегству. Не спутайте... Наблюдайте из другой комнаты.

Первым ввели Федоровича, за ним Панасенко, затем еще двоих. После короткого допроса заключенных отправили обратно в камеру.

Когда стемнело, четверку арестованных со связанными руками повели по одесским улицам. Руки Панасенко и предателя Федоровича завязали не крепко, просто так, для виду. Пока вели по Ремесленной улице, Федорович успел распутать веревки. «Конвоиры» шли сзади, о чем-то болтали, не обращая внимания

на арестованных. Свернули на Троицкую. Не доходя до улицы Свердлова, как раз перед чайной, Федорович вдруг подтолкнул Панасенко, и они бросились бежать. Конвоиры не сразу заметили побег, открыли стрельбу, когда беглецы уже исчезли за углом. Жоржеску почти в упор выстрелил в спину одному заключенному, Друмеш убил второго. Тылван бросился преследовать беглецов, сделал вслед им несколько выстрелов и вернулся обратно. Из чайной высунулись перепуганные лица. Конвоиры потоптались возле убитых и пошли к сигуранце.

Курерару вопросительно взглянул на вошедших.

— Задание выполнили,— за всех сказал Тылван.

— Где убитые?

— Как приказано — на Троицкой перед чайной.

— Пусть останутся там до утра,— распорядился Курерару.— Надо, чтобы в городе пошире распространился слух о побеге.

И все же грязный, вероломный, так хитроумно задуманный план Курерару провалился. Через несколько дней на явочную квартиру сигуранцы пришел обескураженный Федорович и доложил Аргиру: задание сорвалось. Два дня они провели вместе с парашютистом у одной знакомой, связанной с катакомбистами. Федорович не спускал глаз с парашютиста, а он вчера куда-то исчез и до сих пор не вернулся.

— Значит, проворонили чекистов,— зло сказал Аргир и принялся звонить Курерару.

Напасть на след Полковника не удалось. Его звание в сигуранце сделали кличкой. Фамилию Полковника установить не удавалось. Но если говорить о «почерке» разведчика, Полковник, несомненно, был

опытным, осторожным и в то же время очень дерзким профессионалом-разведчиком. Казалось, вот-вот его обнаружат, но Полковник неожиданно исчезал, искусно обходил расставленные ловушки. Правда, тайная полиция установила, что к группе Полковника принадлежит Крымов, участник взрыва дамбы на Хаджибейском лимане, Белозеров — катакомбист из отряда Бадаева, и Черноморец, сброшенный с группой парашютистов в распоряжение Полковника.

Агенты гестапо напали на след Черноморца, его удалось даже арестовать, но он, отстреливаясь, приберег последнюю пулю для себя. Тяжело, но не смертельно раненного Черноморца привезли без сознания в больницу. Куреру торжествовал, но, когда Черноморец очнулся и увидел, что находится среди врагов, чекист сорвал повязки и расшиб себе голову о железную спинку больничной койки...

След Полковника был снова потерян.

А Советская Армия приближалась к Одессе. Теперь уже всем было ясно, что война подходит к концу, но борьба продолжалась, жестокая и непрестанная. Из Бухареста прислали тревожную шифровку — подготовиться к эвакуации. Одновременно подполковник Пержу получил секретный пакет со строжайшей надписью: «Тайное дело государственной важности». Руководителю «Вултурул» в Одессе предписывали перейти в подчинение германскому командованию для совместного проведения операции «Пламя» — уничтожению города перед приходом русских. На месте Одессы советские войска должны найти только выжженную землю и пустынный берег соленого моря.

«После ухода наших и германских войск из горо-

да,—предписывала инструкция,—Одесса не должна больше существовать».

В первую очередь следовало подготовить к взрыву все промышленные, транспортные и общественные здания. Авторы операции «Пламя» обращали особое внимание на уничтожение одесского порта с причалами, подъездными путями, складами, порталными кранами и вообще всем оборудованием.

После этого план предусматривал разрушить и сжечь жилые дома, а низменную часть города затопить после взрыва ограждающей дамбы.

Тайной полиции — гестапо и сигуранце — поручали обеспечить операцию «Пламя» и не допустить, чтобы русские помешали уничтожению города. Всю ответственность возлагали на руководителя одесского гестапо — штандартенфюрера СС Шольца.

Распоряжение было секретное, и все же разведчикам-чекистам стали известны планы врага. Операция «Форт» столкнулась с операцией «Пламя». Началась завершающая глава борьбы катакомбистов с германорумынскими оккупантами.

Анатолий Белозеров, покинув с отрядом старые катакомбы, давно переселился в город и работал портовым грузчиком. На работу его устроил Крымов. Последние месяцы подпольщики встречались почти ежедневно. Был на исходе февраль 1944 года, когда разведчики впервые заподозрили что-то неладное на территории порта. Однажды в конце туманного промозгло-холодного дня сюда пригнали две роты саперов, будто бы восстанавливать разрушенные причалы. Но странное дело, саперы занимались совсем другим...

Как бы случайно Крымов прошел вдоль причала,

где копались саперы. В порту Крымов работал такелажником, и его появление у причала не вызвало подозрений. Только часовые заставили его отойти подальше от неглубокой траншеи, которую солдаты успели выкопать. Грунт был тяжелый, и работа шла медленно.

— Что-то не нравится мне такое «восстановление причалов»,— сказал Крымов Белозерову, когда тот остановился, чтобы прикурить самокрутку.— Срочно передай об этом Полковнику.

Крымов поглубже засунул в карманы замерзшие руки, поднял ворот бушлата, вразвалку зашагал к пирсу, где грузилось немецкое судно. За кормой развевался фашистский флаг с черной свастикой. Крановщик в рваном ватнике и засаленном треухе огорченно глядел на поднятую в небо стрелу, покачивая головой.

— Что здесь? — спросил Крымов.

— Опять трос загло, блок менять надо...

Крановщик пошел за ремонтной бригадой, Крымов, проявляя старанье, полез на стрелу, спустился вниз и подтвердил, что без ремонтной бригады не обойтись.

Кран ремонтировали долго, и только на другой день к вечеру возобновилась погрузка немецкого судна.

— Пусть будут довольны, что так обошлось,— пробормотал крановщик, который опять занял свое место.— Сделать бы им как с «Антонеску».

— Не болтай,— остановил его слесарь-ремонтник, он собирал в сумку инструменты.— Держи язык за зубами...

— А что я сказал? Ничего!.. Никто не слышал...

Крановщик вспомнил румынский пароход «Ион Антонеску», который осенью ни с того ни с сего затонул с грузом зерна на пути в Констанцу. Шторм был небольшой, но корабль вдруг лег на борт и опрокинулся вверх днищем. Произошел оверкиль. Корабль опрокинулся так стремительно, что команда не успела спустить шлюпки. «Антонеску пошел ко дну», — подшучивали одесские портовики, знавшие тайну гибели парохода.

Корабль грузился у элеватора, и грузчики — плотническая бригада — устроили в его трюме «зонтик» — деревянный навес, перекрывший доступ зерна в нижнюю часть трюма. Внешне казалось, что трюмы загружены до самого верха. Нарушилась устойчивость судна, и корабль опрокинулся, как только его начало раскачивать штормом.

Об этой диверсии и вспомнил крановщик, заступивший в ночную смену. Работал он неторопливо — из подполья дали приказ всячески саботировать погрузку судов. Оккупанты торопились вывезти из Одессы все, что только возможно, что представляло хоть какую-то ценность.

В полночь крановщик «уронил» на корму тяжелую станину, повредил рулевое управление судна. Немецкий корабль еще несколько дней не выйдет в море... Теперь оставаться в порту крановщику совсем опасно — две аварии на одном месте. Не дожидаясь, пока его арестуют, крановщик-подпольщик скрылся из порта.

Через день Белозеров принес указание — за саперами установить постоянное наблюдение.

Тайная война разгоралась. Круглые сутки долбили

саперы неподатливую одесскую землю, и постепенно подпольщикам становились ясны замыслы оккупантов. Вдоль всех причалов начиная от Нефтяной гавани тянулась траншея, прерываемая через каждый десяток метров глубокой ямой. Потом в порт привезли бронированный кабель, сотни и сотни ящиков тола, авиационные бомбы. Ясно — оккупанты намерены разрушить одесский порт. Инженеры-подпольщики подсчитали: доставленная взрывчатка может причинить такие разрушения, что легче выстроить порт на новом месте, нежели его восстановить.

Наступала последняя ночь оккупации. Город горел, всюду разносились глухие взрывы, и здания оседали вниз, как подкошенные, как солдаты, сраженные пулей. Но последний взрыв оккупанты приберегали на самый конец. Взрыв порта назначили на рассвете.

Крымов не спал уже третьи сутки. С отрядом подпольщиков он притаился в порту и наблюдал за последними приготовлениями врага.

Подрывная станция находилась у Карантинного мола, и ее охранял усиленный отряд эсэсовцев. От щита управления бронированный кабель расходился ко всем участкам порта. Брекватер, маяк, часть Карантинного мола и сама подрывная станция были заминированы тяжелыми фугасами замедленного действия. Тайные донесения разведчиков-добровольцев совпадали с наблюдениями Крымова. Сначала хотели атаковать подрывную станцию. А что, если немцы снова ее отобьют? Но от этого пришлось отказаться. Нельзя раньше времени настораживать врага.

Днем десятого апреля Крымов и его люди обрати-

ли внимание на то, что немецкие подрывники тянут к морю какой-то дополнительный кабель, шел он от пульта управления. Саперы вывели кабель из порта, установили буй, на котором закрепили концы проводов и поставили для охраны моторную лодку. Все было готово для уничтожения порта.

Наступила ночь, еще одна ночь без сна, забрезжил рассвет, и постепенно порт стал пустеть. Подпольщики сидели на третьем этаже заминированного здания. Отсюда хорошо было наблюдать за портом. Ночью, как условились, сюда должен был прийти Белозеров, но Крымов тщетно прождал его до утра. Он собрал своих людей и сказал:

— Все мы на минах и на фугасах. Не выполним задания — погибнем. А главное — погибнет порт... Впрочем, все это вы и без меня знаете. Давайте действовать... По местам!

Порт совсем опустел. На последний катер, тархетивший напротив взрывной станции, прошли какие-то эсэсовские чины, солдаты с изображением черепов на рукавах — из отряда «Мертвая голова». Катер развернулся и стал удаляться от берега.

Теперь пора! Крымов подал команду. За молом среди бетонных глыб мелькнули фигуры людей, одетых в шерстяные свитеры. Они погрузились в ледяную воду и пошли к тому месту, где немцы протянули электрический кабель.

Выполняя приказания, полковник Шольц самолично присутствовал при завершении операции «Пламя». Здесь же, на борту катера, находился и Ганс Шиндлер, прибывший из Берлина во главе группы «Мертвая голова». Оба стояли на ветру и курили. Катер вы-

шел за пределы порта, на рейде маячил только военный корабль, который всех должен был взять после взрыва. Катер развернулся около буя, и пиротехники подключили к проводам взрывной аппарат. Шиндлер посмотрел на часы; немного подождал, он был пунктуален и действовал строго по расписанию. Пусть на корабле проверят часы по этому взрыву. Подрывник внимательно, по-собачьи, глядел на него снизу вверх и ждал сигнала.

— Взрыв! — Шиндлер рубанул воздух рукой.

— Готово! — сапер включил аппарат, но взрыва не произошло.

— Огоны!!! — неистово крикнул Шиндлер. Подрывник дрожащими руками рвал аппарат.

— Нарушена проводка, — доложил он, чувствуя, как немеет язык.

— Назад, к берегу! — приказал Шольц.

В брызгах пены суденышко ринулось к порту, но с волнореза почти в упор стеганули автоматные очереди. Все, кто был на катере, упали на дно. Рулевой успел развернуть суденышко, и оно так же стремительно помчалось обратно. Катер стал недостижим для пуль, Шиндлер поднялся, за ним остальные. Его бледные тонкие губы были плотно сжаты.

Шольц кивнул на подрывника — арестовать. Гестаповцы разоружили лейтенанта. Пора было плыть к военному кораблю, но Шиндлер чего-то медлил. Снова посмотрел на часы:

— Через три минуты взорвут дамбу...

Катер покачивался на волне. Стали ждать. Было уже совсем светло, и с моря открывался город в клубах дыма, в пожарищах. Но взрывы прекратились.

Только где-то за городом ухали артиллерийские выстрелы.

Прошло три, пять, семь минут. На катере настороженно прислушивались, но взрыва все не было. Еще подождали. К артиллерийскому гулу прибавился пулеметный треск. Шиндлер поднял бинокль и направил его на город. На бульваре рядом с гостиницей, в которой он жил, виднелись зеленые фигурки солдат. Они устанавливали пулемет рядом с лестницей, спускавшейся к порту. Солдаты отчетливо были видны в бинокль, они наводили пулемет в сторону моря. Шиндлеру показалось, что пулемет направлен на их катер.

— В городе красные,— сказал он, почти не разжимая губ. Потом капитану катера: — Чего же вы ждете?

Катер затархтел и начал все дальше уходить от берега. С борта корабля матросы бросили веревочный трап.

Операция «Пламя» не состоялась. А на берегу Крымов со своими людьми оставался единственным хозяином порта. По каменным ступеням он сошел к морю, набрал в пригоршню воды, плеснул себе в лицо и умылся. Ему очень хотелось спать, и ледяная вода освежила его.

Оставив часовых, пошел в город. Поднялся на бульвар, вышел к оперному театру. На фронте развевалось красное знамя, его подняли солдаты, вступившие в город.

Кончилась оккупация!

Крымов снова вспомнил о Белозерове.

А пограничник в тот час лежал без сознания в

светлой украинской хатке на берегу Хаджибейского лимана, где принял он последний бой с отрядом «Мертвая голова».

Партизаны затаились на Куяльницкой дороге, что ведет от города к Хаджибейскому лиману. Именно здесь и готовили немцы взрыв дамбы, чтобы затопить Пересыпь — нижнюю часть города. Засаду возглавил Горболов, второй секретарь подпольного райкома партии, а Белозеров с группой катакомбистов должен был остановить первую машину, чтобы создать на дороге пробку.

Колонна машин с людьми и взрывчаткой подошла среди ночи. Бой был скоротечный. Эсэсовцы из отряда «Мертвая голова» не выдержали партизанского натиска. Только несколько винтовочных выстрелов да коротких очередей раздались с передней машины.

— Бей по колесам! — крикнул Белозеров, поднимаясь во весь рост, но тут же упал, сраженный первыми шальными пулями. Он уже не слышал ни дружных выстрелов своих товарищей, бросившихся в ночную атаку, ни слов сочувствия, когда его бережно несли в соседнюю хату, ни возбужденных и радостных разговоров о том, что оккупантам все-таки не удалось затопить город. Ничего этого не слышал пограничник Белозеров. Он лежал безмятежно спокойный, с печатью уверенной солдатской мудрости на лице, будто сознавая, что выполнил все, что требовали от него люди. И хозяйка с заплаканными глазами вытирала мокрым расшитым украинским рушником его пересохшие губы...

С этого апрельского победного утра и затерялся след пограничника на дорогах войны. И вот спустя

много лет, наслышанный о Белозерове, я захотел хоть что-нибудь узнать о судьбе пограбленного.

В знойный день я упорно бродил по Фоминой Балке в поисках семьи Белозеровых. Долгие расспросы привели, наконец, к домику на краю села, скрытому со стороны улицы невысоким, в рост человека, каменным забором с двумя акациями, застывшими в южном июльском зное. Калитка вела в крохотный дворик, отгороженный жердинами от сада. Женщина в домотканой юбке белила хату. На ее загорелом лице, на босых ногах, на косынке и в волосах брызгами молока выступили засохшие известковые капли. Женщина, загородив от света ладонью глаза, молча смотрела на меня, пока я рассказывал, что привело меня в их дом.

— Гарпина, слышь, тут Белозеровых спрашивают! — крикнула она кому-то певучим голосом. Потом ко мне: — Верно, жили здесь Белозеровы, только давно. Отца их, говорили, фашисты повесили, а мать с дочкой уехали вскорости после войны. Мы тогда у них дом и купили.

Из сада вышла Гарпина. Присела на скамейку. Слушала наш разговор, обмахивалась косынкой от зноя, потом сказала:

— Ты бы человека молоком угостила, жара-то какая...

Женщина, что белила хату, смутилась, всплеснула руками и ушла на погребницу. Вынесла граненый стакан и крынку, сразу запотевшую на жару. Женщины угощали ледяным молоком и рассказывали обо всем, что знали.

...Отца повесили за то, что помогал партизанам.

А сын у них был, скрывался в катакомбах, рвал поезда на железной дороге. Как его звали, женщины позабыли... Вечером со степи придут мужчины, они, может, вспомнят.

Я назвал имя пограничника: Анатолий.

— Может, и Анатолий... Красивый такой, высокий, кудри черные. После войны приезжал сюда, заходил. Военный, из пограничников. На груди орденов, медалей прямо ужас сколько...

Женщины стали вспоминать по семейным приметам, когда это было. Решили: в сорок шестом, в тот год, как Гарпина выходила замуж.

— Вошел он, как вы вот сейчас, остановился среди двора, снял зеленую фуражку, стоит и думает, может, вспоминает что. Потом только уж в хату зашел.

Мы его как родного приняли, как же иначе. Заночевал он у нас, а утром уехал. Говорил, что родных ищет. Про отца-то мы ему и сказали. Рассказывал еще, что невеста у него была в Одессе — партизанка из катакомб, Тамарой звали. Тоже думал, может быть, встретит, а оказалось — погибла. Расстреляли ее... Рассказывает, а глаза у самого горячие, как в лихорадке.

Женщина вздохнула, вытерла с лица пот, смахнула и набежавшую слезу. Ее до сих пор волновала, трогала судьба незнакомого ей пограничника.

— Вот ведь как на свете бывает, — задумчиво сказала она, — искал невесту, нашел могилу... А ведь все из-за нас, чтобы мы жили спокойно... Хоть бы теперь войны не было.

ТОВАРИЩ ГРИГОРИЙ

Когда эта книга была написана, я поехал на улицу Дзержинского к работнику Комитета государственной безопасности, чтобы уточнить некоторые факты, посоветоваться, поговорить еще раз об «Операции «Форт».

Я вошел в кабинет, окнами выходивший на площадь, где в бронзовой долгополой шинели стоит на постаменте Дзержинский. Из-за стола поднялся пожилой человек с седой головой и гладко выбритым худощавым лицом. Мы встречались с ним и раньше. В «Операции «Форт» он выступал под именем Григорий...

Меня интересовало отношение противника к одесскому подполью в годы войны. Товарищ Григорий иронически усмехнулся, молча поднялся из-за стола и взял с полки книжного шкафа толстую книгу.

— Я прочту вам, — сказал он, перелистывая страницы, — как военные круги фашистской Германии оценивали нашу работу уже спустя много лет после освобождения Одессы.

Они до сих пор не могут избавиться от испуга. Вот что пишет немецкий разведчик генерал-лейтенант Курт Типпельскирх.

Товарищ Григорий прочитал:

«Девятого апреля последние немецкие части организовано оставили Одессу, основательно разрушив все важные в военном отношении сооружения. Город в течение двух лет оккупации, осуществлявшейся главным образом румынами, превратился в цитадель партизанского движения. Оставляя осенью 1941 года Одессу, русские создали в городе надежное, преисполненное величайшего фанатизма партизанское ядро. Партизаны обосновались в катакомбах, разветвленная сеть которых — общей длиной около 100 километров — не имеет себе равных в Европе. Это была настоящая подземная крепость с расположенными под землей штабами, укрытиями, тыловыми учреждениями всех видов, вплоть до собственной пекарни и типографии, в которой печатались листовки. Оружие покупали у немецких солдат. Партизаны совершали ночные нападения на отдельных солдат и плохо охраняемые военные объекты, а также терроризировали часть населения, сотрудничавшую с оккупационными властями. Кроме того, велась активная разведывательная работа. Бунтовщики, годами жившие под землей без света и солнца, в своем славянском фанатизме добровольно обрекали себя на тяжелые физические страдания от туберкулеза и потери зрения.

Когда русские войска десятого апреля вступили в город, сильно пострадавший со времени осады 1941 года, он был разрушен на семьдесят пять процентов. Из десяти тысяч советских партизан, вышед-

ших навстречу своим войскам, свыше половины были оснащены оружием немецкого и румынского производства».

Товарищ Григорий, улыбнувшись, захлопнул книгу, принадлежавшую перу Типпельскирха.

— По поводу разрушений Типпельскирх здесь сильно преувеличил. Мы не позволили противнику разрушить город перед уходом, но дело не в этом. Как здесь не вспомнить Ивана Гавриловича Гаркушу,— сказал он,— который так напугал румынскую сигуранцу своими рассказами! Как видите, германские военные авторитеты до сих пор считают, что в катакомбах действительно было не меньше десяти тысяч партизан и разведчиков.

— А на самом деле?

— На самом деле гораздо меньше. Вспомните, в бадаевском отряде насчитывалось около сорока человек, против них румыны бросали временами до шестнадцати тысяч солдат. Получается — один к четыремстам...

Меня интересовала судьба подпольщиков, и я спросил об этом товарища Григория.

— Вас, вероятно, прежде всего интересует и судьба Гласова? Час назад он сидел здесь, на вашем месте... Да, не удивляйтесь! Теперь он на пенсии, несколько лет назад получил тяжелый инфаркт — переработал. Благодаря Молодцову Николай Гласов выбрался из Дальницких катакомб, его переправили туда, где он должен был работать. О нем ходили легенды. Когда-нибудь о Гласове тоже можно будет написать повесть. Но пока, пока могу только сказать, что он жив и не совсем здоров.

В беседе мы снова возвратились к чекистским делам в оккупированной врагом Одессе. Я спросил:

— В деле довольно глухо упоминается совместная румыно-германская операция «Пламя» — уничтожение Одессы. Как удалось предотвратить «Пламя» и сохранить город?

— Если вы помните, — ответил товарищ Григорий, — на первых страницах дела «Операция «Форт» есть короткая шифрограмма Киру — Владимиру Молодцову. На него возложили более широкие обязанности, чем намечалось раньше, — он должен был оказать помощь Самсону и руководить закрытой или молчащей сетью. Вот отсюда все и идет... Пока мы вели игру с румынской и немецкой разведками, пока отвлекали внимание противника переговорами по радио, будто бы принимая за чистую монету фальшивки Шиндлера, наши люди тем временем работали. Это было продолжение «Операции «Форт», которую возглавил Владимир Молодцов.

Товарищ Григорий напомнил мне показания румынского генерала Кристеску, начальника жандармского управления. Он взял со стола папку, нашел нужный лист и прочитал:

«Мы так и не могли ликвидировать советского подполья в Трансистрии. Мы не смогли узнать даже фамилии или хотя бы псевдонима полковника из советской разведки, который противостоял нам в городе Одессе.

В самый последний момент перед уходом наших и германских войск из Одессы действия подпольщиков, поддержанные населением, не позволили румынско-германским специальным войскам уничтожить важные

военно-экономические объекты, например, крупнейший на Черном море одесский торговый порт. Это принесло нам в итоге серьезный военный урон. Гестапо и сигуранца оказались бессильны в борьбе с советской разведкой, предупредившей полное уничтожение города. Ее усилиями операция «Пламя» была сорвана. Это надо признать».

Враг признался в своем поражении.

— Вот видите,—сказал Григорий,—наш «Форт» выстоял против «Пламени»... В этом заслуга Молодцова, его молчащая сеть, под конец она сказала решающее слово. Помните Олега Николаевича? Я о нем как раз и говорю.

Что же касается наших противников, многие из них далеко не ушли. Их арестовали уже за пределами нашей страны. Этому мы обязаны успехам Советской Армии. Курерару, Аргира, Жоржеску, Харитона доставили в Одессу и там судили как военных преступников. Ганса Шиндлера задержать не удалось, он скрылся в Западной Германии. Так что нам еще хватает работы оберегать страну от всевозможной нечисти...

Гербиха из группы «Мертвая голова» взяли в плен, тоже судили. Он все еще недоумевал и сокрушался, как их могла перехитрить советская разведка. Вспомнил про Гаркушу.

О предателях вы уже знаете. Бойко-Федоровича, Глушкова доставили в Одессу издалека, добыли их, что называется, из-под земли. Судили и расстреляли. Предательство у нас никогда не остается безнаказанным. Помните — так думал и Яша Гордиенко, вожак молодых подпольщиков. Из него бы вырос прекрас-

ный чекист. Он прав — предатели и провокаторы не умирают своей смертью...

Мне захотелось задать товарищу Григорию еще один вопрос:

— А судьба Полковника, который после Молодцова руководил подпольем? Он уцелел в войне?

— Это меня называли Полковником,— улыбнулся Григорий.— В сигуранце, впрочем, так же как и в гестапо, обо мне больше ничего не узнали.

— Ну, а теперь, через много лет, в книге можно назвать ваше настоящее имя?

— Нет, называть меня пока не время. Для нашей профессии двадцать лет не такой уж большой срок...

Конец

СОДЕРЖАНИЕ

Хранить вечно!	3
Мастерская на Нежинской улице	10
Будни подполья	23
Бадаев выходит в город	38
Агенты сигуранцы	52
Куреру вербует предателя	63
Арест	80
Дневник, найденный в катакомбах	96
После ареста	104
В тюрьме	121
Игра разведок	131
Запомните их имена!	141
О Полковнике и других...	154
Товарищ Григорий	169

Корольков Георгий Михайлович.

В КАТАКОМБАХ ОДЕССЫ. Докум. повесть.
М., «Молодая гвардия», 1968.

176 с. («Честь. Отвага. Мужество.») Р2

Редактор *Г. Еремин*

Оформление художника *Н. Михайлова*

Рис. на обложке *А. Брусиловского*

Художественный редактор *Г. Позин*

Технический редактор *А. Захарова*

Сдано в набор 1/IV 1968 г. Подписано к печати
22/VIII 1968 г. А04634. Формат 70×108¹/₃₂. Бу-
мага типографская № 2. Печ. л. 5,5 (усл. 7,7).
Уч.-изд. л. 6,4. Тираж 100 000 экз. Цена 19 коп.
Заказ 446. Т. П. 1968 г., № 210. ,
Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая
гвардия». Москва, А-30, Сушевская, 21.

19 коп.

Георгий Михайлович Корольков свою литературную деятельность начал в 1927 году с работы в редакции «Комсомольская правда». В 1929 году он в качестве корреспондента своей газеты совершил кругосветное путешествие на ледоколе «Литке» и выпустил свою первую книгу «В тропики на ледорезе».

Корольков — автор более десятка книг. Среди них: «Испания в огне», «К берегам Немана», «Комсомольцы на фронте», «В Германии после войны», «Партизан Леня Голиков», роман-диалогия «Тайны войны» и «Так было...», «Через сорок смертей», «Человек, для которого не было тайн» и другие. «В катакомбах Одессы» — последняя книга Юр. Королькова (журнальный вариант повести — «Операция «Форт» — был опубликован в журнале «Пограничник»). Сейчас автор работает над своей новой книгой — романом-хроникой «Кю ку мицу!» («Совершенно секретно — при опасности сжечь!»).